НЁМАН

4 /2017
АПРЕЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Заместитель директора – главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Адрес редакции

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 284-85-25, заместителя главного редактора — 284-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

*74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.*

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Директор – главный редактор
Павел Яковлевич СУХОРУКОВ

Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Староверова*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

Подписано в печать 13.04.2017. Формат 70 ×108 $^1/_{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,80. Уч.-изд. л. 17,63. Тираж 1510. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

*Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.*

Елена ПОПОВА

Егоша и маленькие, маленькие бабочки...

Роман-сказка

1

Егоша был голубоглазый, светловолосый и простодушный. И никогда ни в чем не сомневался. Все вокруг казалось ему таким, каким и должно было быть. Его родители — лучшие родители в мире. Страна, в которой он родился, замечательная страна, а город — этот лес каменных гигантских домов и скверов, в которых росли огромнейшие деревья, — его удивительный и прекрасный мир.

Ведь он другого мира не знал и любил то, что имел.

Игрушек у Егоши хватало, но все они были сломаны. Если быстро не ломались сами от плохого качества, то он их разламывал, чтобы посмотреть, что же там, внутри.

Что же там, внутри, — это была его страсть. Не потому, что он был такой уж гениальный ребенок, такой уж вундеркинд, а просто любопытный.

Как-то в песочнице, ни с того ни с сего разозлившись, более рослый мальчик ударил Егошу лопаткой по голове.

— Почему? — изумился Егоша.

— Так! Так! — кричал мальчик.

С тех пор и на всю жизнь остался у Егоши крошечный шрам над бровью, навсегда пробив брешь в его младенческом простодушии. И когда потом его обижали — в школе, институте или на работе, — он не удивлялся и только почесывал тонкую белую полоску на лбу.

По дороге жизни он пошел вместе со всеми. Это было просто. Все учились в школе, и он учился в школе. Все заканчивали институты, и он закончил институт, все где-то работали, и он стал работать в производственном отделе большой организации.

Наконец, все женились — и Егоша женился. Жена ему нравилась, она была теплой и ласковой. Но становилась иногда холодной и колючей, тогда она нравилась ему меньше.

Вот так жизнь и шла, как у всех. Конечно, иногда накатывало на него беспокойство, и ужасно хотелось взломать этот привычный ход жизни, эту глаз намозолившую обыденную поверхность, эту облепившую его паутину условностей, прописных истин, избитых клише и посмотреть, что же под ними — внутри. Тогда он чаще встречался с друзьями, пил водку, много говорил, все пытался что-то выяснить, но в результате оказывалось только одно — похмелье.

— Чем я лучше других? — думал тогда Егоша. — Что, мне больше, чем всем, надо? Как все, так и я.

Пришло время, и у Егоши умерла мать.

Говорили…

Мать — это мать.

Мать у человека одна.

Так уж заведено — терять родителей.

Все подбадривали Егошу и жалели, а он был довольно спокоен, вроде как немного туповат. Это смущало его и вызывало комплекс вины. Мать — это мать, — говорил себе Егоша. — Мать у человека одна. Но все равно оставался спокойным и ничего не чувствовал. Так уж заведено — терять родителей, — повторял он в свое оправдание и этим даже немного утешался.

На поминках Егоша совсем забылся, выпил лишнего и даже говорил с соседом по столу — каким-то дальним родственником — о чем-то веселом.

Спать он в тот вечер лег рано. Жена заставила его выпить снотворное, и он тут же заснул. Но проснулся уже через несколько часов, среди ночи, от ужаса — ему приснился страшный сон. Ему снилось, что они с матерью идут по темному туннелю метро, быстро, почти бегут, было очень страшно. Егоше чудилось, что их что-то догоняет, что-то угрожающее и ужасное, и они бегут, бегут, чтобы от этого ужасного спастись. И Егоша держит мать за руку.

После Егоша долго не мог заснуть, думал даже разбудить жену и опять попросить снотворное. Но почему-то этого не делал, просто лежал и смотрел в потолок, который нависал над ним как душный полог.

На другой день он с полным правом мог не пойти на работу, но пошел, чуть пьяный с похмелья и от недосыпа. После работы тоже оказались какие-то дела, и он провозился с ними до поздней ночи. Ночью ему опять приснился все тот же сон.

Они бежали с матерью по темному туннелю метро, а вокруг их окружало что-то враждебное, злое, опасное, еще более пугающее тем, что Егоша не понимал — что ЭТО такое. Он просыпался весь мокрый, с отчаянно бьющимся сердцем и опять проваливался все в тот же сон.

Егоша уже боялся ложиться спать и по вечерам все бродил и бродил по квартире, придумывая то одно, то другое занятие. Но спать все-таки надо, и он ложился.

К великому его облегчению, через несколько дней они с матерью-таки выбрались из этого проклятого туннеля и с невероятными усилиями, еле передвигая окаменевшие ноги, как бывает во сне, преследуемые все тем же ужасом, пошли вверх по лестнице…

Егоша помрачнел, исхудал, ни с кем не хотел разговаривать. И все думали, что это он так переживает.

После того, как они с матерью выбрались из туннеля, ему все-таки стало немного легче. Но сны продолжали его преследовать.

Был сон — он вел мать, совсем уже старушку, по проходу в пустом допотопном автобусе, автобус бросало и трясло, как бывает на плохой проселочной дороге. Егоша крепко держал мать, чтобы она не упала, и вел ее к выходу…

Какое-то время сны ему не снились. Наконец приснилась огромная палата, полная света и воздуха, и он точно знал, что там должна быть мать, и рвался к ней, но какая-то женщина в белом халате его туда не пускала.

— С ней все в порядке, — говорила ему женщина. — Не беспокойтесь.

На сороковой день Егоша, один и даже без цветов, отправился в колумбарий и долго стоял перед нишей, в которой была захоронена материнская урна. Он захватил с собой маленькую бутылочку водки, но хоть и замерз, пить не стал. С медальона на него смотрела молодая мать, и смотрела какими-то

очень живыми, не потусторонними глазами. Вдруг горячая, но не обжигающая, сильная волна окатила Егошу, окатила и ушла… И ему сделалось легче.

Жизнь стала возвращаться к привычному, сны больше не мучали, но Егоша все был неразговорчив, и какая-то худоба в лице еще оставалась.

Как-то он проснулся среди ночи. Не после тяжелого сна, а просто проснулся. Была ранняя весна, но мороз уже оступил, из чуть приоткрытой форточки через узкую щель пробивался свежий воздух и чуть касался лица. С минуту Егоша лежал неподвижно, движение воздуха его раздражало и отвлекало, мешая спать, он решил встать и закрыть форточку. И только собрался выбраться из-под одеяла, как заметил у окна какую-то фигуру. Это был мужчина довольно высокого роста — вот, пожалуй, и все. Лица и каких-то других подробностей разглядеть было нельзя. Тело Егоши как-то странно отяжелело, одеяло давило на грудь, но страха он не чувствовал.

— Собирайся, малыш! — сказал мужчина.

И Егоша, откинув тяжелое, как из свинца, одеяло, стал медленно одеваться.

— Не тормози, — сказал мужчина и пошел из квартиры.

Он двигался бесшумно, и Егоша шел за ним, осторожно ступая, чтобы никого не разбудить. В прихожей он замешкался…

— Что ты там застрял? — спросил мужчина.

— Переобуваюсь, — сказал Егоша.

— Необязательно. А вообще, как хочешь.

На улице было ветрено. Горел фонарь у подъезда. Тут только Егоша немного разглядел этого человека — в старом костюме Егоши — Егоша не носил его много лет, а так как был он намного выше — и пиджак, и брюки были коротковаты. Шея и нижняя часть лица обмотаны Егошиным старым шарфом.

— Вы не замерзнете? — спросил Егоша. Он-то успел накинуть пальто.

— Это недолго, не беспокойся, — ответил мужчина.

Тут прямо к подъезду подъехал автобус. Двери бесшумно открылись. Они вошли, автобус тут же тронулся. Это был тот самый допотопный автобус, который Егоша видел во сне. За мутным окном все что-то мелькало, но разглядеть что, он не мог.

Они вышли у невероятно высокого, длинного здания — непонятно было, где оно начиналось и где заканчивалось, уходя извилистой змеей в разные стороны.

— Запомни свой номер, три миллиарда первый, — сказал незнакомец и куда-то исчез.

О… Какое это здание! Егоша не видел такого ни в кино, ни на картинках — бесконечно уходящее вверх, безгранично раскинувшееся и в одну, и в другую сторону. Бесстрастное в своем величии и в то же время готовое навеки поглотить вошедшего. Плавно скользнули, раздвинулись двери, ведущие внутрь…

Егоша вошел в огромный вестибюль, далеко, в противоположном конце виднелась лестница, по бокам светилось множество лифтов. Вестибюль был полон людей. Они выходили из лифтов, заходили в другие лифты или озабоченно неслись к лестнице. Все в темных костюмах клерков, с черными прилизанными волосами, ясноглазые, они напоминали Егоше суетливых, молчаливых птиц, этаких лишенных голоса галок. Егоша как вкопанный стоял посреди вестибюля, а молчаливые клерки все проносились и проносились мимо него, не задевая, оставляя после себя только потревоженный воз-

дух, легкий свист ветра. Наконец один остановился с ним рядом, посмотрел холодно и ясноглазо и спросил:

— Вам куда?

— Я не знаю, — сказал Егоша. — Я — номер три миллиарда первый.

— Это на семнадцатый этаж. Воспользуйтесь лифтом.

Егоша покорно встал в очередь к одному из лифтов. Очередь быстро рассосалась, и в лифт, в эту зеркально-сияющую клетку, он вошел один. Бесконечной шеренгой шли вверх горящие цифры. Он нажал на семнадцать. Лифт взмыл незаметно и тут же остановился, двери раскрылись. Егоша вышел в коридор, по которому и тут, то вперед то назад, носились клерки. Все — возможно, из-за одинаковых костюмов и темных прилизанных волос — на одно лицо. Егоша пошел по коридору осторожно, стараясь никого не задеть, впрочем, это было необязательно, клерки, несмотря на свой бег, сами никого не задевали, и только легкий вздох воздуха говорил о том, что кто-то промчался мимо. Егоша долго шел по этому коридору, пока один из клерков не остановился рядом и не спросил:

— Вам куда?

— Я… — замялся Егоша. — Три миллиарда первый.

— А, — сказал клерк. — Тогда прямо, потом налево, еще раз налево и упретесь, — сказав это, он тут же понесся дальше.

У Егоши в детстве были проблемы с этим — вправо и влево. Он долго не мог понять, почему влево — это влево, а вправо — это вправо. Потом как-то справился. Теперь это состояние вернулось — до того, как справился, — и он уже совершенно не понимал, куда идти. Просто пошел прямо, коридор сворачивал, и он свернул, потом свернул опять, вместе с коридором. Тут прямо перед его носом распахнулась дверь, и какой-то человек сказал:

— Долго же ты! Давай заходи!

Кабинет, в который зашел Егоша, напоминал кабинет его начальника. Прямо точь-в-точь. Перед ним стоял плотный незнакомый человек с каким-то очень привычным лицом, а главное, привычным выражением этого лица — именно начальника, если не Егошин, то чей-то еще.

— Присаживайся, — сказал человек, отодвигая для него стул и сам пристраиваясь за столом напротив. Через стол он протянул ему несколько листов бумаги и ручку.

— Пиши.

— Что? — спросил Егоша.

— Автобиографию, адрес, номер паспорта.

— Я не помню номер паспорта,— сказал Егоша.

— Тогда пиши, что вспомнишь. И давай быстренько — мы и так опаздываем.

Егоша старательно писал все, что мог про себя вспомнить, а вспомнилось ему мало чего — всего несколько строк. Незнакомец снисходительно глянул на этот почти незаполненный листик, вложил в папку, а папку небрежно и как-то очень лихо забросил на одну из полок стеллажа. Ну точно такого же стеллажа, какой стоял в кабинете Егошиного начальника.

Тут в кабинете появилось новое лицо — высокий, можно сказать, долговязый, длинно-рыжеволосый, с выпуклыми глазами. Егоша вгляделся и узнал: именно он доставил его сюда, именно эти глаза смотрели на него, когда все остальное лицо было замотано Егошиным старым шарфом. Егошин костюм он заменил, так что руки из рукавов уже не торчали. Он сел на стул, закинул одна на другую длинные ноги и, покачиваясь, пристально смотрел на Егошу своими выпуклыми, бледными глазами.

— Прошу любить и жаловать, — сказал хозяин кабинета. — Это ваш ангел-хранитель.

— Да нет у меня никакого ангела! — вдруг воскликнул Егоша. — Это еще с чего!

— Вот она, благодарность, — меланхолично заметил рыжеволосый, покачивая ногой.

— Короче, — сказал хозяин кабинета, — теперь будешь иметь дело с ним. Он тебя введет в курс дела и так далее. Ступайте.

Вышли в коридор. Рыжеволосый, наверное, обиделся, поэтому смотрел на Егошу не очень доброжелательно. (Нет у меня никакого ангела! Откуда у меня может быть ангел? — упрямо думал Егоша и тоже смотрел на рыжеволосого самозванца не очень доброжелательно.)

— Надо бы перекусить, — сказал Рыжеволосый. — В лифтах теперь не протолкаться, пойдем на лестницу.

И они пошли по коридору.

— А помнишь, — сказал Рыжеволосый, — как ты в детстве чуть квартиру не поджег? Кто тогда твою мать под локоть толкнул, чтобы она очередь за колбасой бросила и домой побежала? А когда ты в речке тонул, кто тебе корягу под ногу подсунул, чтоб ты на нее оперся? Все уже и не вспомнить. Я не мелочный.

Эти случаи в Егошиной жизни действительно были. И мать, прибежав из магазина, в последний момент вырвала из Егошиных рук коробок спичек, которыми он собирался поджечь газету в углу комнаты, рядом с занавеской, и говорила соседке, и много лет потом вспоминала — как будто кто-то под локоть толкнул. Откуда он про это знает? А может, действительно ангел?

— Как мне тебя называть? — спросил Егоша, немного подумав. — Ангелом?

— Вообще-то у нас все цифры, уравнения, но тебе в этом будет сложно разобраться. Называй, как тебе удобней — Валера, Петя, Саша… Миша подходит?

— Подходит, — сказал Егоша.

Вышли к широкой лестнице и стали спускаться. Лестница была без перил, и Егоша жался к стене — все-таки семнадцатый этаж. Миша-ангел бесстрашно шел по самому краю.

— Что жмешься? — заметил Миша-ангел.

— У меня крыльев нет.

— А у меня есть? — Миша даже хмыкнул. — Как столкнешься с вашим народцем — одни банальности. До четвертого этажа дотопаем — там неплохая кафешка и толпы немного.

Кафешка, куда привел Миша-ангел Егошу, напоминала студенческую столовую самообслуживания. Та же стойка с закусками, те же похожие пластмассовые столики. Людей действительно было немного, и Егоша стал различать, что у всех, хоть и были они в одной униформе, в черном или сером, все-таки разные лица.

— Налетай! — сказал Миша-ангел Егоше, берясь за поднос. — Бери что хочешь. Платим казенными.

Егоша взял винегрет, а толстощекая повариха налила ему в тарелку борща, а на другую тарелку положила котлету с картофельным пюре.

— Скажешь, все как у вас, — сказал Миша-ангел, принимаясь за борщ. А что ты хочешь, вы же устроены по нашему подобию.

Тут к их столику подошел узколицый, чем-то похожий на волчонка, обменялся с Мишей-ангелом рукопожатием.

— Вот, новенького подкармливаю, — кивнул на Егошу Миша-ангел.

— А… — протянул тот рассеянно. — Какой номер?

— Три миллиарда первый.

— Давно ли по пещерам ползали.

— А ты думал. В рутине как-то не замечаешь, а тут ба-бах… И уже три миллиарда первый! В космос летают.

Егоша съел все, что ему полагалось, и смотрел по сторонам. Народу стало больше, и все столики были уже заняты. Но рассматривать каждого в отдельности было неловко, и они опять казались ему как бы на одно лицо.

— Надо перекурить, — сказал Миша-ангел, допивая компот. Ты-то не куришь, а я покуриваю.

Он завел Егошу в небольшое помещение с ободранным диванчиком и урной в углу. Сели на диванчик, Миша-ангел вытащил сигареты и закурил, с особенным удовольствием сделал первую затяжку.

— Ты меня ни о чем не спрашиваешь, — сказал Миша-ангел. — Это и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что никто не любит, когда ему задают сложные вопросы, плохо — потому что спрашивать все-таки надо. Так вот, отвечаю на первый вопрос, который ты так и не задал, — что ты здесь делаешь и что нам от тебя надо. Отвечать?

— Наверно… — сказал Егоша.

— Ваш мир был создан по нашему подобию, это я уже говорил. Ты хоть это усек или моргнул?

— Усек, — сказал Егоша.

— По нашему подобию, но только отчасти, — Миша-ангел глубоко затянулся и даже чуть-чуть задумался. — А теперь смотри… Любая живая система, бывает, выходит из-под контроля. А ваш мир, сам понимаешь, живая система. Неосторожно влезешь — и все, полный улет, катастрофа. Так что нам нужна обратная связь. Мы это делаем через таких, как ты, чьи номера изначально были введены в программу. Не просто так в детстве у тебя не было ни одной целой игрушки, ты все потрошил, чтобы посмотреть, что же там — внутри. Так что погулял — хватит, будешь собирать информацию.

— Какую? — насторожился Егоша.

— Любую. У нас обработают. Флешка особая, понятно, но к твоему компьютеру подойдет. Ты ж понимаешь — океан можно увидеть в капле воды. Так и тут. Вообще, должен сказать — у вас проблемы. И у нас всех трясет. Так что будь добр — выкладывайся.

Как-то незаметно для Егоши они вышли из здания. Тотчас подъехал знакомый автобус.

— Давай, — сказал Миша-ангел. — Удачи! Держим связь.

Как очутился в своей комнате, Егоша так и не понял.

— Что ты все ходишь? Что ты не спишь? — окликнула жена.

— Да так, — сказал Егоша и лег в постель.

Утром Егоша проснулся какой-то отупевший, и чтобы прийти в себя, выпил несколько чашек кофе.

— Что ты ночью бродил, как лунатик? — спросила жена.

— Не помню, — ответил Егоша рассеянно.

— Ну тогда точно — лунатик!

По дороге на работу Егоша подумал: а может, все это действительно мне приснилось? И даже как-то поуспокоился. Но уже на работе, ближе к обеду, зачем-то полез в карман и вдруг нащупал какой-то предмет. Это была флешка. Флешка как флешка, только чуть больше обычной. Егоша заволновался и

волновался уже до вечера. Вечером он сел к компьютеру и стал сбрасывать на флешку все, что попадалось под руку, — новости, сплетни, какие-то статьи. Ведь так и наказал ему Миша-ангел. И когда он стал это делать — волнение его как-то улеглось.

Егоша был человек исполнительный, а работа — это работа. Вот ее-то он и стал теперь делать каждый вечер, спокойно и методично, и ни о чем больше не думал, даже как-то забыл про Мишу-ангела.

— Что ты все сидишь за компьютером? — спрашивала жена. — На работе не насиделся?

— Да, нагрузили… — отвечал Егоша.

— Хорошо, чтобы тебя зарплатой нагрузили, а не работой.

— Да, — говорил Егоша. — Хорошо бы…

Прошло время. Так быстро прошло, что Егоша и не заметил. Было уже лето. Жена ездила к своей матери на дачу, но Егоша эту дачу не любил. Все там было какое-то маленькое — и участок, и домик, и веранда, и комнатки. До озера было далеко, а соседний лесок был хилым, и под ногами валялись обертки из-под конфет и пустые бутылки. Как-то они с женой выбрались отдыхать в Болгарию, но и там Егоше не очень понравилось, на море было приятно смотреть, но за все надо было платить, и Егоша в уме все время считал деньги. Не мог расслабиться.

Так что жена с дочкой уехали на дачу, и Егоша остался один. Это было приятно. Какое-то время он посидел у компьютера, потом выпил кофе и опять посидел у компьютера. Пора было перекусить, но в холодильнике ничего не оказалось. Перед отъездом жена сказала: купи себе что-нибудь. И Егоша решил отправиться в магазин и что-нибудь купить.

На лавочке у подъезда сидел человек. Мало ли людей сидит на лавочках у подъездов, так что Егоша на него даже не глянул и пошел себе мимо.

И тут человек его окликнул:

— Три миллиарда первый?

— Да, — сказал Егоша. — А что?

— Я 2 миллиарда 999 миллионов 999 тысяч 995.

Тут уж Егоша на него посмотрел. Человек как человек. Мужчина. Постарше Егоши лет на восемь. Темноволосый, круглолицый и немного похож на бульдога. Но не злого. Егоше надо было что-то сказать, как-то отреагировать, и он сказал:

— А в чем дело?

— Поговорим, — сказал мужчина и пошел вглубь двора.

Егоша пошел за ним. Подошли к машине.

— Сядем, — сказал мужчина.

И они сели в машину.

— Проедем немного. Соседи увидят, скажут жене, будет приставать, — сказал мужчина.

— Вообще-то, да, — подумав согласился Егоша.

Они выехали со двора и немного проехали по городу.

— Давно с ними? — спросил мужчина.

— С кем? — не понял Егоша.

— С н и м и! — сказал мужчина раздраженно и с подтекстом.

— А… — сказал Егоша. — С весны.

— Ну и как?

— Не знаю, — сказал Егоша. Так ведь он действительно не знал. — Это не очень трудно.

— А мне до смерти надоело! Нет чтобы родиться на пять минут раньше или позже. Вот ведь не повезло!

— Не думаю, что дело в этом, — сказал Егоша с философским спокойствием. — Ведь это предопределено…

— Ничего, ничего! — вскричал мужчина с крайне раздраженной интонацией. — Посмотрим, как запоешь лет через пять! Думаешь, все так просто? Это у них просто! А у нас через сердце, через душу! Такой идет перегруз! — мужчина даже задохнулся, с трудом перевел дыхание. — Твоего-то как звать?

— Миша.

— А моего Леонид. Я ж неплохо жил, вполне. Бизнес не бог весть какой, но стабильный. Жена довольна, дети довольны, родственников обеспечил. Нужна мне эта гонка за деньгами! Я умею останавливаться. Короче, вполне жизнь удалась. А тут этот Леонид… Да… Вначале, как у тебя, еще ничего. А потом так пошел перегруз… Все эти ужасы — войны, драки, несчастные, искалеченные, беженцы, страдальцы, весь этот кошмар сердце на части рвет, душу топчет. Да у меня душа уже вся выгорела! А там и бизнес стал лететь. Кое-что скопил, на том и живу.

— Так всегда же так было, — сказал Егоша рассудительно. — Когда везде хорошо было? Всегда были войны и несчастные, и искалеченные… Африку возьмите, Азию… И голод, и пресной воды не хватает…

— Это ты так говоришь, потому что заперт на три замка. Если заперт на три замка, жить еще можно. Живи себе свою жизнь и радуйся. В ресторан сходил, на рыбалку съездил, вот тебе и радость. А если замки сорваны и там дыра, куда вся мерзость хлещет и лезут, лезут, вопят, цепляются, все эти голодные, холодные… Котенка шелудивого на улице встречу — рыдаю. Вот до чего дошел. Как-то психанул, не выдержал, — да ну ее, эту флешку, и прямо с моста в реку. И что ты думаешь?

— Я ничего не думаю, — сказал Егоша.

— Наутро в кармане уже другая. От них так легко не отделаешься. Мафия.

— Леонида своего встречал?

— Было пару раз. А что с него взять? Он же не человек. Думаю заявление написать. Пусть хоть отпуск дадут, годика на два. Для восстановления. Отпустят, как думаешь?

— Не знаю, — ответил Егоша вяло.

Он уже порядком устал от своего нового знакомца. Последнее время редко общался с людьми. Домашние — дело привычное, и сослуживцы дело привычное, одни и те же из месяца в месяц, из года в год. И с каждым общаешься по своему шаблону.

— Много таких, как мы? — спросил Егоша.

— В этом городе ты — второй. Так ведь сколько городов на свете! Я думаю, хватает.

Наконец они расстались. Егоша вернулся домой и занялся своим делом.

Вот так и шли дни за днями… Возвращалась с дачи жена и уезжала туда опять, и опять возвращалась, нагруженная банками с консервированными овощами. Отпуск Егоша тоже провел в городе. Но это его не тяготило. Ложился он поздно, спал почти до обеда и потом, после нехитрой еды, опять садился за компьютер. Как-то он вышел прогуляться и увидел, что деревья в сквере начали желтеть. Вот и лето кончилось, — подумал Егоша без сожаления и пошел себе дальше.

Так что все шло совсем неплохо. Однако осенью, когда резко переменилась погода и начались холода, Егоша затосковал. Он и сам не понимал, с чего это вдруг с ним. Поздним вечером он мог спуститься во двор и стоял там, выбирая место, чтобы больше было видно небо, подолгу смотрел в его холодное, неподвижное пространство на неподвижные звезды. Он говорил себе — нет, звезды не неподвижны, просто они очень далеко, на разных расстояниях друг от друга, и все движутся по своим путям, а Вселенная велика и безгранична. Но сколько бы он ни говорил себе это — ощущение не менялось, небесный свод давил на него и казался потолком, под которым, задавленная отсутствием пространства, шла его жизнь и жизнь его раздираемой страстями маленькой планеты.

Жена стала ему казаться чужой, крикливой, резко постаревшей. Дочь плохо воспитанным чужим существом, напоминавшим родню жены теми качествами, которые были ему особенно чужды. Ну а сослуживцы — просто марионетками, исполнявшими вокруг него какие-то свои давно заданные роли.

И уже информация, которую он так добросовестно скачивал из интернета, не перетекала напрямую на флешку, как раньше, как бы совсем его не касаясь, а тяжелым грузом оседала в душе, как будто его душа, как и предупреждал его новый знакомец, и была средоточием бед всего мира.

Теперь он часто плакал, а в иные минуты просто сидел, как истукан — без мыслей и без желаний.

— Что с тобой? — спрашивала жена.

— Ничего, — отвечал Егоша.

— Но с тобой что-то происходит.

— Не знаю, — говорил Егоша. — Оставь меня! Дай посидеть.

И он застывал в этой неподвижности, как бы защищая свой маленький мир, свою крепость, остатки ее, пробитую тяжелыми снарядами чужой беды.

Как-то он не выдержал — нашел визитную карточку нового знакомца.

— Что-то у меня тоже… Короче, так… — выдавил Егоша и заплакал.

— А я с ними завязал, пусть хоть в тюрьму сажают, — сказал знакомец. — Но тут у меня появилось одно соображение. Слушаешь, что ли, или совсем обмяк?

— Слушаю, — сказал Егоша.

— Надо бы нам всем как-то собраться, обсудить, что ли… Свой профсоюз, типа… да… Права защищать, как у людей, а не с номерами этими проклятущими… Я тут уже про кого-то дознался.

— Как? — спросил Егоша.

— Как, как… Все тебе и скажи! Способности у меня, понял? Не просто так в свое время бизнес поднял. Я эту информацию из Леонида тянул, тянул, он и не заметил как. Они ведь все простодушные. И твой простодушный. Не просто так я когда-то свой бизнес поднял, дай бог каждому! Короче, жди. Скоро позвоню.

И Егоша стал ждать. А жить ему было все тяжелее и тяжелее, так что жена совсем уж забеспокоилась.

Как-то сидел он перед компьютером и скачивал информацию о том, как в какой-то стране какие-то люди опять расстреляли много каких-то людей, и в очередной раз заплакал. Потому что почувствовал вдруг очень реально, что это расстреляли его и его семью, что это его собственная дочь и его собственная жена лежат на холодном полу и истекают кровью, и он сам истекает кровью и поэтому ничем не может им помочь.

— Да что с тобой? — вскинулась жена. — Что происходит? Может, к врачу сходишь?

— Меня уже не вылечишь, — горько ответил Егоша.

И от ужина отказался.

— Да что же это такое? — раскричалась жена. — Человек есть перестал! Хочешь огурчик? У меня в этом году замечательные огурчики! Дала рецепт Марья Ивановна.

— Какая Марья Ивановна? — взвыл Егоша.

— Марья Ивановна, подруга Зиночки, маминой подруги! Ты же столько раз видел Зиночку! А Марья Ивановна…

Но Егоша не дал жене договорить все эти подробности. Он побелел и закричал:

— Уйди! Уйди! Уйди! — и затопал ногами.

На другой день знакомец ему позвонил.

— Привет,— сказал бодро. — Ручка, бумага есть?

— Сейчас, — сказал Егоша и полез за ручкой.

— В ближайшую субботу в семь утра на вокзале у касс. Билеты я купил. Оденься теплее, провизии на два дня.

— Какой провизии? — не понял Егоша.

— Провианта. Тушенка. Хлеб. Макароны. Шоколад. Сам соображай, — и трубку повесил.

К субботе Егоша стал собираться. Разыскал зимние теплые брюки, со старых времен очень теплый свитер, его еще мать покупала, купил и две банки тушенки.

— Ты куда это? — поинтересовалась жена.

— На рыбалку.

— Когда это ты ездил на рыбалку?

— Ну, на охоту.

— Когда это ты ездил на охоту?

— Не ездил, значит буду.

Больше Егоша не проронил ни слова, и жена от него отстала. Только вышла в другую комнату и долго говорила по телефону со своей матерью. Давно уже решено было показать Егошу психотерапевту. И психотерапевта нашли. Решили больше не откладывать.

В субботу Егоша проснулся рано и на вокзал приехал на полчаса раньше назначенного времени. Народ на вокзале толпился, но меньше, чем днем. Это обрадовало Егошу, он давно никуда не ездил и теперь робел — боялся потеряться и пойти не туда, а знакомца своего не узнать. Ведь видел он его всего один раз и не знал даже имени. Да он бы и не узнал, если бы тот сам его не окликнул. Знакомец стоял перед ним — в вязаной шапке до бровей, сгибаясь под огромным рюкзаком, уменьшившись в росте на добрую треть.

— Привет! — сказал коротко и деловито. — Билеты у меня, шагай в затылок. — И пошел сквозь увеличивающуюся толпу.

Затылок у него был где-то внизу, и шагать, ориентируясь на его затылок, Егоша не мог. Он просто не упускал из вида его рюкзак.

Сели в купе скорого поезда. Купе было на четверых, но кроме них, там никого не было. Когда поезд тронулся, заглянула проводница.

— А где остальные?

— Кто их знает. Планы переменились…

— Постель брать будете?

— Так переживем. А чай — давай.

Когда проводница вышла, знакомец вытащил еще два билета и помахал ими в воздухе:

— Зачем нам чужие? А деньги — тьфу!

Проводница принесла чай. Егоша давно не ездил на поезде (электричка на дачу — это электричка), и ему здесь нравилось. И столик, покрытый белой салфеткой, и букетик искусственных цветов в вазочке, и темный густой сладкий чай в стакане, устойчиво подхваченный тяжелым подстаканником. Он пил чай и с удовольствием смотрел в окно, не вглядываясь в детали. Что-то проносилось мимо, блекло светило солнце на краю неба, и от этого почему-то было ему радостно.

— Как мне вас называть? — спросил он у знакомца.

— Не все ли равно,— сказал знакомец. — Давай как с ангелами. Ты — Василий Васильевич. Я — Иван Иванович.

— Хорошо, — согласился Егоша.

Опять заглянула проводница и предложила еще чаю.

— Мне больше не надо, — сказал Егоша, решив сэкономить.

— А мне — давай, неси по-быстрому.

— Почему вы зовете ее на «ты»? — спросил Егоша.

— Так ведь обслуга. Мы — пассажиры, а она — обслуга.

У Егоши почему-то испортилось настроение, он все еще смотрел в окно, но уже не получал от этого удовольствия. Проводница принесла чай, Ив-Ив с ней расплатился за обоих и сказал оставить сдачу себе. Наверное, это было для нее непривычно много, она удивилась и даже на какое-то мгновение задержалась в двери.

— Иди, иди… — сказал Ив-Ив раздраженно, а когда она ушла, пробурчал: — Не много ли внимания нашему купе? Будто мы одни на весь вагон. — И помолчав немного, как бы про себя: — И интеллигенты эти! Вот ведь — интеллигент выискался! А на стакан чаю денег пожалел.

Егоша покраснел и хотел что-то сказать, но так и не нашел что. Дальше уже ехали молча.

Вышли они на небольшой станции, по каким-то причинам оказавшейся среди солидных остановок скорого поезда. Они быстро сошли, и поезд тут же пошел дальше.

— Теперь топаем на двух колесах, — сказал Ив-Ив и выразительно постучал по одной ноге, а потом по второй. — Топать далеко.

И они потопали. Действительно далеко. Ив-Ив, он же знакомец, повел Егошу вокруг станции, потом через какие-то улочки, потом лесом, потом вдоль реки, потом по шоссе… Егоша уже совсем изнемог, а Ив-Ив, придавленный своим огромным рюкзаком, был по-прежнему бодр и энергичен.

Наконец добрались до огромного поля и остановились под холмом. Ив-Ив вынул мобильник и проверил связь. Связи не было. Тут он быстро скинул рюкзак и стал носиться по полю с криками:

— Свобода! Свобода! Свобода!

Так что опешивший Егоша даже немного подал назад, чтобы вдруг обезумевший Ив-Ив в своем порыве не сбил его с ног. Но Ив-Ив как-то мигом протрезвел, затормозил и стал вытряхивать из рюкзака содержимое — палатку, спальник, какую-то утварь, консервы, бутылки с водой и даже дрова для костра — леса поблизости не было. Он ловко поставил палатку, разжег костер и поставил на огонь котелок с водой. Егоша беспомощно топтался рядом и даже пытался ему помочь, но Ив-Ив только злился и отпускал ядовитые замечания — Егоша ничего этого не умел.

Ив-Ив вскипятил воду, заварил чай и достал из целлофанового пакета крошащиеся бутерброды, нарезал сало и колбасу, открыл банку тушенки и разложил все это на расстеленной газете. Егоша ни о чем не спрашивал, ему почему-то казалось, что вот-вот на пустынное поле, как в каком-нибудь фантастическом фильме, опустится космический корабль, из него выйдут ангел Леонид и ангел Миша, и они будут с ними разговаривать. Но вот уже потемнело вокруг, и костер стал догорать, а ничего подобного не происходило.

— Что мы здесь делаем? — спросил, наконец, Егоша.

— А ты не понял? Здесь нет связи. — Ив-Ив вытащил мобильник и выразительно им потряс. — Уже все схвачено, а здесь — нет. Свобода, брат, — он откинулся спиной на траву и стал глядеть на небо.

Тут вдали мелькнули огни, и скоро на поле въехала машина с зажженными фарами.

— Наконец-то дополз, — сказал Ив-Ив и поднялся.

К костру подошел человек, тоже в вязаной шапке до бровей и в очках. Лицо у него было худое и остроносое, да и сам он был узкоплечий и щуплый. Он присел у костра и стал греть над слабым уже огнем руки.

— Подписал у всех? — спросил Ив-Ив.

— Да.

— С тобой?

— Да.

— Останешься на ночлег?

— Нет. Это он? — и узколицый посмотрел на Егошу. За толстыми стеклами очков его глаза казались огромными, как у какой-то неведомой рыбы.

— Да.

— Я поехал?

— Трогай.

Узколицый бесшумно исчез в темноте, и скоро послышалось, как отъехала машина.

— Так вот, — сказал Ив-Ив и бросил в костер последнее полешко. — На рассвете выведу тебя на шоссе, дальше сам доберешься. А я еще здесь пошикую. Душой отдохну. Там внизу речушка, порыбачу… — Про речушку он сказал совсем уж мечтательно. — Я ведь уже весь вышел… А главное, ни одна собака знать не будет, где я.

Егоша посмотрел на него с сочувствием, но промолчал. Ив-Ив, как бы даже не глядя, пошарил рукой рядом с собой на месте, где только что сидел незнакомец, и взял там небольшой конверт.

— Здесь заявление и подписи от наших, чтобы там профсоюз, отпуска, выходные… Понял? Все как полагается. Носи всегда при себе — Миша на тебя в любой момент выйдет, а он выйдет, можешь не сомневаться.

— Почему я?— спросил Егоша.

— Ты — простодушный. Они ведь тоже простодушные. Но страшно хитрые.

— Я не хитрый.

— Я говорю, они — хитрые. На словах ничего говорить не надо, передашь конверт, и все.

Спать не хотелось, догорело последнее полено. Было холодно, зябко, сыро. А Ив-Ив все сидел, распахнув куртку, запрокинув голову и глядя в небо. На лице его было написано удовольствие. Егоша же так замерз, что уже начал стучать зубами, но Ив-Ив как будто этого не замечал. Наконец звезды потускнели, а край неба стал чуть заметно светлеть.

— Ладно, — сжалился Ив-Ив. — Пошли на шоссе, сумку не забудь.

Скоро он уже привел Егошу на пустынное, еще покрытое мглой шоссе и там оставил. Сказал:

— Топай себе, грейся. Кто-нибудь подберет.

И Егоша потопал. Подобрал его местный автобус, но до этого прошел почти час.

— Где рыба? — спросила жена.

— В речке, — сказал Егоша.

— А дичь?

— В лесу.

— Вот там бы и оставался! — сказала жена безжалостно. Но завтраком накормила.

С неделю после этого странного путешествия Егоша сморкался и кашлял. Конверт он теперь всегда носил при себе, но прошла неделя, а потом другая, а Миша-ангел не появлялся. От постоянного трения края конверта обтрепались, и как Егоша его ни берег, все равно по многу раз на день он засовывал руку в карман, чтобы проверить — там ли он, так что скоро этот конверт стал липким и даже каким-то грязным. Уже много спустя, может, и через месяц, Егоша ехал в метро и вдруг поймал на себе чей-то взгляд. Неподалеку от него стоял Миша-ангел, был он в каком-то сером невзрачном пальтеце с поднятым воротником и молодежной дешевой шапочке под названием «петушок».

Подошел поезд, Егоша хотел было сесть в вагон, но Миша-ангел слегка покачал головой, и Егоша покорно затормозил. Поезд уехал, на платформе никого не оставалось, только они вдвоем. У Егоши вдруг появилось странное, почти паническое чувство — ему ужасно вдруг захотелось убежать, ведь до эскалатора было недалеко. В Мише-ангеле не было ничего устрашающего — скорее был он какой-то затрапезный, — но чувство было таким сильным, что Егоша чуть этого не сделал — не рванул к эскалатору. Тут подошел другой поезд, совсем пустой. Миша-ангел слегка кивнул, и Егоша, повинуясь, шагнул в вагон. «Это пустой поезд, — подумал Егоша. — Он едет в тупик на какой-нибудь техосмотр. Он не будет нигде останавливаться», — и уже хотел сказать Мише-ангелу об этом, но передумал.

Миша-ангел опять кивнул, и Егоша сел на сидение. Миша-ангел сел через проход напротив, закинул ногу за ногу, обхватив руками острое колено, и уставился на Егошу немигающим, внимательным взглядом. Мелькали станции — поезд действительно нигде не останавливался. А потом уже за окном было темно, темно и темно. Темнота не мелькает.

— Ну что, — подумал Егоша. — Уж как-нибудь…

И в тот момент, как он так подумал и в каком-то смысле смирился, вспыхнула ярко, ослепляюще еще одна станция и поезд остановился. Они вышли. Станция была незнакома Егоше, он здесь никогда не был. Рядом почти отвесно шла лестница-эскалатор, уходившая высоко вверх. Егоша ухватился за поручень и все равно боялся упасть, зато Миша-ангел стоял совершенно свободно и даже не касался перил руками.

— Дело не то чтобы очень, — сказал, наконец, Миша-ангел, и это было первое, что он сказал. — Я понимаю, эксплуатация. Но мы иначе не можем. Это испокон веков. Другое дело, раньше нагрузки были не те…

Лестница-эскалатор остановилась перед небольшой площадкой, там стоял уже знакомый Егоше человек, у которого он побывал в прошлый раз и писал свою автобиографию. Теперь он был какой-то взъерошенный. Миша-ангел поспешно сдернул шапку-петушок и засунул в карман плаща.

— Выше, выше! — закричал человек и замахал руками. — Избавьте меня от этого! Избавьте! — и убежал куда-то.

Миша-ангел помрачнел:

— Только бы свалить на кого-нибудь. У них всегда так.

Тронулись дальше.

— Только бы свалить, — опять повторил Миша-ангел. — Да я сам там бываю в сто лет раз.

— Где… там? — спросил Егоша.

— Там, — неопределенно сказал Миша-ангел. — Там — это там. Но это там еще не самое там. Просто это там, не здесь.

— Ага, — сказал Егоша, просто чтобы что-то сказать.

— Как я выгляжу? — вдруг забеспокоился Миша-ангел и стал поспешно приглаживать волосы.

— Нормально.

— Может, плащ снять? У нас бывают такие придирчивые. Никогда не знаешь, что им не понравится.

Тут непонятным для Егоши образом эскалатор въехал в большую комнату и остановился прямо у стола. Стол ли подъехал к Егоше, или Егоша подъехал к столу, было непонятно. Егоша даже зажмурился и чуть не упал, и упал бы, если бы Миша-ангел не подхватил его под руку.

За столом сидел человек с большим, неподвижным, сухим лицом.

— Так, — сказал человек и уставился на Егошу тяжелым взглядом.

Егоша смутился, а его рука привычно потянулась в карман за конвертом с подписями.

— Оставьте эти глупости! — сказал человек с раздражением и, глянув на Мишу-ангела, сказал: — С сосланными разбирается Леонид. Что-то плохо разбирается. Идите в галерею. Я занят. Потом позову.

Миша-ангел почтительно поклонился и сделал знак Егоше следовать за ним. Они вышли в соседнее помещение — это была длинная галерея, увешанная портретами каких-то людей, на высоких подставках стояли бюсты. Егоша был человеком достаточной образованности, чтобы узнать многих. Сократ, Вольтер, Вильям Шекспир…

— Наши агенты, — сказал Миша-ангел.

— Какие люди! — вырвалось у Егоши.

— Таких, как ты, тоже хватало, — сказал Миша-ангел. — Так что не комплексуй.

— Кто такие сосланные? — спросил Егоша.

— Ну, твой Ив-Ив, к примеру. У нас же строго. Несколько замечаний в личное дело — и ты сосланный. Когда у вас на Земле кто-то умирает, подходящий для нас кандидат, душу отправляют по назначению, а на его место — сосланного. Больного как-то откачивают, да и мы постараемся, как говорится, — комар носа не подточит.

— А куда отправляют… душу! — спросил Егоша, немного волнуясь.

— Это уже другая история, — сказал Миша-ангел и замкнулся, даже губы поджал.

— А как же Ив-Ив? — не отставал Егоша. — Он же совсем человек!

— Что ты хочешь, — сказал Миша-ангел после паузы снисходительно. — Раздвоение. Квалификация.

Прошли еще по галерее.

— Пора возвращаться, — встрепенулся вдруг Миша-ангел. — Зовут.

— Что-то я не слышал, — сказал простодушно Егоша.

— Ты и не услышишь.

Они вернулись к человеку с застывшим лицом.

— В гостиницу, — сказал тот бесстрастно, и Егоше даже показалось, что он захотел зевнуть, но сдержал зевок. — Пусть дает показания.

— Надолго? — испугался Егоша и, забывшись, зашептал Мише-ангелу: — У меня сегодня дела!

— Какие там дела… — сказал человек с застывшим лицом и опять еле сдержал зевок.

Егоша и Миша-ангел опять вышли в галерею и долго шли по ней, хотя это была уже вроде и не галерея — портретов и бюстов там уже не было, а какой-то бесконечный коридор. Миша-ангел толкнул небольшую дверь, и они оказались совсем в другом месте. Прямо перед ними сидела полная, миловидная женщина в старомодной вязаной кофте. Ну такая привычная и совсем своя.

— Двадцать первый номер свободен, — сказала женщина мягким, приятным голосом. — Что-нибудь еще?

— Какую-нибудь еду.

Двадцать первый номер напоминал самый обычный номер в какой-нибудь средней руки гостинице среднего города. Кровать, телевизор, холодильник, шкаф и небольшой столик, на котором лежали стопка бумаги и ручка.

В дверь постучали, Миша-ангел выглянул и вернулся с подносом, на котором стояли стакан с мутным чаем, тарелка с котлетой и сероватым картофельным пюре.

— Да, — сказал Миша-ангел смущенно, устанавливая поднос на столик. — У нас тут, внизу, всегда было бедновато. А ты давай, время не теряй — пиши. Свистнуть могут в любую минуту.

— Что писать? — спросил Егоша.

— А ты что, не понял? С самого начала — как познакомился с Иван Иванычем… О чем говорили, ну и так далее…

Когда Миша-ангел вышел, Егоша обследовал номер и убедился, что все совсем не так, как ему показалось с первого взгляда. Окна не было вовсе, а была какая-то имитация окна — картинка на плоской стене, как на детском рисунке. Он чуть отогнул край, заглянул за него и даже бесстрашно просунул туда палец — там была какая-то серая пустота. Так же с телевизором и холодильником. Он сел писать, но не очень-то у него это получалось. Ну, поджидал его на лавочке, ну, сели в машину… А о чем говорили и какими словами, он и не помнил…

Егоша еще немного походил по номеру и все усиленно вспоминал, потом лег на кровать, не разуваясь, но чуть свесив ноги, чтобы ботинками не задевать покрывало. И тут же заснул. Разбудил его Миша-ангел.

— Который час? — спросил Егоша сонно.

— Глупее вопроса не придумаешь, особенно в этом месте, — сказал Миша-ангел. — А ну, живо давай! Ведь ничего не написал!

— Нет, — сказал Егоша. — Что-то не получается.

— Идти все равно надо, — вздохнул Миша-ангел. — Захотят — считают.

— Как? — спросил Егоша.

— Да так, прокрутят твою память до того момента и считают.

— Как прокрутят память, если я ничего не помню?

— Да все ты помнишь, просто не используешь.

Они вышли из номера и опять пошли по каким-то коридорам, потом ехали в лифте и опять куда-то шли. По Егошиному соображению, дома уже была глубокая ночь, и он хотел спать. Наконец они оказались в крошечной

комнате, ненамного большей, чем камера лифта, совсем пустой. Егоша бы сел, но сесть было не на что. Он так хотел спать, что прямо сползал на пол.

— Ешкин кот! — сказал Миша-ангел. — Нет чтобы накарябать что-то внятное. Другое дело, все равно была бы проверка.

Тут одна из стен комнаты-камеры раздвинулась, и они оказались в просторном помещении, где стоял рентген-аппарат, ну как в какой-нибудь самой обычной районной поликлинике. У аппарата сидела женщина, очень похожая на ту, которая была в гостинице. Егоше даже показалось, что это она и есть.

— Мне раздеться? — спросил Егоша робко.

Миша-ангел только фыркнул:

— Это еще зачем? Становись так.

Егоша стал как положено, у экрана, и экран вдруг расширился, разросся, как мыльный пузырь, охватив Егошу с головы до пят. Послышалось жужжание, тихое, но какое-то неприятное.

— Голова не болит? — спросила женщина.

— Нет, — ответил Егоша.

— А мысли путаются?

— Нет, — сказал Егоша. Если честно, в этот момент у него вообще не было никаких мыслей. А если нет мыслей, как они могут путаться?

— Техника у нас здесь, конечно, паршивая, ну так финансирования нет. Как-то еще работает, — сказал Миша-ангел, когда они вернулись в комнату-камеру.

Стена опять сдвинулась.

— Теперь ждать неизвестно сколько! — сказал Миша-ангел с досадой.

— Почему? — спросил Егоша.

— Спроси что-нибудь полегче!

Егоша очень хотел спать. Он прислонился к стенке и закрыл глаза, тут же перед глазами что-то поплыло, тело обмякло, и если бы не Миша-ангел, он свалился бы на пол.

— Ладно, — сказал Миша-ангел. — Заглянем ко мне.

Они опять пошли по каким-то коридорам, ехали на горизонтальной движущейся ленте, а потом произошло что-то, чего Егоша не понял. Миша-ангел крепко взял его за локоть, что-то свистнуло в ухе — так, чуть-чуть, и они оказались в совершенно другом месте, в какой-то квартире… Это была большая комната, тонувшая в полумраке. Вспыхнул свет, на необъятной тахте лежала взлохмаченная девица в шортах и прозрачной блузке.

— Привет! — сказала девица. — Давно не виделись.

— Замотаешься тут, — сказал Миша-ангел и рухнул рядом с ней. — Без выходных! Без отпуска! Найди что-нибудь пожрать.

— Разбежалась! — сказала девица, но ловко скатившись с тахты, пошла вглубь комнаты, где была кухонная стенка, и чем-то там занялась. Скоро она принесла поднос с бутербродами.

— Жуй! — сказал Миша-ангел Егоше и сам взял бутерброд.

— Спасибо, — сказал Егоша и обратился к девице: — Как вас звать?

— А как хочешь, так и зови, — сказал Миша-ангел. — Хочешь, зови Машкой. — И обратился к девице: — Он будет звать тебя Машкой.

— Мне как-то без разницы, — сказала Машка.

Когда с бутербродами было покончено, Миша-ангел сказал:

— Заваливайся! — и показал Егоше на край тахты.

Егоша лег на край тахты, привычно положил руку под щеку… и тут же заснул. Сквозь сон он слышал за спиной какую-то возню, воркование и повиз-

гиванье, из чего можно было догадаться, чем там занимались Миша-ангел и Машка, но тут сон его стал таким глубоким, что он не слышал уже и этого.

Проснулся Егоша от грубого, бесцеремонного толчка — рядом стоял незнакомый, узкоглазый, волосы ежиком. Машка сидела на другом конце тахты в строгом английском костюме и плакала. На полу стоял поднос с недоеденными бутербродами, лежала пустая бутылка из-под шампанского.

— А где Миша? — спросил Егоша сонно.

— Теперь я вместо него, — сказал незнакомый.

Маша громко всхлипнула.

— Где он? — повторил Егоша. Он-то к Мише-ангелу уже привык, а этот, который появился вместо него, Егоше совсем не нравился.

— Сослали его! Что тут не понять! — выкрикнула Машка хрипло.

— Помолчала бы, — сказал незнакомый. — А то быстро за ним отправишься, вдогонку! — И кивнул Егоше: — Пошли!

Добирались долго — коридорами, эскалаторами, лифтами, бегущей под ногами дорожкой… Егоша аж взмок.

— Это так далеко? — спросил Егоша.

— Я на тебя свою энергию тратить не буду. Я не этот придурок.

— Он не придурок, — обиделся Егоша. — Он мой ангел-хранитель.

— Был. Теперь я.

— Он, когда я маленький был и тонул, мне корягу под ногу подсунул и мать под бок толкнул, когда я спичками баловался.

— Был, — сказал незнакомый. — Теперь я.

— Но вы меня совсем не любите.

— А чего мне тебя любить? И Миша твой тебя не любил. Любовь здесь при чем? Это работа. Ну ты и болтун, скажу я тебе. Лучше держи язык за зубами.

Незнакомый смотрел на Егошу мрачно своими узко поставленными глазами.

— Он хоть веселый был, — подумал Егоша про себя, но вслух эту мысль не высказал.

— Не веселый он был, а легкомысленный, — сказал незнакомый ворчливо и скорее грубо подтолкнул Егошу к очередному эскалатору. — Работай. Надо будет — вызовут на очную ставку.

Егоша вцепился в поручень эскалатора и ехал так очень долго — не то вверх, не то вниз. И вдруг очутился на той же станции метро, на которой встретил Мишу-ангела. Егоша подумал, что с того момента прошло минимум сутки, на деловую встречу в одно учреждение, где надо было кое-что согласовать, он, конечно, не попал. Но на всякий случай решил все-таки туда заглянуть. Он проехал одну остановку на метро и добрался до места.

— Точность — вежливость королей! — встретили его в знакомом отделе.

Егоша посмотрел на часы и опешил.

И дни пошли за днями. Дни как дни. Егоша поуспокоился, обмяк, поддался зимней спячке, а к весне и вовсе хорошо все стало. На работе его даже повысили, и зарплата соответственно стала побольше. От этого подобрела и жена. Об Ив-Иве он как-то и не вспоминал, как не вспоминал и о Мише-ангеле, только думал иногда, что может появиться новый его ангел-хранитель, не настоящий, настоящим-то все равно был Миша-ангел, а замещающий, а ведь он был ему очень несимпатичен. Однажды ночью Егоша видел его сквозь сон. Тот стоял возле кровати и шарил в карманах Егошиного пиджака. Действи-

тельно, наутро Егоша обнаружил, что из кармана исчезла старая флешка, а на ее месте появилась другая. И все-таки Егоша был рад, что ни в какие контакты он с ним пока не вступал.

Но однажды… Этот временно-хрупко-устойчивый порядок, зыбкий, как и любой другой, временный, как и все прочее во временном мире, был нарушен.

Обычно жена после работы сама забирала дочку из детского сада, ей было по пути. Но тут должна была задержаться — отмечали Восьмое марта, и попросила это сделать Егошу. В положенное время Егоша уже подходил к детскому саду и у входа столкнулся с человеком. Тот старательно сгребал с крыльца последние остатки снега. Егоша, рассеянный, занятый, как всегда, своими мыслями, не то чтобы такими уж конкретными, а просто какими-то мыслями, посторонился и так бы и прошел мимо, если бы не поймал быстрый взгляд и не увидел выпуклые, знакомые глаза Миши-ангела.

— Наконец-то! — сказал Миша-ангел. — Только без эмоций. Забирай дочку, я тоже уже заканчиваю.

Егоша одел дочку, как всегда неловко натянул шапочку на ее веселую, увертывавшуюся головку и опять вышел на улицу. На крыльце Миши-ангела уже не было. И Егоша даже испытал некоторое облегчение. Но за воротами детского сада Миша-ангел их догнал.

— Почему ты здесь? — спросил Егоша.

— К тебе поближе, это ж понятно. Девчушка у тебя славная, люблю детишек, и тебя маленького любил. Ты хоть шарфик ей поправь, и шапочка набок съехала, еще ушко застудит, папаша гребаный.

Егоша торопливо поправил дочке шапочку и потуже завязал шарфик.

— В дом пригласишь? Жены-то нет, — сказал Миша-ангел.

— Конечно, заходи… — пробормотал Егоша через силу.

— Все-таки нормально у тебя, — заметил Миша-ангел, прохаживаясь по квартире. — Я-то попал бог знает куда. Утром просыпаюсь, а на груди — клоп. Пьет мою ангельскую кровь. Ужас. Ну, ничего. Уже срок выходит, куда дальше переместят — не знаю. Выпить найдется?

Егоша был вполне умеренный, поэтому спиртное в доме имелось. Он вытащил полбутылки водки и полбутылки вина.

— Водку давай, — сказал Миша-ангел, — и заесть что-нибудь. Яичницу пожарь, я к вашей яичнице, знаешь, как пристрастился. Быстро и качественно.

— В яйцах — холестерин, — заметил Егоша.

— Ну, мне твой холестерин по барабану. Яйца давай, сам пожарю.

Миша-ангел схватил сковородку и лихо хлопнул туда несколько яиц — все что было в холодильнике. Потом взял стаканы и налил водки.

— Я как-то не очень, — сказал Егоша, с опаской поглядывая на почти полный стакан водки.

— Дело хозяйское, а я так с удовольствием, — и Миша-ангел выпил водку одним глотком, потом управился с яичницей.

На какой-то момент Миша-ангел блаженно закрыл свои выпуклые глаза и похлопал по впалому животу:

— Хорошо! — он открыл глаза и уставился на Егошу. Глаза у него были какие-то бесцветные, но в них бегали искорки, и от этого казалось, что они немного даже сверкают. — Расслабься, ты слишком напряженный. Я понимаю, не большое удовольствие встретить своего собственного ангела в таком непрезентабельном виде. Так это ж из-за тебя, тебя пожалел. А если уж честно, то и себя тоже. Машку давно не видел. Но и тебя пожалел, заметь. Вот и пострадал. Влепили строгача.

— А как там Иван Иваныч? — вдруг вспомнил Егоша.

— С разборками у нас долго. Пока всех свидетелей соберут, то да се. Ваша бюрократия — это же наша бюрократия. Только у вас время ограничено, а у нас — бесконечно. Значит, водку не будешь?

— Нет, — сказал Егоша.

Миша-ангел выпил и его водку. Потом быстро, ловко убрал со стола, положил бутылку с остатками водки на прежнее место и даже помыл сковородку.

— Твоя скоро придет, так что я пошел.

И Миша-ангел выскользнул из квартиры.

Пару дней жена по-прежнему забирала дочь из детского сада, но Егоша вдруг затосковал, ему ужасно захотелось увидеть Мишу-ангела. Просто увидеть! Что ни говори — ангел-хранитель — это не что-то с чем-то, это привязанность. И как-то Егоша сказал жене, что дочку заберет сам.

— С чего это? — удивилась жена.

— Да так просто. А ты в магазин сходи, купи себе что-нибудь.

— Так 8 марта уже прошло.

— Все равно что-нибудь купи, — и Егоша даже дал ей денег, из тех, что оставлял себе на обед.

Егоша подошел к детскому саду раньше положенного срока и долго топтался во дворе, снега уже не было, а обнаженная земля пучилась и была неприглядна. Миши-ангела нигде не было видно. Егоша подошел к воспитательнице и робко спросил:

— У вас тут работал один человек, дворник…

— А вам что? — спросила воспитательница, она была любопытной.

— Так просто.

— Уволился два дня назад. Да и работал недолго. Он вам ничего не должен?

— Нет, — сказал Егоша.

— Вроде неплохой человек. Детей любил.

— Он мне ничего не должен, — повторил Егоша. — Я просто…

— Помнишь дядю, дворника, который сгребал у вас снег? — спросил Егоша у дочки.

— Не-а, — сказала дочка и запрыгала на одной ножке. Шапочка у нее опять сбилась набок, обнажив маленькое розовое ушко.

— Он у нас еще дома был.

— Не-а, — сказала дочка. — Не-а, — и шарфик у нее развязался.

Где-то через месяц, в воскресенье, в полвосьмого утра, зазвонил Егошин мобильник. Такого раннего звонка, как и вообще звонка в воскресенье, он ждать не мог, поэтому так и не вынул телефон из кармана пальто. Но сквозь сон звонок услышал. Вставать совсем не хотелось, и он не вставал, но телефон все звонил и звонил. Потом замолчал ненадолго и зазвонил опять. Егоша все-таки встал и сонный пошлепал в прихожую к своему пальто.

— Слушаю, — сказал Егоша хрипловато.

— Это я, — сказал голос Миши-ангела. — Одевайся, сейчас машину подгоню.

— Это еще зачем? — спросил Егоша.

— Хреново мне что-то, совсем хреново…

— Я могу помочь?

— Хоть словом перекинуться, и то легче.

— Кто тебе звонил? — спросила жена сквозь сон.

— Так… дела какие-то…

— Какие могут быть дела в воскресенье? — и жена опять вырубилась.

Егоша тихо оделся и вышел на улицу. У подъезда стояла машина, новенькая и какая-то уж очень дорогая — это Егоша определил сразу. Вышел шофер, мрачноватый парень, неласковый — а с чего это он должен быть ласков? — и, не глядя на Егошу, открыл перед ним дверцу.

Егоша смотрел на аккуратно стриженый затылок шофера, в котором тоже чувствовалось что-то такое, «крутое», строптивое, и все хотел спросить — куда он его везет, но, конечно, не решался. Машина остановилась у небольшого стильного здания, прошли мимо охраны. Шофер ввел Егошу в просторный кабинет и тут же исчез. Из-за стола в глубине кабинета тяжело выбрался рослый, грузный человек и бросился ему навстречу. Если бы не глаза, вернее, что-то в глазах, какие-то знакомые искорки, Егоша никогда бы не распознал, что перед ним Миша-ангел.

— Привет! — вскричал Миша-ангел. В порыве он хотел было его обнять, но так, видимо, было не принято, поэтому он просто подтолкнул его к стулу, почему-то стоящему совсем в стороне, у стены. — Сядь. Передохни.

— Да я не устал, — сказал Егоша.

— Сиди, сиди! Чай пить не заставляю. Ведь ты же не хочешь чаю?

— Нет, — сказал Егоша.

— Вот и не заставляю. А сидеть — сиди.

Миша-ангел был не то чтобы взволнован, — он был просто в истерике. Он тяжело топал, метался по кабинету, хватал какие-то вещи, ронял, поднимал, ронял снова, чертыхался, поскальзывался, а один раз даже упал на колени. Наконец опять обратился к Егоше:

— Как дочка?

— Хорошо.

— Соскучился я по ней. Люблю ваших детишек, только потом из них вырастает неизвестно что. Честно скажу, жизнь моя кошмарна! Лучше бы клоп мою кровь сосал, чем со всем этим барахлом разбираться! — и он хлопнул рукой по стопке бумаг, заваливших его стол, бумаги посыпались на пол. — Налоги чертовы, конкуренты гребаные, каждый каждого имеет по полной. Нет, лучше бы клоп мою кровь сосал! А это видишь? — он показал Егоше шрам у самого уха. — Видишь? Еще и опасно!

— Да, — сказал Егоша.

— Не да, а да, да, да!

Зазвонил телефон. Миша-ангел взял трубку.

— Да, — сказал резко и зло. — Я занят! Потом отзвонюсь!

Телефон зазвонил опять.

— Да занят я! Занят! Не трезвонь!

Когда телефон заверещал снова, Миша-ангел взревел:

— Дура! Дура! Отстань! — и так бросил мобильник, что тот отлетел далеко в сторону и развалился на составляющие его части. — Жена… Вот угораздило. Злая лохудра! В башке одни тряпки! Что за жизнь, что за люди! Выпьешь?

— Нет! — испугался Егоша.

— Не хочешь, не настаиваю. Вольному воля, так сказать.

Миша-ангел вытащил откуда-то из-под стола пузатую бутылку и хлебнул прямо из горлышка, при этом он жутко скривился:

— Водка твоя была лучше. И Машка моя, конечно… А эта — тьфу!

Егоша было поднялся со стула, но Миша-ангел прикрикнул довольно резко:

— Сиди, сиди!

И Егоша опять сел.

— Что? — сказал Миша-ангел. — Думаешь, что тебе здесь делать? (А ведь Егоша действительно так подумал.) А то! Страшно мне! Завтрашнего дня не знаю! Мне эти ваши дни, как тетрадь в клеточку, из клетки в клетку — ужас! А что в следующей?

— Завтра, наверно, — сказал Егоша.

— Завтра, завтра… А что завтра? Мне эти переходы… Замучился! Думаешь, легко переходить из одного в другое?

— Что-нибудь делать надо? — спросил Егоша.

— Сиди… Просто сиди… Мне как-то спокойней.

Несколько тяжелых минут прошли в молчании, вдруг дверь распахнулась, и бесшумно вошли двое с лицами, обмотанными шарфами, раздался легкий хлопок, и Миша-ангел повалился на бок. По его лицу и шее текла кровь. Егоша так перепугался, что чуть не потерял сознание, он закрыл лицо руками и полез под стул. Двое быстро перевернули бумаги, порылись в ящиках стола и почти бесшумно выскользнули вон. Егоша бросился к Мише-ангелу… Голова его запрокинулась, а в открытых глазах померкла жизнь… Дрожащей рукой Егоша вынул из кармана мобильник…

— Не надо… — вдруг прохрипел Миша-ангел. — Никуда не звони…

— «Скорую помощь»!

— Не надо… Я сказал… — и потерял сознание.

Цифры расплывались перед глазами, Егошу всего трясло, он еле набрал номер.

— Ранен! Человек ранен! — закричал Егоша.

— Адрес? — раздалось из трубки.

Адрес?! Егоша не знал адреса!

Как безумный он выскочил в приемную, где сидела подчеркнуто невозмутимая, стрекозоподобная секретарша.

— Адрес! — закричал Егоша истошно. — Я не знаю адрес!

И тут все смешалось, сбежались какие-то люди, все кричали и суетились. Приехала «скорая». Мишу-ангела, такого тяжелого, с трудом положили на носилки и понесли. И все толпой побежали следом. Каким-то непонятным образом Егоша тоже оказался в машине.

— Родственник? — спросил молодой врач.

— Да, — сказал Егоша. — Я родственник.

Потом он изнурительно долго сидел в приемном покое. Наконец вышел все тот же молодой врач и сказал:

— Чуть не откачали. Не получилось. Раньше надо было. Минут на десять. Очень соболезную.

Егоша шел домой и плакал, как ребенок. На него даже оглядывались. Больше всего его мучило то, что он не знал адреса. На десять минут раньше! Он не был виноват. Откуда ему было знать этот проклятый адрес, если он впервые туда попал? И все равно он ужасно от этой мысли страдал. Десять минут! Десять минут! На десять минут раньше! Билось в его голове. И сердце прямо разрывалось от этой непоправимости.

Егоша был уже недалеко от дома, когда услышал за спиной быстрые, легкие шаги. Кто-то его торопливо догонял. Егоша обернулся — перед ним был Миша-ангел в обычном своем виде.

— Чего разнюнился? — сказал Миша-ангел весело. — Вот он я! Правда, и тут ты сплоховал. Кому говорил — не звони! Быстрее бы все закончилось. Врачи молодые, яростные, чуть не откачали. Мне это нужно?

От изумления Егоша слова не мог выдавить. Только смотрел на Мишу-ангела во все глаза.

— Ладно, ладно… — сказал Миша-ангел. — Еще повоюем.

— Сам позвал, — сказал, наконец, Егоша. — Сам сказал, что боишься.

— Кто ж не боится? Все боятся. Я все ж тоже… божье создание, — это Миша-ангел сказал с каким-то особым чувством, трогательно так сказал, даже с какой-то надтреснотостью в голосе, так что Егоша понял, что Миша-ангел совсем не так прост, как кажется, потом добавил обыденно и деловито: — Сейчас мы с тобой кое-куда смотаемся. Ненадолго.

— Опять? — взмолился Егоша.

— Срок мой вышел. Отработал по полной, от звонка до звонка. Снег греб, бизнесом этим проклятым занимался, инструкций не нарушал. Пора возвращаться к нашим баранам, то бишь делам.

— К каким делам?

— А вот к таким! Об Ив-Иве уже, небось, забыл?

— Забыл, — признался Егоша.

— А он там мается. Да и вообще намаялся. Вот кого сослали так сослали. Поэтому и взбунтовался. Он всегда такой был. Со школы. Строптивый. Не могу сказать, что мы так уж дружили. Ну, пару раз травку вместе курнули.

— Травку? — изумился законопослушный Егоша.

— Откуда у вас травка, если у нас ее не будет? Надо ж расслабиться иногда. Ведь гоняют как нас! Гоняют! И все равно лучше, чем здесь. Сравнения нет! Хоть Машку мою увижу!

— Она тоже ангел? — спросил Егоша.

— Самый что ни на есть. Только по другому ведомству. Я работаю с номерами в программе, вот как с тобой. А она — вообще… Вообще! Большой души. Ладно, поговорили и хватит.

— Прямо сейчас? В воскресенье? — уныло спросил Егоша.

— Да без разницы. Мне ваши дни недели, эта тетрадь в клеточку, вот как надоели! — и Миша-ангел выразительно постучал ладонью по своей длинной шее. — Ну, мы по-быстрому. Энергию нам, конечно, лимитируют, но я до своей не жадный. Что нам колбаситься по транспортам.

Миша-ангел взял Егошу за руку, за запястье… И исчезла улица, и дома, и город — они стояли в огромном вестибюле, а вокруг носились как безумные полчища клерков.

— Нам в судебный зал, — сказал Миша-ангел, минуя очередь. — Нам в судебный зал! — втолкнул Егошу в лифт.

Зал суда был огромен, и можно даже сказать, необъятен, но в какой-то момент Егоше показалось, что он уменьшился до размеров железнодорожного вагона. В центре, в углублении, как в яме, сидел несчастный Ив-Ив, над ним, образуя полукруг, возвышались судьи. Поодаль, но тоже на возвышении, сидели свидетели. Среди них Егоша сразу узнал того, кто приезжал к ним на поле и привез бумагу с подписями. Узнал его рыбьи какие-то глаза за толстыми стеклами очков. На Егошу он не смотрел.

Между тем Ив-Ив совсем не выглядел таким уж несчастным, напротив, он прямил спину и смотрел вызывающе и гордо.

Судьи были в мантиях неопределенного цвета, а на головах не то шапки, не то шлемы, открывающие только лица — довольно добродушные, розовые, полные.

— Жируют, — шепнул Егоше на ухо Миша-ангел. — Жируют. У них, знаешь, какой паек? И работа плевая.

Поднялся один из судей, довольно внушительный, особенно возвышающийся над сидящим в яме Ив-Ивом, и тихим голосом, монотонно стал перечислять его прегрешения. В то же время прямо над головой Ив-Ива появились изображения текстов, отдельных подписей и людей. В какой-то момент Егоша к изумлению своему увидел не себя, а свою собственную руку, очень знакомый рукав его собственной клетчатой рубашки, открывавшуюся перед ним дверь подъезда, свой двор и Ив-Ива, сидящего на лавочке у подъезда. И дальше все как и было… Ив-Ив в машине, его и свой голос.

— Не пугайся, — сказал Миша-ангел на ухо Егоше. — Это с тебя считали.

И все шло дальше, как оно и было. И в поезде, и проводница, и то, как Ив-Ив сказал: «На стакан чаю денег пожалел», а ведь пожалел, и Егоше совсем уже неуместно опять стало стыдно… да, и палатка на поле… И Ив-Ив, бегающий по этому полю и кричащий: «Свобода! Свобода!»

— Упекут! — шепнул Миша-ангел.

— Куда? — испуганно спросил Егоша.

— А… Мест много.

Егоша посмотрел на лицо главного обвинителя — оно не было уже ни круглым, ни розовым, ни добродушным, а как-то сурово вытянулось и даже изменило цвет, как-то посерело. Егоша глянул на других судей — с ними произошло то же самое. Ив-Ив же съежился и казался совсем маленьким в своей яме. Егоше стало его очень жалко.

Наконец бесконечная обвинительная речь была закончена.

— Кажется, все ясно? — сказал главный обвинитель.

Судьи согласно закивали головами.

— Кто из присутствующих может что-нибудь добавить?

Тут Егоша встал и неожиданно для всех, и даже для самого себя, и даже для Миши-ангела, который не успел распознать и поймать его мысль, сказал:

— Я…

Между тем лица судей еще больше вытянулись и посерели.

— Ты с ума сошел! — шепнул Миша-ангел.

— Он просто хотел, чтобы был профсоюз… — запинаясь, сказал Егоша.

В голосе главного обвинителя появилось даже что-то шипящее:

— Обвиняемый прекрасно знал наше мнение, обвиняемый знал, что по нашему мнению, которому он должен беспрекословно подчиняться, демократия на Земле под большим вопросом. Это просто его личный бунт. Он соблазнял малых сих.

— Он только хотел, чтобы был отпуск… — сказал Егоша вдруг тверже. — Это справедливо.

— Справедливость на Земле тоже под большим вопросом.

— Справедливость — это справедливость! — вдруг отчаянно вскричал Егоша. — Как без справедливости?

И тут наступило молчание.

— Обалдеть! — выдавил Миша-ангел. — Даже я тебя не знал.

Один из судей, помельче главного обвинителя, но с густым таким громким голосом, сказал:

— Закон (и он назвал длиннющую цифру и несколько латинских букв) гласит — если один из присутствующих на суде не согласен с решением суда, решение не может быть принято.

Судьи встали одновременно и удалились один за другим, дно ямы, в которой сидел Ив-Ив, поехало куда-то вниз, над головой его сомкнулась решетка.

Егоша и Миша-ангел сидели в небольшом мрачноватом кафе, освещенном несколькими тусклыми лампочками, ну это и понятно, ведь кафе находилось рядом с залом суда, а Мише-ангелу вдруг очень захотелось выпить кофе. Кроме того, там можно было курить. Миша-ангел торопливо прихлебывал кофе и одновременно курил, он был взволнован и даже как будто чуть-чуть виноват.

— Думаешь, мне его не жалко? — сказал Миша-ангел, глядя не в глаза, а куда-то поверх Егоши.

— А как у тебя — жалко? — вдруг спросил Егоша. — Если мне жалко, так у меня как будто то, что с ним, со мной.

— У меня, понятно, по-другому. Но тоже что-то покалывает…

— Где? — спросил Егоша.

— Понятно где. В голове. Я бы, может, тоже его защитил! — сказал Миша-ангел вдруг дерзко, но тут же переменил тон. — Сам знаешь, какая у нас дисциплина. Видел, что я пережил.

— Да, — сказал Егоша. — Ты пережил.

— Вот-вот!

Миша-ангел смотрел на Егошу, как будто видел впервые.

— Да… — сказал он, наконец. — А казался таким смирным… Был у меня один, ну, по вашим расчетам, в начале девятнадцатого…

— Года? — изумился Егоша.

— Века, — сказал Миша-ангел. — Это ж понятно. Века! Из Амстердама. Войнищи кругом навалом. И ни тебе интернета, ни тебе радио. Шустрый был, как электровеник. Так по Европе гонял! Мне за него даже премию дали. А был один, ну сущий ужас. Ребенок — идеальный, а вырос — так бог ты мой! Родом из Тамбова, работал в КГБ. Людей стрелял собственноручно. Поставили и его к стенке. Даже я ничего сделать не мог. Только дуло пистолета чуть перенаправил, чтоб прямо в сердце, чтоб уж не мучился. А ведь я, между прочим, тоже в отпуск хочу. К Машке. Машка теперь в твоем Париже.

— Париж не мой, — сказал Егоша.

— А чей же? На Земле, значит, твой. Машка любит Париж, а мне как-то пофиг. Да я бы хоть туда к ней смотался, так нет, теперь затаскают.

— Куда? — спросил Егоша.

— Куда-куда… Вверх! У нас или вверх, или вниз. — Миша-ангел мрачнел на глазах, и это было видно даже в плохо освещенном кафе. — Защитничек! — вырвалось у него раздраженно. — Ведь затаскают!

— Почему? — спросил Егоша.

— Достало меня твое «почему»! Ты же слышал — если один из присутствующих не разделяет мнение суда, решение не может быть принято. А ты что, разделяешь? Ты не разделяешь!

— Нет, — сказал Егоша. — Не разделяю. Потому что это несправедливо.

— Вот-вот! — чуть ли не вскричал Миша-ангел. — А обо мне ты подумал? Подумал? — Но тут же, как бы спохватившись, переменил тон. — К Машке все равно заглянем. Она только вернулась.

— А тебе не влетит?

— Так мы быстренько! — и Миша-ангел взял Егошу за руку, чуть выше запястья…

Машкина комната очень напоминала комнату Миши-ангела и все-таки была другой. Кругом были разбросаны какие-то женские вещи, белье, побря-

кушки. На тахте сидела сама Машка и примеряла какие-то немыслимые сапоги.

— О! — сказала Машка. — Уже не ждала. Глянь, какие штучки стали делать! Я еще прихватила — так на таможне не пропустили.

— А что, у вас есть таможня? — удивился Егоша.

— А как же, — сказал Миша-ангел. — Иначе понатащили бы всего груду.

— Да, — сказала Машка. — Техника ни в какие ворота, а со шмотьем полный порядок.

— Есть такие ловкачи — природные ресурсы тянут. Но с этим у нас тоже строго. Даже сослать могут.

Миша-ангел подсел к Машке, и они о чем-то заворковали. Егоша даже отвернулся, чтобы им не мешать. Но Миша-ангел тут же вернулся к нему.

— Пора.

— Надолго? — спросила Машка.

— Увидишь.

— Другого найду, — и Машка хихикнула.

— Попробуй! — сказал Миша-ангел. — Попробуй! — и даже погрозил кулаком.

Он опять взял Егошу за руку, и Егошу словно пронзил слабый-слабый, еле уловимый ток. Исчезла комната Машки, и сама Машка, и ее парижские сапоги… Но тут что-то произошло, явно непредвиденное. Миша-ангел все еще держал Егошу за руку, но они словно проваливались куда-то, медленно так проваливались, во что-то зыбкое, рыхлое и неустойчивое. Тихо ругался Миша-ангел, но какими словами он там ругался, Егоше было не разобрать. Наконец они провалились окончательно и упали на какую-то твердую шершавую поверхность. Егоша упал, выставив вперед руки, но все равно больно ударил коленку.

— Опа! — сказал Миша-ангел. — Приехали! Бензин кончился.

— Какой бензин? — спросил Егоша. Коленка сильно болела.

— Дурака учить, что мертвого лечить, — огрызнулся Миша-ангел.

Они были в совершенно непонятном месте, скорее напоминающем тоннель.

— Потопали пешедралом до ближайшего лифта, — сказал Миша-ангел.

— Ты столько всего знаешь, поговорки и вообще… словечки разные, — сказал Егоша, ковыляя следом.

— Подготовка. Учился хорошо.

— И на разных языках?

— А то как же. Конечно.

Тоннель выходил на большое поле, заваленное обломками механизмов и обрывками пленки, короче, на какую-то свалку. Миша-ангел уверенно продвигался вперед, Егоша за ним еле поспевал.

— У меня коленка болит, — взмолился Егоша.

— Ничего, дотопаешь! Я и так тебя сколько раз на себе таскал!

Но идти Егоше становилось все тяжелее и тяжелее. Наконец он вовсе остановился.

— Ладно, — сказал Миша-ангел. — Попробуем одолжиться.

Тут рядом взметнулось облако пыли, как будто пронесся небольшой смерч, и Егоша увидел неподалеку так неполюбившегося ему узкоглазого, волосы ежиком, заменявшего Мишу-ангела, когда того отправили в ссылку. Миша-ангел подошел к нему. До Егоши доносились только какие-то вор-

чливые интонации. Это продолжалось довольно долго. Наконец узкоглазый исчез, а Миша-ангел вернулся к Егоше.

— Жлобина! — сказал Миша-ангел. — Еле выпросил. — И взял Егошу за руку.

…Они стояли в прихожей огромного старинного особняка, наверх вела широкая лестница, крытая ковром, по бокам стояли вазы с цветами.

— Ну, топай! — сказал Миша-ангел и даже подтолкнул Егошу в спину. — Не трусь! Храброго пуля боится, храброго штык не берет!

— Ты действительно хорошо учился, — Егоша вздохнул и пошел к лестнице.

Он шел по лестнице, и лестница все время менялась, ковер сменили высокие мраморные ступени, по краям которых стояли статуи, а потом это уже была металлическая лестница, узкая и без перил. Наконец Егоша очутился перед высокой дверью.

— Номер? — раздался сухой голос.

— Три миллиарда первый, — сдавленно сказал Егоша.

Дверь отворилась внутрь. Перед Егошей стоял человек очень высокого роста, гораздо выше Миши-ангела, и смотрел на него сверху вниз чуть выпуклыми глазами, напоминающими глаза Миши-ангела. Он повернул и пошел вглубь, Егоша пошел за ним. Помещения, по которым они проходили, напомнили Егоше зал суда. Сначала они показались Егоше какими-то необъятными, грандиозными залами, а потом чем-то тесным и узким. В центре одного было небольшое углубление, не такое, как яма, в которой сидел несчастный Ив-Ив, но все-таки углубление, и когда человек знаком указал Егоше туда спуститься, Егоша испугался. Из центра углубления с пластелиновой мягкостью выступило сидение, и Егоша понял, что должен сесть. Он сел.

— Может, хочешь воды? — спросил Высокий.

— Да, пожалуйста, — сказал Егоша. — Воды…

Высокий протянул ему стакан с водой. Егоша выпил.

Тут появились еще люди. Они расселись вокруг на подобным же образом, как у Егоши, появившихся сидениях и теперь возвышались над Егошей и внимательно его рассматривали. Егоша был очень взволнован, настолько взволнован, что все расплывалось перед его глазами, он заметил только, что все они были ниже того, кто первым его встретил, но тоже довольно высокие. И лишь один почти такой, как Егоша, — с длинной бородой, в свитере и джинсах.

— Если позволите, я повторю свое прежнее мнение, — сказал Высокий. — Потому что я остаюсь при своем прежнем мнении. Его понятие о справедливости — это клише. Все знания и опыт в какой-то момент теряют динамику, способность к изменениям и превращаются в застывшие клише. Нет человека, исключая подвижный период юношества, который бы не застрял в этих дебрях.

— Клише тоже выбирают по склонностям, — раздался голос.

— Да, — поддержал его кто-то.

— Мы знаем этот характер.

— Он простодушен.

— И в то же время не глуп.

— Другие нам и не были нужны.

— Но он непокорен.

— Разве покорность главное? Нам важно его простодушие, — это сказал с бородой и в свитере. — Важно, что ему чужды ухищрения ума.

— Да, — его поддержали. — Это важно.

— Я предполагаю, — продолжил бородатый, — что идея справедливости не только результат внедренных в подсознание клише, но вытекает из характера и потребностей…

— Потребности в справедливости.

— Конечно! Для него это органично.

— Земля очень замусорена, — сказал Высокий. — Перенаселена и замусорена. Механизм размножения пущен на самотек. Я всегда был против.

— Без этого не будет чистоты эксперимента, — заметил бородатый.

— Любой эксперимент — риск, — поддержал чей-то голос.

— Мы можем повторить, используя уже наработанный опыт.

— Минусов, минусов много… — послышался голос ворчливый и глуховатый, но, видимо, принадлежавший тому, кто пользовался особым авторитетом. Потому что Высокий позволил себе совсем уж категоричное высказывание:

— Я говорил, не стоит иметь дело с обезьянами.

Все эти голоса сопровождались в ушах Егоши каким-то гулом и сливались в один, голова его кружилась, его даже подташнивало. И когда рядом неизвестно каким образом появился Миша-ангел, он в отчаянии схватил его за руку, как ребенок, нуждающийся в защите.

— Ну ладно, ладно… — сказал Миша-ангел, даже немного его приобняв. — Нормально все. Все хорошо. Все путем.

На обратном пути Мише-ангелу опять не хватило «бензина», и они добирались бесконечно долго, даже на каком-то немыслимо дребезжащем трамвайчике.

— Везде есть свои задворки, в любой цивилизации — верх и низ, — философски комментировал Миша-ангел. — Без «бензинчика» только так.

— Что… — решился, наконец, Егоша. — Они действительно могут закрыть этот… эксперимент?

— Что ты имеешь в виду?

— Землю!

— А… Не волнуйся. Эти разговорчики я уже слышу, знаешь, сколько? Да наше ведомство твоей Землей занимается испокон веку. Куда его-то девать? Вообще, ты выделен, малыш. Мне это приятно.

…Егоша стоял на улице, на щеках его еще не просохли слезы, он вынул платок и протер лицо.

2

В феврале посветлело. Весна, — подумал Егоша, глядя в окно, вдыхая сырой ветер. Весна, — и обрадовался. В тот же день он не нащупал в кармане привычную флешку. Вместо нее была записка. «Ты в отпуске. Поздравляю. Гуляй. Свистну. По прочтении сжечь». Миша-ангел никогда не писал Егоше записок, и записка была не подписана, но Егоша был уверен, что это от него. Он сжег ее в туалете и спустил в унитаз. При этом он испытал какое-то непривычное уже чувство свободы.

С весны он стал часто ездить на дачу, и даже решил провести там свой летний отпуск. Погода стояла хорошая, без дождей, а если и проносились дожди, то как-то быстро и не утомляя. Утром, после завтрака в семейном кругу — жена, дочь, теща… Все привычно, чинно, комфортно, как и любил Егоша, он мог ради приличия еще немного потоптаться на участке — поднять

с дорожки щепку, выдернуть травинку, сломать на кусте сухую ветку — и потом уже, выполнив этот нехитрый ритуал, отправиться на рыбалку к небольшому пруду. Пруд был неглубокий и заросший, водились в нем крошечные карасики, и рыбак из Егоши был никакой, но сидеть на берегу ему нравилось. Вот так он и сидел, до обеда.

— Пусть отдыхает, — говорила жена.

— Пусть, — соглашалась теща.

Как-то в один из таких дней, славных, теплых и ласковых, Егоша только пристроился со свой удочкой на берегу пруда, как увидел соседа, прямиком направлявшегося к нему от дачного поселка. Егоша расстроился, сосед этот был очень утомительный человек — маленький, верткий, шустрый, очень деловой и в то же время совершенный бездельник. Он готов был учить Егошу всему — копать грядки, солить огурцы, предсказывать погоду и даже распределять денежные средства. Теперь — Егоша не сомневался — он собирался учить Егошу удить рыбу. Егоша уже готов был, как говорится, «сматывать удочки», но времени на это уже не оставалось. Вот тут-то, в этот самый миг, Егоша и увидел Мишу-ангела. Миша-ангел лежал рядом, на траве, подложив руки под голову, и смотрел в небо.

— Хорошо живешь, — сказал Миша-ангел.

С одной стороны, Егоше было приятно видеть Мишу-ангела, но с другой, с другой… Да и сосед по даче угрожающе приближался.

— Не парься, я не по делу, — сказал Миша-ангел. — Вернее, по делу, только своему личному. Короче, мы с Машкой… В общем… так… Женимся, короче… — и Миша-ангел почему-то смутился.

— Поздравляю, — сказал Егоша. — Разве у вас это принято?

— Почему нет? Просто не все на это идут. Ведь у нас развод — такая канитель… Я знаю одного, так он начал еще при Нероне. Ну, мы с Машкой решили — была не была! Регистрация у нас дело простое, виртуальное, и общее жилье уже само собой, ну а дальше кто как хочет. У Машки свои мухи, ей только Париж… Так что давай…

Сосед по даче что-то замешкался на дороге, Егоша ждал его уже почти с нетерпением.

— Что давай? — промямлил Егоша.

— Как это, что? Ты ж для нас самый родной человек! Машка — она же вообще! Вон, выручила двадцать восемь человек в Средиземном море. Чуть не утонули. Выручила — и дальше. Что они ей, что она им. А ты ж у меня — один! Заодно и Париж посмотришь.

И Миша-ангел бесцеремонно схватил Егошу за руку.

Егоша сидел в церкви в третьем ряду и оглядывался по сторонам. Все вокруг были ему незнакомы, и все незнакомо, и в церкви такой он никогда не был, да вообще в церквах за всю свою жизнь почти и не бывал. Зашел раза два, еще мальчишкой, из любопытства, и только. Впереди, у алтаря, стояли Миша-ангел и Машка. Обычно Егоша видел Мишу-ангела в какой-нибудь невзрачной одежке, теперь же он был в темном строгом костюме и белой рубашке, длинные светлые волосы схвачены на затылке в хвостик, и показался Егоше очень красивым. Егоша даже возгордился немного, что у него такой красивый ангел-хранитель. Машка же представляла собой что-то совсем другое. Она была в очень коротком белом платье и длинных черных сапогах, волосы же у нее были наполовину черные, а наполовину рыжие и торчали в разные стороны. И глаза у нее были разного цвета — один голубой, а другой

зеленый. За спиной у Егоши какие-то женщины злословили и критиковали Машкину внешность, Егоша повернулся к ним и сказал:

— Вы просто завидуете, ведь это она выходит замуж, а не вы.

На что две средневозрастные девицы возбудились и стали доказывать Егоше, что он ничего не понимает, что им выйти замуж — запросто, просто у них нет гарантии, что им не захочется разводиться. А это слишком большая проблема.

— Тем более, — сказал Егоша. — Она — храбрая.

Между тем церемония бракосочетания была в разгаре и уже шла к концу, а девицы за Егошиной спиной все не могли успокоиться и все подталкивали его в спину и говорили, что они запросто, просто не хотят.

— Тише! Тише! — зашикали на них со всех сторон.

Уже выходя из церкви, Егоша столкнулся с Ив-Ивом, тот сидел в сторонке на последнем ряду и старался быть незаметнее. Ив-Ив молча пожал ему руку и сказал:

— Ну, встретимся…

На улице была глубокая ночь. Рядом с церковью стоял ряд длинных, похожих на сигары, вместительных темных машин. Надо всем этим тяжело нависало облачное небо, чуть подсвеченное намечающимся рассветом. Моросил дождь. В глубине души Егоша даже возмутился — почему ночь? Ведь еще совсем недавно он сидел на берегу своего пруда, и после завтрака прошло совсем мало времени, а до обеда было еще далеко.

— Не понимаю, — невольно вырвалось у Егоши.

— Не парься, — шепнул ему проходящий мимо Миша-ангел. — Почему ты должен что-то понимать? Ты не должен ничего понимать.

А Машка довольно фамильярно ущипнула его за локоть.

— Рассаживаемся по коням! — объявил Миша-ангел. — Экономим бензин!

Гости стали рассаживаться по машинам и увлекли Егошу в одну из них. Егоша оказался рядом все с теми же девицами, которые критиковали Машку в церкви. Теперь он мог рассмотреть их получше. Они были довольно-таки обыкновенными, скорее носатыми, одетыми не так вызывающе, как невеста, но тоже довольно вызывающе, ну никак не походившие на ангелов. Вели они себя довольно развязно, хихикали, пищали и толкали Егошу в бок острыми коленками. В машине вообще началось самое что ни на есть крутое веселье — открывали шампанское, обливались пеной, кричали, галдели, пели, по очереди и все одновременно.

— Свадьба, свадьба! — вскричала одна из девиц и вылила на Егошу бокал шампанского.

Егоше это совсем не понравилось, и он уже думал дать ей это понять, как девица пропела в самое его ухо:

— Да ладно тебе, зануда! Сидит себе на берегу пруда, рыбку ловит, отпуск у него, понимаешь ли… А тут пашешь и пашешь, пашешь и пашешь… И никаких развлечений!

Как раз в этот момент машина остановилась, все высыпали наружу — длинный ряд таких же машин, переполненных гостями, стоял вдоль берега реки. На волнах покачивался небольшой нарядный пароходик, светящийся, как новогодняя елка, множеством огней. Огни отражались и трепетали в воде, отчего сама вода казалась темнее, как темнее казалось небо, хоть рассвет уже занимался.

— Это Сена? — спросил Егоша.

— Сена, Сена! — ответила одна из девиц.

— Солома! — послышался насмешливый голос Миши-ангела.

И по трапу гости стали перебираться на пароходик. Гостей было много, тем более, машины все подъезжали, привозя новых, и Егоша подумал, как может такой небольшой пароходик вместить всех. Но произошло то же, с чем он столкнулся в зале суда и потом, когда встретился с Высоким. Он ступил на трап и поднялся на палубу как будто бы уже совсем другого судна — огромного океанского лайнера, — каким-то немыслимым образом разместившегося все в той же реке. Со всех сторон звучала музыка, горела гигантская красочная иллюминация, официанты обносили гостей шампанским, столы ломились от фруктов и закусок самых немыслимых видов и форм.

В машине Егоша чувствовал себя стесненно и шампанского не пил, а тут вдруг выпил целый бокал и опьянел. «Действительно, — подумал хмельной Егоша. — Подумаешь, отдых — сидеть на берегу тухлого пруда. Да я и рыбу-то ловить не умею. Отдых нашли! Один сосед-липучка чего стоит. Подгоревшие сырники на завтрак. Загорелые, говорят, сырники. А они не загорелые, они подгорелые!» Прямо перед Егошей появился поднос с шампанским, и Егоша взял еще один бокал. Музыка неслась со всех сторон. Танцы были в разгаре.

— Эй! — кричала ему уже знакомая девица. — Давай! Разомнем косточки!

Егоше очень захотелось танцевать. Танцевал он редко и плохо, вообще-то, стеснялся, а тут лихо рванул навстречу девице, замахал руками, затопал ногами, не всегда попадая в такт, и был момент, когда он поскользнулся и чуть не растянулся на полу, то бишь на палубе.

— Давай, давай! Не ленись! — подзадоривала девица, перед тем ловко подхватив его под руку, чтобы он все-таки не упал.

Сердце у Егоши колотилось как бешеное. Весело было. Может, Егоше никогда и не было так весело. «Мне никогда не было так весело!» — подумал Егоша. И он танцевал, танцевал, танцевал, размахивал руками и топал ногами. Знакомая девица исчезла, на ее месте появилась другая, потом третья, а Егоша все танцевал и танцевал. Тут мимо пронесли гигантский торт, не торт, а какую-то бело-розовую башню, — запахло сладостью, шоколадом, ванилью и фруктами. Егоша любил сладкое, а танцевать уже и сил не было. Он взял, как положено, тарелку и встал в очередь за тортом. Тут над головами взметнулась большая птица и, описав дугу, бросилась в воду. Раздались возгласы изумления, но никто не успел даже опомниться, как она появилась вновь — на палубе стояла хохочущая Машка, на ней, на ее платье и в рыже-черных волосах не поблескивало ни одной капли воды. Тут что-то грохнулось совсем рядом с Егошей — это упала в обморок одна из официанток. Вокруг засуетились.

— Ну, это она зря, положим, — заметил чей-то голос.

Егоша оглянулся. Рядом с ним, вернее, за ним стоял Ив-Ив, тоже с тарелкой, в ожидании получить свою порцию торта.

— Нашла где выпендриваться.

Он еще долго что-то бурчал, но музыка заглушала.

Подошла их очередь. Торт нарезал высокий молодой человек в белом костюме. Ив-Ив подмигнул ему по-свойски, и им положили по гигантскому куску роскошного разноцветного торта, они отошли в строну, подальше от толпы и стали есть. Ив-Ив даже урчал от удовольствия. Дожевав и проглотив последний кусок, Ив-Ив как-то особенно размягченно, задушевно посмотрел на Егошу и даже взял его за руку:

— А я ведь тебя так и не поблагодарил…

— За что? — удивился Егоша.

— Да за все! Даже за этот торт! Если б не ты тогда на суде… знаешь, где б я теперь был?

— Где? — спросил Егоша.

— В краю непуганых птиц! А сейчас вот… в хорошем месте. Даже сюда вырвался.

Солнце взошло, стало припекать. Музыка все гремела, наполняя воздух ликованием.

— Мать повидать хочешь? — спросил Ив-Ив неожиданно.

— Мать?! — заорал Егоша. — Мою мать?

— Не мою же…

Егоша разом онемел и только тупо, набычившись, смотрел на Ив-Ива, не произнося ни слова.

— Не мог бы — не предлагал, — сказал Ив-Ив ворчливо. — Подарок хотел тебе сделать. Почему нет? Ну так как — хочешь или не хочешь?

Егоша помолчал, а потом выдавил, еле шевеля губами:

— Хо-чу…

— Ну тогда тронемся… И имей в виду… Только ради тебя, ведь тоже кое-что нарушаю, — и Ив-Ив сделал знак согнутым указательным пальцем — иди за мной.

Они прошли сквозь все еще безумствующую танцующую толпу и спустились на нижнюю палубу. Ив-Ив подошел к борту и глянул вниз, подошел и Егоша — уткнувшись в борт носом, подпрыгивала на волнах небольшая лодка, с борта свисала к ней веревочная лестница.

— Осилишь? — насмешливо спросил Ив-Ив.

Расстояние от нижней палубы гигантского корабля до лодки показалось Егоше совершенно немыслимым. У него даже закружилась голова, и он зажмурился.

— Да ладно, — сказал Ив-Ив и похлопал его по плечу. — Страшного-то ничего нет.

Егоша открыл глаза и опять посмотрел вниз, к его удивлению, лодка оказалась совсем рядом, так вдруг изменился масштаб. Остро запахло речной водой.

— Давай, — сказал Ив-Ив. — Смелее! — Он перелез через борт и спрыгнул в лодку. Егоша без труда перебрался за ним. Рядом опять возвышалась громада корабля.

— Устраивайся поудобней, — сказал Ив-Ив и взялся за весла.

То ли Ив-Ив греб очень активно, то ли лодку несло течением, но от корабля они быстро отдалились. Наконец он пропал из вида. Берега реки расширились, пока не исчезли вовсе. Ясное солнечное утро сделалось туманным и серым. Ив-Ив отложил весла, лодка плыла быстро, увлекаемая течением. Туман все больше сгущался.

Егоша наклонился и зачерпнул пригоршню воды — она была холодной, темной и какой-то тяжелой.

— В ваших мифах, заметь, есть здравое зерно, — сказал Ив-Ив.

— Ты хочешь сказать, это Стикс? — спросил Егоша, чуть задохнувшись.

— Конечно. Да как ни называй… — он помолчал немного, прислушиваясь. — Вообще я люблю этот переход. Обрати внимание, как тихо.

— Да, — сказал Егоша. — Тихо.

— Когда станет совсем… Уже невмочь, будешь подавать сигнал.

— Какой?

— Я скажу.

Они еще посидели немного. Действительно, было тихо, как вообще не бывает. И в ушах не звенит, и сердце не бьется. Даже собственного дыхания не слышно. Чтобы убедиться в этом, Егоша особенно усиленно задышал, но и этого не услышал. Ему стало страшно, и он умоляюще взглянул на Ив-Ива.

— Теперь вспоминай мать, — сказал Ив-Ив.

Егоша вспомнил мать, какой она была, когда он был маленький, — в туфлях на высоком каблуке, в светлом веселом платье, с легко взбитыми волосами, радостную и смеющуюся, а потом вспомнил в последние ее месяцы и дни в унылом халате с потухшим взглядом.

На какой-то момент Егоше подумалось, что вот сейчас в лодке появится мать, вернее, — ее скорбная тень (как в фильме об Одиссее) — и примется стенать и жаловаться. И опять испугался. Но случилось иначе.

Раздался легкий шелест, и на край лодки, рядом с Егошей, присела маленькая белая голубка. Егоша не шевелился, боясь ее спугнуть. Голубка глянула на Егошу ясными блестящими глазками, вспорхнула и улетела. Ив-Ив опять взялся за весла, но не взмахнул ими и нескольких раз, как лодка пристала к выступающим из тумана каменным ступеням, ведущим к большой тяжелой двери, очень старой, с прозеленью и трещинами, без ручки. Ив-Ив подтолкнул Егошу к ступеням:

— Давай. А я пока займусь своими делами.

Пока Егоша поднимался по ступеням, Ив-Ив пристально смотрел ему вслед.

— Предупреждаю, — сказал Ив-Ив, когда Егоша был уже у двери. — Она не одна. Я имею в виду — не с твоим отцом.

— Почему? — удивился Егоша.

— Она так захотела.

Егоша толкнул дверь и очутился на асфальтовой дорожке, шедшей вдоль небольшого садика к знакомому подъезду. Там Егоша жил лет до пяти-шести, а потом еще бывал у бабки с дедом. Судя по желтеющим деревьям, был конец августа или начало сентября. Тепло и мирно. Даже немного припекало. С детской площадки доносились голоса. На первом этаже было открыто окно, и от сквозняка наружу вырывалась легкая кисейная занавеска — как будто кто-то приветственно махал Егоше платком.

Егоша уверенно вошел в подъезд и уже хотел позвонить в знакомую дверь, как дверь распахнулась ему навстречу — перед ним стояла Мать, юная, как на своих школьных фотографиях, в легком ситцевом платье с оборочками.

— Егоша! — воскликнула Мать, обнимая его.

Надо сказать, Егоша испытывал очень странное чувство. С одной стороны, он понимал, что — да, это его мать, и чувствовал при этом какое-то особое тепло, что-то такое детское и комфортное, убаюкивающее, защищающее, успокаивающее, с другой же стороны, она была и не совсем она, просто какая-то девушка, пусть и похожая на Мать, чью фотографию он видел в семейном альбоме.

Мать увлекла его на кухню, усадила за стол, покрытый знакомой яркой клеенкой, а сама села напротив.

— Ты меня осуждаешь? — спросила Мать и почему-то смутилась.

— За что?

— Ты хотел бы, чтобы я была старой?

— Нет, — сказал Егоша. — Не хотел… — Он подумал, что в этих его словах все-таки есть какая-то неправда, и добавил: — Не знаю…

— Ты ожидал, что я буду с твоим отцом? — спросила Мать еще более смущенно.

— Наверное, — сказал Егоша.

— Прости, если это не так, — сказала Мать.

Егошин отец умер лет на семь раньше нее. Егоша не был с ним очень-то близок, а последние годы вообще отдалился. Отец был занят своим, Егоша своим. Конечно, его смерть ранила Егошу, но он довольно быстро с этим справился.

Мать сосредоточенно обводила пальцем узор, выбитый на клеенке. Егоша знал за ней эту привычку во время серьезных и особенно волнующих разговоров.

— Твой отец — хороший человек, — сказала она, наконец. — Я прожила с ним… хорошую жизнь. Но… в юности я любила другого. Я хочу, чтобы ты меня понял…

— Я… — промямлил Егоша, — хорошо…

— Жизнь у меня была очень странная, — сказала Мать, все водя пальцем по рисунку клеенки. — Я до сих пор многое не поняла… Вначале казалось, что она длинная, такая длинная, большая, как море, а потом все стало так непонятно, все так быстро, раз — и она закончилась. Изменился масштаб. Как-то в больнице, ночью, я все лежала и думала, мне так хорошо думалось, все было ясно и так хорошо, потому что ясно, как будто солнце вышло и все осветило, что не было видно раньше… А наутро я это забыла, все, все свои мысли. Я любила твоего отца…

— Я знаю, — сказал Егоша.

— Но в юности я любила другого. Может, это были разные жизни?

— Может, — сказал Егоша.

— В одной жизни много разных жизней.

— Может… — повторил Егоша.

— Скоро он вернется. Он не должен тебя видеть.

— Я понимаю, — сказал Егоша.

— Никто не должен тебя здесь видеть.

— Хорошо, — сказал Егоша. — Не беспокойся.

Мать проводила его до дверей.

— Я знала, — сказала она. — Я знала, что ты придешь. Ты и раньше приходил, когда я тебя ждала… Хоть здесь… это нелепо.

— Да, это нелепо.

— Значит, и так бывает.

— Бывает.

Мать прижала его к себе. Это было так странно, — юная девушка и почти сорокалетний, плотный, крупный такой Егоша. И он был сын, а она была его мать.

— Иди, — сказала Мать. — Не смотри ни на кого. Тебе нельзя. — Она распахнула перед ним дверь и легонько толкнула в спину.

Егоша вышел из подъезда и быстро прошел по асфальтовой дорожке мимо садика и детской площадки — но никакой двери на ее конце не было. Егоша свернул к дому и через арку вышел на улицу. Прохожих там было довольно много, но он шел, наклонив голову и ни на кого не глядя, и у него было такое чувство, что и на него никто не только не смотрит, но и просто не замечает. Так он вышел к реке. Между тем смеркалось, как будто прошел день. По ступеням, ведущим от набережной к реке, он спустился к воде и рядом с мостом увидел лодку, в которой сидел Ив-Ив. Вокруг уже сгущался туман.

— Давай, давай! — сказал Ив-Ив. — Быстренько!

Егоша еле успел залезть в лодку — туман сомкнулся над ними. Ив-Ив взялся за весла. Слышался только мерный всплеск воды. Егоша подавленно молчал.

— Там… всегда начало осени? — спросил он вдруг.

— Ну почему… По-всякому, — сказал Ив-Ив с философской невозмутимостью.

Тут лодка мягко ткнулась в борт корабля. Сверху свисала веревочная лестница. Ив-Ив, бросив лодку как есть, стал ловко карабкаться наверх. Егоша последовал за ним. Это был совсем небольшой корабль, не корабль, а скорее прогулочный катер, и Егоша в который раз удивился, что еще недавно он ему казался таким огромным.

Было все то же утро, на палубе вповалку лежали спящие гости и валялся всякий мусор — серпантин, мятые цветы, какие-то ленты, битая посуда, просто грязная посуда и куски торта. Тут из каюты вышел осоловелый, основательно помятый Миша-ангел и, позевывая, сказал:

— Прости, друг… Я ж тебя должен на место доставить. Это мы мигом…

…Егоша сидел на берегу пруда, а рядом стоял сосед по даче.

— Ну кто же так наживку насаживает, Егор? — говорил сосед страстно, обнажая гниловатые запущенные зубы и плюясь. — Я ж тебя учил-учил!

Дома Егоша отказался от обеда, прошел к себе, лег лицом к стенке и заснул. Через пару часов жена попыталась его разбудить, но он не дался и проспал так, без снов, до самого утра. Утром он рассеянно поздоровался с женой и с тещей, поцеловал дочь, выпил кофе и без особых объяснений поехал в город.

Шли дни Егошиной жизни, как постный суп, — жидкие и пустые. Дочь пошла в первый класс, со всеми сопутствующими этому событию волнениями, тратами и слезами, а потом закончила его, первый класс, наступило новое лето, а потом прошло. Миша-ангел не появлялся. Егоша чувствовал себя потерянным и забытым. Тщетно, в который раз обшаривал он карманы своих брюк, пиджаков и плащей — флешки не было. К компьютеру теперь он прикасался только на работе, иногда смотрел телевизор, но ничего в нем не видел, взгляд его как бы скользил по запыленной поверхности экрана. Но на работе он делал что должно, приносил домой зарплату, вполне нормальные деньги, и у жены не было повода для недовольства. Однако по вечерам, когда дочь укладывали спать, на Егошу наваливалась тревожная, давящая пустота, его состояние невольно передавалось жене, она тоже начинала беспокоиться, вздыхать и говорила:

— Может, в гости сходим?

— Зачем? — говорил Егоша. — И так хорошо.

Но хорошо не было.

Любил ли он дочь? Конечно.

А жену? Во всяком случае, был привязан, а в таких случаях неизвестно, что сильнее. Тогда почему он чувствовал себя неприкаянным сиротой? Только потому, что его забросил ангел-хранитель?

Как-то Егоша должен был задержаться на работе и спустился на первый этаж в кафе, чтобы перекусить. За соседним столиком, спиной к нему, сидел мужчина в мятом сером техническом халате. Длинные его волосы были заложены за уши и на затылке стянуты резинкой. Перед ним стоял поднос,

заставленный тарелками и тарелочками с едой. Мужчина неторопливо и методично все это поедал. Егоша видел, как в такт жеванию двигаются его чуть оттопыренные уши, он почему-то смотрел на эти уши как завороженный, а сам только выпил кофе и вяло пожевал булочку. Тут мужчина обернулся, и Егоша узнал Мишу-ангела.

— Привет! — сказал Миша-ангел.

— Здравствуй, — сказал Егоша растерянно.

— Вот, — сказал Миша-ангел, кивая на поднос. — Предаюсь воспоминаниям. У вас еда почему-то одинаковая. Что здесь, что в детском саду, что в ресторанах. Один и тот же состав. А вообще, — надо поговорить.

— Да, — сказал Егоша. — Конечно.

И по пути стягивая халат, Миша-ангел направился к выходу. Егоша пошел за ним.

— У меня еще работа, — заметил Егоша.

— Да ладно! — сказал Миша-ангел небрежно. — Какая там работа! Успеется.

Они долго шли сначала по одной улице, потом по другой, Миша-ангел все не останавливался и думал себе о чем-то. Егоша молча шел рядом. Мишу-ангела никто не замечал, на него налетали прохожие, но не сбивали с ног, а как-то проскакивали мимо, и каждый раз Егоше делалось за него страшно. Ведь совсем недавно в кафе, облаченный в технический халат, он был видим вполне и даже смог купить себе внушительное количество еды и с ней расправиться. Егоша никогда не мог уследить за его превращениями. Тут Егоша заметил, что они совсем близко от детского сада, в который ходила его дочь и какое-то время работал сторожем сам Миша-ангел.

— Зайдем, — сказал Миша-ангел. — Все-таки не чужие.

Они зашли на детскую площадку и с трудом забрались в небольшой фанерный домик. Егоша боялся, что вот-вот появится настоящий сторож и их оттуда погонят. Но Миша-ангел как всегда знал, что к чему, — их никто не тревожил. Кажется, пошел небольшой дождь, запахло сыростью и грибами. Свежий, человечный какой-то запах. Оба сидели скрючившись, и коленки Егоши упирались в острые коленки Миши-ангела.

— Хорошо пахнет, — сказал Миша-ангел и добавил скорее утвердительно, чем с вопросом: — Ты любил мать.

— Любил, — сказал Егоша.

— Конечно, ведь она у тебя была. — Миша-ангел еще больше согнулся и приблизил к Егоше свое лицо, блекло-голубые выпуклые глаза, которые прямо сейчас, на глазах у Егоши, подернулись влагой: — А у меня не было матери! У таких, как мы, матерей не бывает, — голос его дрогнул.

И замолчал. И Егоша молчал.

— Когда у таких, как мы, рождаются дети… Это редко бывает… Но все-таки бывает… Мы их даже не видим.

— Почему? — не удержался Егоша.

— Это не обсуждается. Отправляют куда-то… Понятно. Все на высшем уровне. Точно не знаю. У меня еще не было детей.

— У тебя будет ребенок? — вдруг догадался Егоша.

— Пока это еще можно скрыть…

— А потом?

— Как положено. Мы его даже не увидим… Я-то ничего. Машка колбасится. Ты же ее знаешь. Она без удержу. Прямо какая-то сумасшедшая стала. Я что подумал, может, подбросить его тебе?

— Как? — удивился Егоша.

— А вот так.

— Не боишься?

— Боюсь, конечно. Просто у вас колбасня — отпуск закончится, увидишь — ну и у нас, соответственно, колбасня, под шумок, может, проскочим…

— А если не проскочим?

— Тогда по шапке.

Помолчали.

— Что молчишь? — спросил Миша-ангел.

— Не знаю, — сказал Егоша. — Странно как-то.

— Да нормально все сделаем. Отправим его в Дом ребенка, бумаги оформим… на твое имя…

— На мое имя? — совсем уже растерялся Егоша.

— На чье же еще? Ты же будешь растить.

— Я?

— Опять двадцать пять! Как надо, так и сделаем! Время придет — я тебе свистну. Конечно, можно было бы его и там оставить, в приюте… Как-то бы выкарабкался. Мы с Машкой уже и этот вариант перетерли. Другое дело — с тобой, спокойней. Пиши заявление… — и Миша-ангел ловко сунул Егоше лист бумаги и ручку, и даже подложил под него — для полного удобства — блокнот, из которого этот лист был вырван.

— Пиши! — сказал Миша-ангел. — Заявление. Я, такой-то, такой-то… номер паспорта…

— Я не помню номер своего паспорта… — сказал Егоша.

— Как это, не помнишь номер своего паспорта?! — возмутился Миша-ангел. — Куда же это годится? — Но тут же продиктовал Егоше его номер паспорта. — …Прошу передать мне для усыновления ребенка мужского пола…

— Мужского? — переспросил Егоша.

— Мужского. Щас! Мы с Машкой не знаем, какого пола у нас ребенок!

Миша-ангел аккуратно сложил Егошино заявление и спрятал у себя на груди.

— Время придет, я тебе свистну.

— А жена? — спросил Егоша.

— С женой уже сам разбирайся.

Пятясь, на четвереньках они выбрались из фанерного домика и пошли по дорожке к выходу. Миша-ангел шел сгорбившись и выглядел вдруг таким усталым, что Егоше сделалось его жалко.

— Ничего, — сказал Егоша. — Как-нибудь решим этот вопрос.

— Уж постарайся, — сказал Миша-ангел.

В тот же вечер он приступил к разговору с женой.

— Знаешь, — сказал Егоша. — Надо нам взять на воспитание еще одного ребенка…

— Ты что, с ума сошел?! — закричала жена. — Мало тебе дочки?

— Дело совсем не в этом, — заметил Егоша, — просто мы не мещане. Это, можно сказать, вклад в общество…

— Чушь какая! Нужны мы этому обществу!

— Мы, может, и не нужны. Но нам общество нужно.

— Это большой вопрос!

— Это не вопрос, а ответ. Чем лучше обществу, тем лучше нам. Помочь сироте — это благородно.

— Благородный ты наш! Всех сирот не согреешь!

— Я не говорю — всех. Хотя бы одного.

Жена рыдала, грозила разводом, звонила матери, собирала вещи — Егоша не отступал. И только уже вечером, напившись всевозможных лекарств, она как-то успокоилась и подумала трезвым умом — муж-то он неплохой, деньги приносит, не пьет, не курит, не гуляет. Ну, с мухами, конечно, в голове. А кто без мух? Только у каждого — свои. А она? Кому она-то нужна? Волосы жидкие, тусклые… в углах глаз гусиные лапки, поправилась на семь килограммов! Так что, всхлипнула еще пару раз… и заснула.

Миша-ангел объявился через несколько месяцев — как раз к Новому году. В городе было оживленно, и когда смеркалось, особенно празднично сияла иллюминация, и разряженные елки на площадях и у магазинов вызывали в душе взволнованные детские переживания. Снега почти не было, но приподнятому настроению это не мешало. Было скорее тепло. Егоша зашел в большой магазин купить подарки. Дочери он купил новую куклу, теще — набор дорогого мыла с мочалками в красивой плетеной корзинке — пусть моется, ведь если выбирать, он предпочтет чистую, хорошо вымытую тещу, чем какую-нибудь грязненькую, — и уже стоял в посудном отделе, приглядывая жене чайный сервиз, как позвонил Миша-ангел.

— Ну, — сказал Миша-ангел. — Принимай!

— Кого? — растерялся Егоша.

— Кого-кого… Гаврилку… Завтра к одиннадцати с паспортом в дом ребенка.

Вокруг Егоши толкался народ, звенел посудой.

— С паспортом? — переспросил Егоша.

— Не без него же. Запаси все что надо — памперсы, распашонки, колготки. Имей в виду — он у нас крупненький, да и подрос уже. Не скупись — к Новому году премию получишь. А на днях подброшу флешку — работать пора, да и для отвода глаз.

Забыв обо всем, чуть не перевернув витрину с хрустальными рюмками, чуть не потеряв по дороге куклу и растеряв почти все мыло, Егоша бросился из посудного отдела в детский… Брал без разбору все подряд, пока не истратил все деньги.

Нагруженный, явился домой. Жена смотрела на него мрачно.

— Завтра принесу, — сказал Егоша, дыша тяжело и прерывисто, как замученная собака.

— Кого? — холодно спросила жена.

— Гаврилку…

— Боже-боже, — сказала жена и ушла в спальню плакать.

О чем ни думай, как ни смиряйся, но не плакать — этого она не могла.

На другой день к одиннадцати, с паспортом, разумеется, Егоша отправился в Дом ребенка.

— Вам куда?— спросила дежурная, отталкивающего вида женщина, не оттого, что была так уж некрасива, а из-за какого-то особого хмуро-недоброжелательного выражения лица.

— Хорошенькое начало, — подумал Егоша и сказал: — Я за ребенком…

— Третий этаж, к директору.

По лестнице с выбитыми ступенями Егоша пошел на третий этаж. Было тихо, но время от времени откуда-то доносился детский плач. Резко пахло дезинфекцией и хлоркой.

В кабинете директора сидела крупная полная женщина с неприветливым, замкнутым лицом. «Неужели здесь все такие?» — подумал Егоша и протянул ей паспорт.

— Документы на вас пришли, — сказала женщина, буравя Егошу маленькими настороженными глазками. — Но мне бы хотелось кое-что уточнить самой. Ваши квартирные условия?

— Там все есть, — заметил Егоша.

— Так, так, — сказала женщина, надевая очки и перебирая бумаги. — Зарплата?

— Тоже. Там есть…

— А мотивация? — она напряженно сдвинула брови, подбирая слова. — Да, мотивация… — И воскликнула совсем уже грозно: — Мотивация!

Между тем, говоря с Егошей, она взяла со стола айфон, написала какое-то сообщение и, с кем-то соединившись, сказала: «Я тебя потом наберу…» Владение этим предметом явно приносило ей удовольствие и придавало особую значимость ее особе, она опять стала буравить Егошу своими глазками с какой-то дополнительной уверенностью в себе:

— Ваша мотивация!

— Да, да, конечно… мотивация… — пробормотал Егоша растерянно, вот у него-то явно пропадала уверенность в себе.

Тут в самое ухо шепнул Егоше голос Миши-ангела: «Да дай ей денег! Не соображаешь, что ли?»

— Конечно, — сказал Егоша.

Он полез во внутренний карман пиджака, вытащил долларовую заначку, которая, по счастью, там находилась, и неловко положил на стол, переживая, что не смог сделать это как надо, хотя бы в конверте. Директриса же, ничуть не смущаясь, ловко протянула свою увесистую лапу, накрыла ею купюру, и она тут же исчезла в ящике стола.

— Надеюсь, ребенку будет у вас хорошо, — и позвонила.

Тут же появилась нянечка — нормальная такая нянечка, с добродушным лицом-плюшкой, с конвертом, в котором лежал младенец.

— Тс… — сказала нянечка. — Спит… Вы уж поаккуратней.

Егоша бережно нес конверт с ребенком вниз по лестнице — он был на удивление тяжелый. За ним шла нянечка и несла пакет с детским питанием. Чем дальше они отходили от кабинета директора, тем сильнее запахло хлоркой. Особенно на лестнице… И кто-то плакал там, за стеной. А потом к нему присоединился кто-то еще… И Егоша подумал: его бы воля — он взял бы отсюда всех. Всех до одного! Потому что и последнего тоже жалко, и возможно, даже еще жальче, чем всех остальных. Только куда взять-то?

Когда Егоша принес ребенка домой, жена опять демонстративно заперлась в спальне. Егоша положил конверт на диван и развернул, путаясь в завязках и лентах негнущимися от волнения руками. Это был пухлый, на удивление крупный младенец, розовощекий, с нежным цветом лица и уже длинными вьющимися золотистыми волосами. Егоша смотрел на него затаив дыхание — такой он был красивый. Тут он услышал рядом: кто-то тоже тяжело задышал. Это была жена.

— Боже! — вырвалось у жены. — Какое чудо!

В этот момент младенец проснулся и удивленно посмотрел на обоих чуть выпуклыми бледно-голубыми глазами Миши-ангела. Егоша захотел было взять его на руки, но жена перехватила:

— Не трогай! Ты не умеешь с детьми, — и схватила его сама.

К вечеру все образовалось — прикупили необходимое, что-то перестирали, что-то перегладили, жена, разгоряченная и взлохмаченная, кипятила бутылочки для молочных смесей, Егоша слонялся по квартире и был вовсе не у дел, а дочка все прыгала на одной ножке и кричала, что у нее появился братик.

Решили, что жена возьмет отпуск за свой счет, а потом они отдадут малыша в ясли. Но вот отпуск закончился, но жена что-то не спешила отдавать Гарилку в чужие руки и продлила отпуск за свой счет еще, а потом еще, рискуя вообще потерять работу. На нем она просто помешалась, не спускала с рук и только о нем и говорила. Вообще, жена Егоши была женщина сдержанная и даже немного суховатая, но тут Егоша часто слышал ее смех — она играла с Гаврилкой. Так что даже дочка стала ревновать и уже не радовалась, как прежде, что у нее появился братик, а смотрела на него мрачно и исподлобья.

Между тем Гаврилка рос... С первых же дней начал улыбаться и уже в три месяца вставал на ножки.

По ночам Гаврилка их не будил, жена, устав за день, спала крепко. И Егоша, проснувшись среди ночи, часто видел склоненных над кроваткой Машку и Мишу-ангела. Бывало, Машка появлялась одна, носила Гаврилку по всей квартире и что-то пела. Голос у нее был совсем не ангельский, скорее хриплый, и Егоша боялся, что проснутся жена и дочь, но этого не случилось ни разу. К лету Гаврилка был уже такой крупный и тяжелый младенец, что никому и в голову бы не пришло, что ему только полгода, так они никому и не говорили, что ему только полгода.

Теща сразу была настроена против Гаврилки, даже его удивительная красота ее не трогала.

— Не в красоте счастье, — ворчала она, глядя на Гаврилку недоброжелательным круглым птичьим глазом.

— А в чем счастье? — спрашивал Егоша.

Но теща уходила от ответа. Она была из тех, кто только утверждает, а вопросы не задает и на них не отвечает.

Итак, она говорила, что из таких красавчиков ничего путного не получается, и потом, у него что-то с гипофизом, и он уже наверняка болен гигантизмом. У жены всегда были хорошие отношения с матерью, но тут они поссорились, да так, что жена даже не поехала на дачу и осталась в городе.

Как-то в воскресный день жена отлучилась в магазин и попросила Егошу посмотреть за Гаврилкой. Егоша сидел на лавочке, читал газету и краем глаза посматривал на Гаврилку, который сидел в песочнице и пересыпал песок из ладошки в ладошку с таким вниманием, как будто рассматривал каждую песчинку отдельно. В это время прибежала дочка, и Егоша даже обрадовался, что теперь может почитать спокойно, и уже начал читать спокойно, как вдруг даже не услышал, хотя и услышал, скорее почувствовал, быстро глянул из-за газеты — дочка засовывала в рот Гаврилке песочный пирожок, тихо, но зло приговаривая:

— Ешь! Ешь пирожок! Что, вкусно?

Между тем Гаврилка покорно раскрывал рот, изумленно смотрел на нее во все свои бледно-голубые глаза и даже вроде жевал.

— Да как тебе не стыдно! Как ты можешь! — закричал Егоша.

Он подскочил к детям, дал дочери легкую затрещину и толстым своим неуклюжим пальцем стал выковыривать изо рта Гаврилки песок.

Дочь разрыдалась и убежала в дом.

— Фу! — говорил Гаврилка, вертел головой и не давался Егоше.— Фу!

— Оставь его, — сказал вдруг появившийся рядом Миша-ангел. — Все нормально, только жене не говори.

— Она — ребенок, — сказал Егоша, пытаясь оправдать дочь.

— Она не ребенок, — заметил Миша-ангел добродушно и снисходительно. — Она — человечество.

Иногда казалось, что Гаврилка и не растет, но потом он тут же мог вымахать прямо на глазах за одну ночь. Он стал такой тяжелый, что жена не могла его поднять и просто приходила в отчаяние.

Как-то ночью Егоша увидел в двери силуэт Миши-ангела. Он быстро поднялся и подошел к нему.

— Скоро мы его заберем, — сказал Миша-ангел. — Здесь ему больше нельзя.

— Да, — сказал Егоша. — Я понимаю.

— Главное — дело сделано. Мы его подрастили. Он нас запомнил.

— А как же моя жена? — вдруг вспомнил Егоша. — Как она?

— Скажешь — забрали родители. Увезли за границу. Адреса не оставили. Хотя, нет… Адрес вышлют. — Миша-ангел на секунду задумался. — Мы этого не учли. Я же твой ангел-хранитель, а не ее.

— Вначале учли, — сказал Егоша строго.

— Ладно, — сказал Миша-ангел. — Знаешь, давай без упреков…

— Ладно, — повторил он с досадой, хотел еще что-то сказать, но только махнул рукой и исчез.

Тем не менее Егоша расстроился и уже не мог спать до самого утра. Лежал и смотрел, как из темноты на фоне светлеющего окна отчетливее проявляется суховатый профиль жены. Наконец жена проснулась.

— Ты не спишь?

— Нет, — сказал Егоша.

Жена всегда вставала раньше — собрать дочь в школу и перед работой отвести Гаврилку в детский сад. Егоше она этого не доверяла — ведь только она знала, как надо держать Гаврилку за ручку, чтобы он не вырвался и не побежал, — а ведь кругом машины, как надо завязывать шарфик, чтобы не простудился, что сказать нянечке, если она в плохом настроении, и конечно, не забыть спросить, чем их сегодня будут кормить.

Когда Егоша вышел на кухню, дочка со своим обычным мрачным видом допивала какао. Ее школа была совсем рядом, через двор, но она все равно злилась, что мать отводит не ее, а этого уже донельзя противного ей Гаврилку. За прошедшее лето она вытянулась, подурнела и стала похожа на цаплю.

Жена уже шла к двери, держа за руку Гаврилку, как вдруг остановилась… «Опять вопрос?» — с непонятной тревогой подумал Егоша.

— Снег выпал! — сказала жена весело. — Выгляни в окно!

Был конец октября.

— А… — протянул Егоша. — Ну, выпал и выпал… растает…

Снег действительно растаял уже к вечеру, а на другой вечер исчез Гаврилка.

День был хороший, ясный, почти теплый, суббота, и жена пошла с Гаврилкой на детскую площадку. Дочь делала домашнее задание и завистливо поглядывала на них в окно. Тут к жене подошла соседка и стала говорить о том, о чем все уже говорили, говорили и удивлялись — что Гаврилка такой крупный ребенок. Этот разговор привел жену в большое раздражение, и она с соседкой поссорилась, да так, что кровь прилила к лицу (она так потом и

сказала — кровь прилила к лицу) и на какой-то момент потеряла ребенка из вида, а когда спохватилась, увидела его, Гаврилку, на самой высокой ступени лестницы громоздкого такого сооружения, которое во дворе называли «слоном», по большой извилистой трубе-туловищу дети добирались до вогнутого желоба — хобота слона — и скатывались вниз. Жена бросилась к «слону», но на верхней ступеньке лестницы, ведущей в слоновье брюхо, Гаврилки уже не было. Тогда она побежала к нижней части хобота, надеясь встретить Гаврилку там, но и там он не появился, а лежал какой-то конверт, на котором почему-то было написано имя и фамилия Егоши и ее имя. Она не успела удивиться — так была взволнована, — бросилась опять к лестнице, ведущей к туловищу «слона», и цепляясь руками за ступеньки, вскарабкалась наверх. Оттуда она чуть не полетела, так закружилась голова (она всегда боялась высоты, даже маленькой, да и не только высоты, но и замкнутых пространств, а труба — это все-таки замкнутое пространство), но превозмогая себя, на четвереньках, путаясь в длинном осеннем пальто, она стала продвигаться по ребристой колышущейся трубе — слоновьему туловищу. Особенно мешали туфли на каблуках. По хоботу слона она скользнула вниз довольно благополучно, разве что при приземлении больно ударилась почему-то локтем.

Гаврилки нигде не было.

Тогда прямо в какой-то сомнамбулии она вытащила из кармана тот самый конверт и вскрыла его. «Такие-то такие-то… — было написано в конверте. — Мы — настоящие родители Гаврилки, очень благодарны вам за доброе к нему отношение. Обстоятельства вынудили нас доверить его вам, а теперь обстоятельства вынуждают нас его забрать. Искать его не советуем — это бесполезно».

Все в той же сомнамбулии, еле передвигая ноги, жена вернулась домой и протянула Егоше письмо, пристально глядя в глаза.

— Да, — сказал Егоша, прочитав письмо и почесывая затылок. — Что поделаешь? Это его родители.

— Звони, — сказала жена.

— Куда?

— Куда хочешь. Или я умру.

Она легла на кровать прямо в плаще и туфлях, закрыла глаза и скрестила на груди руки…

— Что тут поделаешь, — сказал Егоша. — Они все написали.

Но сам тихо заперся в ванной и позвонил в Дом ребенка.

— Не было у нас такого, никогда не было, — ответил властный смутно-знакомый голос. — Мужчина, не дурите мне голову.

Что удивительно — никто не звонил из детского сада, да и вообще никто о Гаврилке не спрашивал, ни соседи, ни знакомые, как будто действительно не было такого.

Жена пролежала на кровати вот так — в одежде, скрестив на груди руки и не двигаясь, несколько дней, а потом поднялась и стала жить дальше, только стала как-то задумчивей. Вот делает что-то по хозяйству, а потом вдруг остановится и задумается.

— О чем ты думаешь? — спросит ее Егоша.

— Не знаю, — ответит жена рассеянно.

И стоит. И все думает о чем-то…

Егоша очень ее жалел и злился на Мишу-ангела из-за всей этой истории. Даже из вызова хотел выбросить флешку, но так и не выбросил. Только дочка прямо-таки расцвела, стала даже лучше учиться и немного пополнела, что при ее абсолютной худобе было вовсе неплохо.

3

И шла себе жизнь. Если не заглядывать в календарь да на улицу, на сменяющие друг друга времена года — так и непонятно для Егоши как. А может, она совсем и не идет, эта жизнь, стоит себе на месте, а идет только то, что ее окружает. Информацию для Миши-ангела он давно наловчился перекачивать на флешку, не прочитывая и не просматривая, грохотал где-то вроде бы большой, сложный мир со всеми его ужасами и страстями, накатывал волнами, ну и пусть его. На работе все шло как заведено. Как-то Егоше предложили еще одно повышение, но это было связано с освоением нового, с лишними волнениями, и он, ничего не говоря жене, отказался, как отказался в свое время приобретать и водить машину. В личном же, маленьком его пространстве почти не было перемен… Перегорели и были заменены утюг и электрочайник, жена купила новое пальто… Как-то Егоша увидел в углу зала свисающую паутину. Он взял веник и старательно ее смел — тоже ничего не сказав жене.

Подросла дочь. Для Егоши это был удар. Он увидел вдруг, как ходит рядом с ним по квартире, может, и не красавица, но вполне себе симпатичная, незнакомая юная женщина. А у жены на туалетном столике появилась краска для волос — она стала закрашивать седину. Егоша не мог закрашивать седину и только с недоумением смотрел на седую прядь на своем виске. Откуда и почему так быстро? Ведь еще вчера, да, вчера… А, да что вспоминать…

— Что же такое жизнь? — думал Егоша. — Что же она такое? Водить или не водить машину? Рожать или не рожать детей? Получать или не получать повышение по службе? Делать или не делать ремонт, чтобы с потолка не свисала паутина? И если бы не часы, не календарь, не времена года, все было бы уже совсем странно… Хотя нет, с другой стороны, они еще больше запутывают, потому что идут по кругу.

Миша-ангел давно не появлялся, так что обида на него у Егоши как-то улеглась. Не то чтобы он хотел его видеть, просто вспоминал о нем без прежней досады.

Как-то Егоше стало плохо на улице. Уже за неделю до этого он почувствовал, что с ним что-то неладно. Временами сильно колотится сердце и на какой-то момент ноги становятся как не свои. Такое накатывало и проходило, и он быстро об этом забывал. А тут просто упал. Потом говорили, что он побледнел и захотел сесть на ближайшую скамейку, но до скамейки не дошел, а упал рядом. Одет он был прилично, так что никто не принял его за алкоголика. «Мужчине плохо!» — закричали какие-то сердобольные женщины и вызвали «скорую помощь».

Егошу везли на каталке, а рядом шел Миша-ангел.

— Это не по правилам, — говорил Миша-ангел ворчливо.

— Ты по правилам, — отвечал Егоша даже как-то по-детски. — Ты же мой ангел, ты меня бросил!

— Тут бросишь! — огрызнулся Миша-ангел. — Думаешь, мне не влетело? Еще как влетело! Я до сих пор под надзором. Еле сюда добрался! Машке-то еще ничего, все-таки — мать, все-таки — культ. А мне по первое число! Что, сам не мог проследить? К врачу вовремя? Таблетки попить? Не мог? Потом, я тебе говорил, наше время и ваше время не совпадают.

— Просто у вас нет часов и календаря, — сказал Егоша и отключился.

Егоша проснулся поздней ночью. Узкая полоска света под дверью обозначала освещенный больничный коридор. На соседней койке кто-то бормотал, подхрапывал, а временами, казалось Егоше, даже плакал. Спать не хотелось,

Егоша лежал с открытыми глазами и пытался о чем-то думать, поймать хоть какую-то мысль, но это ему никак не удавалось.

— Вы не спите? — спросил слабый голос.

— Нет, — сказал Егоша.

— И я не сплю… — голос смолк ненадолго, но потом послышался снова: — Вы смерти боитесь?

— Не знаю… — сказал Егоша задумчиво. — Я еще не умирал.

— Но ведь сюда вы попали с приступом?

— С приступом…

— Значит, могли умереть…

— Мог, наверное…

— Все-таки страшно.

— Уж как-нибудь, — заметил Егоша.

— Не могу сказать, что мне есть что терять, — продолжал все тот же тихий, упорный голос. — Но я на большее рассчитывал в этой жизни. А вы?

— Не знаю, на что я рассчитывал. Не помню… Как-то не думал, — сказал Егоша.

— А я рассчитывал…

Сосед замолчал. Молчал и Егоша, и скоро до него донеслось чуть слышное, равномерное посвистывание — сосед спал. А Егоша не мог заснуть и все думал над словами соседа — на что же в этой жизни рассчитывал он сам. Сбылось или не сбылось.

— Глупостями не занимайся, — послышался голос Миши-ангела. — Не тебе это знать и не ему.

Миша-ангел устроился в ногах, и Егоша даже почувствовал его тяжесть.

— Прежде всего, договорились… — сказал Миша-ангел. — Чуть что — к врачу. Раз в год профилактика. Понял? Это обязательно. Повтори.

— Профилактика, — сказал Егоша.

— Флешки тебе хватит до скончания века.

— До скончания века, — сказал Егоша и вдруг спохватился: — Как это, до скончания века?

— Надолго, надолго… — сказал Миша-ангел с успокаивающей интонацией. — Не знаю, когда появлюсь… Я… В общем, ну… буду далеко…

— Так, может, ты появишься, когда я состарюсь? — сказал Егоша.

— Ну и состаришься. Что в этом плохого?

— Состарюсь! И так ничего и не узнаю! — воскликнул Егоша с тоской.

— Что ты хочешь узнать?

— Сам знаешь! — сказал Егоша с обидой. — Ты же мой ангел! Сам знаешь! Что — внутри!

— Я, что ли, все знаю? — сказал Миша-ангел. — И это мне как-то по барабану. Не парюсь, короче. — Он помолчал немного. — Думаешь, я легкомысленный?

Егоша вдруг вспомнил Ив-Ива, как тот бегал по полю и кричал: «Свобода! Свобода!» — и спросил без всякого, впрочем, особого подтекста:

— Как там Ив-Ив?

— Нормально, — сказал Миша-ангел. — Он всегда выходил сухим из воды. Это тебе не я.

Помолчали. Миша-ангел, конечно, понимал, что Егоша все еще на него обижен, поэтому сказал не без некоторого заискивания:

— Может, хочешь навестить?

— Хочу, — сказал Егоша, не задумываясь.

— Подстрахуемся, — сказал Миша-ангел. — Все-таки я под надзором.

Они поднимались по ржавой, холодной и скользкой пожарной лестнице. Откуда-то дул сильный ветер, и она даже немного раскачивалась.

Егоша уже побывал на «задворках», поэтому ржавая пожарная лестница его не удивила. Так карабкались долго.

— Еще чуть-чуть, — подбадривал Миша-ангел.

— Я-то ничего… — заметил Егоша. — А сердце?

— Не смеши! — сказал Миша-ангел и засмеялся, а потом сказал: — Ну, давай клешню! — и потянул Егошу за руку.

И так потянул, словно Егошу стал засасывать какой-то гигантский пылесос, и начало даже немного плющить.

— Потерпи! — шепнул Миша-ангел. — Я ж по возможностям. Я ж под надзором…

Довольно неуклюже и не без труда Егоша протиснулся через бесконечно толстую стену и оказался в огромном пространстве на краю плавающей платформы. Ноги соскальзывали, и если бы Миша-ангел по-прежнему крепко не держал его за руку, Егоша полетел бы с этой платформы неизвестно куда. Немного ниже он увидел Ив-Ива, который сидел в прозрачной кабине и управлял огромным, как все здесь, ковшом — внизу различимы были горы безжизненных механизмов, искореженного металла и самых разных обломков.

— Кого я вижу! — заорал Ив-Ив и даже вскинул руки, как будто Егоша собирался прыгнуть ему навстречу.

Да так и произошло. Кабина приблизилась, и Миша-ангел ловко ссадил туда Егошу через открывшийся верх.

— Пока, — сказал Миша-ангел и исчез.

— Как ты? — спросил Ив-Ив, потеснившись на сидении.

— Наверно, хорошо, — сказал Егоша.

— Не перерабатываешься?

— Да нет.

— И у меня, как видишь, все неплохо.

Ковшом Ив-Ив вгрызался во все эти нагромождения и перемещал в яму, — Егоша даже чуть приподнялся, чтобы разглядеть дно, но дна не увидел.

— Конечно, есть однообразие, но это не худший вариант. Спросить что-то хотел?

— Да, — сказал Егоша.

— Ну так спрашивай!

— Что внутри? — прошептал Егоша.

— Чего?

— Всего…

— Ну, ты даешь, — сказал Ив-Ив. И даже присвистнул.

— Тебе неинтересно?

— Нет! — сказал Ив-Ив скорее резко.

— Я думал, тебе интересно…

— Нет! — повторил Ив-Ив.

— Тогда почему мне? Я… что… дурак?

— Не исключено! Слушай, дорогой… Знаешь, почему я на этой свалке теперь завис?

— Разве это свалка?

— А что же еще? Но мне здесь нравится. Это другое дело. Вполне! Вполне! Хотя там тоже было кайфово. Короче, я к чему… Пристал я как-то к бережку… в неположенном месте…

— Там такие есть?

— Еще сколько! Мое-то дело — перевозка, дальше ни-ни… А я себе вылез, лодку на берег и иду… Характер вредный! Не положено, а я иду!

— Ну… и что там? — весь напрягся Егоша.

— Это уж совсем не положено. Только я здесь теперь. Там даже рыбку ловил, а здесь, конечно, пыльновато…

— Ты противоречишь сам себе, — сказал Егоша. — То говоришь, что неинтересно, а то пристал в неположенном месте…

— Ну, противоречу… — проворчал Ив-Ив. — Что с того? Меня не смутишь! Мишку, ангела своего, ты смутил — человеком захотел стать. Я не захотел, а он слабину дал. Нет, меня не смутишь, — и Ив-Ив даже погрозил Егоше довольно толстым пальцем.

Пропасть была необъятна. Ошеломленный Егоша стоял на ее краю, а на него с грохотом и в клубах пыли надвигалась гора металлических обломков, подталкиваемая гигантским ковшом гигантского экскаватора.

— Не зевай! — сказал Миша-ангел, потянув его за руку. — Я сам тут не очень…

Потом они долго пробирались сквозь загромождения старых машин, компьютеров, скелетов животных, дискет, битого кирпича, обломков стен и утвари и каких-то других, совершенно непонятных Егоше предметов. Миша-ангел не очень-то спешил и все что-то искал.

— А! — воскликнул Миша-ангел. — Вспомнил! Это где-то здесь!

Миша-ангел отбежал в сторону и стал там копаться, подняв такую пыль, что уже совсем не был Егоше виден. Наконец он вернулся.

— Вот! — сказал он, торжествуя, и протянул Егоше маленькую пробирку.

На дне пробирки чуть колыхалась светлая, подвижная масса…

— Вот! — повторил Миша-ангел. — Это мы проходили в школе, еще в начальных классах.

— Что это? — спросил Егоша.

— То, с чего все у вас началось!

Егоша тупо смотрел на пробирку.

— А откуда это взялось? — спросил он наконец.

— Ты меня достал! — закричал Миша-ангел. — Нет, ты меня все-таки достал!

В положенное время Егоша выписался из больницы. В больничном коридоре он встретил бывшего своего соседа, которого тогда еще перевели в другую палату, он тоже выписывался в этот день.

— Ну как? — спросил Егоша. — Так как же насчет ожиданий? — имея в виду произошедший между ними разговор.

— А! — махнул рукой бывший сосед. — Пока еще поживем! — и чтобы скрыть радостно блеснувший взгляд, уставился на потертые больничные тапочки.

Жена предложила взять такси, но потом решили пройти пешком. День был ясный, сухой, холодный, а пальто на Егоше было теплым, жена принесла даже меховые перчатки. Очень хорошо было. И так четко, так внятно вокруг — не то чтобы нарисовано, а вот как-то особенно проявлено. Так хорошо было Егоше, что на его глаза даже навернулись слезы. Жена это заметила.

— Ты ослабел, — сказала жена.

… А через несколько месяцев вышла замуж дочь…

Зять Егоше не очень-то нравился. Он был суетливый, говорил скороговоркой, захлебываясь и даже как-то булькая. «Может, я его просто не понимаю, — думал Егоша. — Ведь это другое поколение». И старался быть к нему снисходительней…

Свадьбу праздновали в кафе. Было много света, музыки, цветов и молодых лиц. Дочка сияла, она была в белом платье и в туфлях на таких высоких каблуках, что Егоша все боялся, как бы не упала. Но она не упала, ловко вальсировала по глянцевому паркету, и все обошлось, все прошло отлично. И не было жаль потраченных денег, а ведь на эту свадьбу Егоша с женой отдали большую часть своих сбережений. Не появились только родители жениха — они жили в другом городе. Но тогда Егоша не придал этому значения.

Поселились молодые в квартире бабушки, Егошиной тещи, а так как та была еще жива, и жива вполне, то перебралась к дочери с Егошей и стала жить в комнате внучки. Нельзя сказать, что Егоше это так уж нравилось, но делать-то было нечего.

Когда дочь собирала свои вещи, она захотела взять кое-что из дома — в том числе синюю хрустальную вазу, любимую вазу матери. Жена с легкостью отдавала все, что дочь ни попросит, все эти любимые ею самой вещи и вещицы, скопленные за жизнь, все эти чашечки-тарелочки, рюмочки-бокальчики, чайнички, серебряные ложечки, фарфоровые статуэтки, вышитые скатерти… но когда дошло до синей вазы, вдруг заупрямилась… И Егоша вспомнил, что не раз видел, как она смотрела сквозь синее резное стекло на свет, лампочку или на солнце и при этом очень мягко так, задумчиво улыбалась…

— На твою свадьбу мы отдали свои сбережения, — сказала жена дочери. — Мы отдали тебе квартиру твоей бабушки. Ты забрала из дома все, что хотела, но эту вещь я оставлю себе.

Тут дочь разрыдалась и сказала, а вернее — выкрикнула сквозь слезы, что мать ее никогда не любила, и если бы на ее месте был Гаврилка (это имя было произнесено впервые за многие годы), ему она отдала бы все. Жена вспыхнула, потеряла самообладание и стала выкладывать дочери свои собственные обиды, а дочь ей — свои. Егоша разволновался, спрятался в ванной и вовсю пустил воду, но все равно слышал их крики.

Потом дочь ушла, ничего не взяв из дома, — в коридоре еще много лет стояли две огромные набитые барахлом дорожные сумки. А жена пошла в спальню, легла на кровать в чем была, даже в домашних тапочках, и лежала так — не пила, не ела — три дня…

Через полгода молодой муж бросил дочь Егоши и уехал. Должно быть, в свой город. И тогда Егоша вспомнил, что все-таки не случайно родителей жениха не было на свадьбе.

Дочь во всем обвиняла родителей, вспоминая даже ту самую пресловутую синюю вазу… Жена к ней не ездила, потому что ничем хорошим эти встречи не заканчивались. Егоша же навещал и привозил деньги. Дочь встречала его нечесаная, неумытая, провожала на запущенную кухню и поила кофе, сама садилась напротив, курила, смотрела мрачно, исподлобья. Егоша же мучился, страдал, не знал, с чего начать разговор, да и вообще, о чем говорить…

Но институт она как-то закончила и на работу устроилась. Работу не любила. Через два года родила ребенка — бледненькую, хрупкую девочку. Про отца ребенка никто не знал, но тут уж жена после своей службы и по выходным стала к дочери ездить и ей помогать. Она делала все что надо — стирала, гладила, убирала квартиру, готовила еду и гуляла с ребенком, но

они с дочерью никогда не разговаривали, потому что это по-прежнему плохо заканчивалось. По вечерам она отпускала дочь погулять, хотела, чтобы та нашла себе нового мужа. От перегрузки жена совсем отощала и побледнела, но желание ее исполнилось — прогуляв три сезона, зиму, весну и лето, дочь в конце концов мужа себе нашла.

На этот раз он был неторопливый, даже медлительный, выражался четко, ясно, определенно и прямо так поставил вопрос: чья квартира и чья дача, и дадут ли деньги на машину.

— Дадим! — сказали Егоша и его жена в один голос, не сговариваясь.

Новый зять Егоше опять не понравился, но не Егоше было с ним жить. А дочка ужилась с ним вполне неплохо, хоть постепенно он и прибрал к своим рукам все что мог.

…Но когда пришла пора дочке умирать… через много-много лет, конечно… Как все умирают. Бессмертных нет, что тут бояться? И, лежа в больничной палате, она вспоминала свою жизнь, свое хорошее и свое плохое, вспоминала своего отца и, конечно, свою мать, она стала вдруг повторять с глубокой обидой: «Мама, почему ты не отдала мне свою синюю вазу?!» Это было так странно, что врач, подошедший к ее кровати, подумал, что она бредит.

— Мама, почему ты не отдала мне свою синюю вазу?!

Но это случилось уже потом, в другие времена и сроки.

Перспектива жить с тещей в одной квартире смущала и пугала Егошу. Он думал, что теперь она будет вмешиваться во все их дела, придираться к мелочам и много говорить. Но все оказалось совсем иначе… Лишившись дома, в котором прожила почти всю жизнь, вернее, отдав его внучке, она сначала растерялась, на какой-то момент даже оглохла, даже ослепла, пережила несколько сердечных приступов, но потом как-то собралась и начала жизнь заново.

Это была большая, грузная женщина с бородавкой на носу, которую она не трогала из разного рода суеверных соображений. Типа, «не буди лихо, пока оно тихо». Волосы она красила по старинке, хной, так что они всегда получались у нее какие-то разноцветные, рыжие, ржавые и седые одновременно — и закалывала в неряшливый пучок.

Прежде всего она бесстрашно удалила бородавку, и ничего плохого после этого не произошло. Потом она постриглась в хорошей парикмахерской и выкрасила волосы в один и пристойный цвет. Наконец, она влезла в джинсы самого большого размера и купила себе кроссовки. Это последнее оказалось самым революционным, потому что именно после них — джинсов и кроссовок — она стала путешествовать. Несколько раз в год, в разные страны, доставая самые дешевые горящие путевки.

Егошина теща уже не передвигала ноги — волоком, как будто в вечных, спадающих домашних шлепанцах, а ходила, если хорошо присмотреться, чуть ли не вприпрыжку.

В домашних делах она отказалась участвовать наотрез. И когда жена, совершенно замученная каждодневными поездками к дочке и внучке, как-то попросила ее сварить суп, заявила: выкручивайтесь сами, а я свое отработала. И суп не сварила.

Время от времени у тещи в комнате собиралась стайка ее престарелых подруг. Они пили вино, ели пирожные, купленные в ближайшей булочной, слушали музыку своей молодости, и судя по доносящимся звукам, а порой и топоту, даже танцевали. Очень громко смеялись и разъезжались хорошо за полночь на такси. Иногда присоединялись мужчины, тоже, конечно, их свер-

стники. Впрочем, был как-то один молодой, практически юный, лет двенадцати, чей-то внук, вот тогда шуму было вовсе немыслимо.

Егоша ходил мимо по коридору на цыпочках, чтобы не мешать. Жена же возвращалась от дочки поздно и тут же засыпала мертвым сном.

О количестве гостей Егоша обычно судил по обуви в прихожей. Она была разных размеров и разной степени обветшалости. Комната у тещи была небольшая, но как-то перед Новым годом Егоша насчитал одиннадцать пар. Однако шло время — месяц за месяцем и год за годом, — и количество этой обуви стало постепенно уменьшаться, и Егоша с грустью подумал, что владельцы исчезнувшей обуви, скорее всего, умерли.

Но чем меньше становилось обуви в прихожей, тем громче раздавались смех, музыка и топот.

Как-то во время очередных тещиных посиделок Егоша обнаружил только две пары обуви — две пары стареньких оббитых ботинок — женские и мужские. Женщину, тещину подругу, седую и маленькую, в прогрызенном молью беретике, Егоша знал. И старичка знал — тоже невысокий такой старичок, невысокий, но крепенький. И мужские ботиночки принадлежали ему. Егоша посмотрел на эти ботиночки и так расстроился, что чуть не заплакал. Но то, что случилось потом, было для него полной неожиданностью.

Теща купила рюкзак — старомодный, поношенный, цвета пыльной, блеклой зелени, с широкими лямками и огромными карманами.

Прежде она никогда не спрашивала у дочери, что можно взять, — просто брала что хотела, и все. А тут стала спрашивать.

— Можно ли взять две банки сгущенки и вермишель быстрого приготовления?

— Конечно! — отвечала жена. — Бери что хочешь.

Наконец теща попросила у дочери ее старую куртку.

— Тебе это зачем?

— Она теплая. С капюшоном. У нее хороший замок, — ответила теща.

Ушла теща, они и не заметили как — не прощаясь и без объяснений, — может, к вечеру, а может, и ночью… И пропала. Ни писем, ни открыток, ни телефонных звонков. Лет через пять знакомые знакомых передавали, что видели ее где-то в районе Тибета. Двух пожилых женщин и невысокого, бодрого старичка…

Жена Егоши давно уже стала плохо переносить позднюю осень и зиму, а после того, как дочь второй раз вышла замуж и мать, Егошина теща, ушла из дома в неизвестном направлении, раскисла совсем и еле ходила на работу. Внучка к тому времени уже не была хрупкой тростинкой, а стала таким крепеньким пузатеньким шкафчиком. Так что дочка не так в ней нуждалась, как прежде, и совсем не интересовалась ее здоровьем. Егошу же это очень волновало.

Как-то Егоша увидел из окна, как жена возвращается с работы усталая, медленно, нетвердо переставляя ноги, и ее бледное лицо почти сливается с серой шляпкой. «Надо же что-то делать!» — подумал Егоша и чуть ли не силой отвез в поликлинику. Ее тут же положили в больницу.

Палатный врач, вроде бы интеллигентный человек, был чем-то раздражен и поэтому сказал Егоше довольно зло:

— Ну что ж, люди вы еще не старые, но землю уже довольно потоптали… Что ж…

— Что ж? — переспросил Егоша.

— Смотри выше, — сказал врач. — Мне за дополнительную информацию денег не платят, — и пошел себе, на ходу что-то дожевывая.

Но Егоша не обиделся и даже не рассердился. «Все мы в одной лодке, — подумал Егоша. — Его тоже можно понять. Это моя жена, а не его».

На другой день он принес врачу две палки самой дорогой колбасы и деньги в конверте.

— Знаешь, — сказал ему врач. — Все, что я могу, я делаю. А больше, чем могу, я не могу. — Но деньги и колбасу взял.

Егоша с трудом понял смысл этой сложной формулировки.

Он навещал жену каждый день, а бывало, и по два раза, дочь не приходила вообще, теща была, понятно, неизвестно где, а у сослуживцев жены и каких-то ее подруг была пропасть своих проблем и болезней. И были дни, когда Егоше казалось, что они остались совсем одни на этом свете. С каждым днем жене становилось все хуже и хуже, ей назначали то одни лекарства, то другие, то предполагали делать операцию, то уже не предполагали делать операцию, и наконец пришел день, когда жена смотрела на Егошу и его не видела…

— Что ж… что ж… — сказал врач, пожимая плечами. — Идите-ка отдохните. — И сам пошел отдыхать.

А Егоша остался. На диванчике. В конце длинного больничного коридора, куда выходили двери палат. Егоша был в белом халате, а в этот вечер дежурила новая медсестра, которая приняла его не то за медбрата, не то за кого-то еще, так что она Егошу не выгнала. И Егоша все сидел и сидел. Порой задремывал, а потом опять встряхивался, открывал глаза и видел все тот же мглистый ночной больничный коридор…

Где-то после двенадцати Егоша вдруг дернулся всем телом и широко открыл глаза — по коридору, от самого дальнего его конца, шел очень высокий, поблескивая золотыми кудрями, светясь нежным лицом и такой, такой знакомый… Вот он вошел в палату, в которой лежала жена Егоши, — сколько он там пробыл, Егоша не понял, у него просто перехватило дыхание, возможно, это и было время одного вдоха, — потом вышел и стал быстро удаляться, почти лететь, и чем дальше удалялся, тем ярче светилось его тело, в конце концов превратившись в светящуюся точку…

— Что вы здесь делаете? — вдруг накинулась на него медсестра. — Уходите! Здесь не положено!

— Ухожу, — сказал Егоша покорно.

На другой день вся больница говорила о том, что тяжело, можно даже сказать, смертельно больная женщина проснулась утром здоровой, попросила поесть, а потом — домой.

Егоша почему-то чувствовал, что вот-вот и Миша-ангел объявится. И он объявился в самый вроде бы неподходящий момент.

Жена Егоши уже выписалась из больницы, но на работу еще не выходила и в магазин тоже не выбиралась, так что делал это Егоша. И вот как-то он отправился в магазин, взял все что надо, выстоял небольшую очередь в кассу, расплатился и уже пересчитывал сдачу, как рядом появился Миша-ангел. Довольно возбужденный. Впрочем, в таких случаях он всегда был немного возбужден — наверное, все эти «переходы» были непростым делом.

От неожиданности Егоша спутался и начал считать сначала, спутался снова, уронил какие-то копейки, стал собирать… В очереди от нетерпения зашикали.

— Все нормально, не суетись, — сказал Миша-ангел и даже помог эти копейки собрать.

Пошли к выходу, Егоша тащил тяжелый пакет с продуктами.

— Я еле-еле отделался, — начал Миша-ангел ворчливо. — Так на тебе — Гаврила!

— Ты хотел, чтобы моя жена умерла? — спросил Егоша с угрозой.

— Нет, конечно… Да нет… — заговорил Миша-ангел довольно фальшиво. — Что это ты… Нет, конечно… Я им горжусь… Просто ты пойми… Где ты и где мы?

— Понял, — сказал Егоша. — Я рад, что моя жена не умерла.

— Я тоже.

На улице был ветер. Волосы на голове Егоши растрепались.

— Ты совсем седой, — сказал Миша-ангел.

— Наверно, — сказал Егоша.

Какое-то время шли молча. Тяжелая сумка оттягивала Егоше руку. Миша-ангел что-то насвистывал.

— Мы — ребята неплохие, — заметил Миша-ангел. — Ты же знаешь… Просто любить, как вы, не умеем. Как это?

— Сам не знаю, — сказал Егоша.

— С твоей внучкой все хорошо будет.

— Я надеюсь, — сказал Егоша.

— Да и с тобой все нормально.

— Посмотрим, — сказал Егоша. — Поживем — увидим.

— До срока, — сказал Миша-ангел. — Я имею в виду — до срока…

— Я понял, — сказал Егоша.

Миша-ангел остановился.

— Ладно, — сказал он вдруг. — Достал ты меня! Так достал! Ты ж мне все-таки не чужой! Смотаемся по-быстрому…

Машка в громадном мужском свитере и спадающих мужских шлепанцах жарила оладьи. Пахло горелым маслом.

— О! — сказала она, завидев Егошу, и, оторвавшись от своего занятия, поцеловала его в голову, как ребенка. — О!

Миша-ангел схватил оладью прямо со сковородки и запихнул в рот.

— Гаврила не появлялся?

— Так он тебе и появится.

— Совсем поседел, — сказала Машка, с сочувствием поглядывая на Егошу.

— Я ему говорил, — сказал Миша-ангел, хватая со сковородки другую оладью и запихивая в рот. — Я ему даже нашу пробирку показывал. Его время и наше не совпадают. Не понял.

— А что тут понимать? — сказала Машка. — Мошки такие, маленькие-маленькие бабочки. Машут крылышками, гонят ветер. Вот тебе и все время. У вас машут, а у нас — нет, — и Машка захохотала.

— Понял? — спросил Миша-ангел.

— Нет, — сказал Егоша.

— Ну, мы двинулись, — сказал Миша-ангел.

— Ой, схлопочешь, — сказала Машка. — Ведь опять схлопочешь!

Комната, в которой они оказались, точь-в-точь напоминала приемную самого Егошиного начальника, у которого Егоша бывал, но очень редко. Только секретарша была другая, не секретарша, а секретарь. Егоша его

узнал — тот самый, с бородой, в свитере и джинсах, который был вместе с «высокими» и даже Егошу защищал.

В приемной было полно народу, плотная жужжащая толпа, все озабоченные, в темных костюмах клерков. Миша-ангел с трудом протиснулся к столу и о чем-то заговорил с секретарем, тот замахал руками и даже разозлился. Но Миша-ангел не отступал, судя по всему, здесь он был тоже не из последних. Наконец он вернулся к Егоше и силой потянул его за собой к дверям в кабинет.

Дверей было несколько. Открывались они туго, с усилием. Наконец и последняя дверь была открыта. Они оказались в пустом пространстве, пустом и в то же время плотном, как будто были в воде или в другом каком-нибудь насыщенном веществе.

— Трогай! — скомандовал Миша-ангел.

И Егоша тронулся… Просто пошел прямо, вперед. Идти было трудно, он еле переставлял ноги, иногда проваливался, как в яму, там среда была разрежена, и идти было легче.

— Вот это и есть то, что есть! — сказал Миша-ангел с вызовом. Все остальное — иллюзия!

— И ты?

— И я.

— И Машка?

— И Машка.

— И оладьи?

— Тем более. Но мы же любим свои иллюзии...

И тут вдруг во всем окружающем Егошу «ничто» Егоша почувствовал чье-то присутствие, напоминающее дыхание какого-то огромного существа.

— Иди! — сказал Миша-ангел.

Ноги не слушались Егошу.

— Иди…

Егоша закрыл глаза, крепко-крепко зажмурился… И увидел проступающий рассвет, как будто невидимое ему солнце приготовлялось встать над невидимым горизонтом. И услышал какой-то шум, скрежет, лязганье, звон, и даже ощутил во рту привкус пыли, как будто где-то там…там… там… шла гигантская стройка, поглощающая пустоту. И Егоша понимал, что знать ничего он не может и не должен, и не только не должен, но ему это как бы запрещено. Но он может чувствовать, чувству не запретишь, и он чувствовал…

Уже подходя к дому, Егоша увидел в окне жену. Она ждала, когда он вернется из магазина. И Егоша, номер три миллиарда первый, вот что подумал… Он подумал, что если у него остался хотя бы час жизни, вполне возможно вместить в него все существующее время.

Людмила РУБЛЕВСКАЯ

И последнего сна Атлантиды никто не откроет

* * *

Как сны фараонов —
        никак не проходит зима.
И волки все ближе
        к усадьбе подходят ночами.
Тоска и сугробы…
        И лучшая в мире тюрьма —
Из собственной скорби, где ангел —
        как страж за плечами.
Пьешь волю со сбитнем,
        старинный сервиз на столе.
С Горацием споришь,
        понять не стремишься Вольтера.
А где-то над плацем
        качается небо в петле
И снег обнимает
        упавшего коссионера.
Словами Статутов
        написан диариуш твой,
Старинные строки в стихах,
        что никто не услышит.
Сквозь темень ночную
        тоскливый доносится вой,
А утром кровавые тропки
        посланье на белом напишут.

Хомо болотикус

Он так привык в болоте жить — и жил,
Трясиною дышал, питался ряской.
Меж небом и землей тот мир лежит,
Что средь людей зовется страшной сказкой.
Он чешуи на коже не имел,
Не стал в грязи подобием тритона,
Лишь снов ночами видеть не умел,

Кроме болотных, блеклых и бездонных.
Свои тут были радость и краса:
Кувшинки, словно солнышки, сверкали,
Блестела чистым жемчугом роса…
И думал он, что нет милее края!
Днем мертвым отцветала омела.
Он день за днем один вопрос решает:
Там, за спиной, зачем-то два крыла…
Они ему в трясине жить мешают!

* * *

Одиночество — что это такое?
Р. ТАГОР

Страшней одиночества нет, чем в толпе находиться.
Тебя обтекают, как будто боясь заразиться.
Вопросы швыряют, но ждать не желают ответа.
Ты — как прокаженный…
Увы, это участь поэта.

* * *

Не наступай на конский череп, княже.
Низвергнутые в прах отравой живы.
В курганах молча спят герои наши,
Но громогласны те, чьи речи лживы.
Одним — стило, другим же — рынок пестрый,
А третьим снится царская корона.
Лови монеты, завтра будет поздно,
Ведь слава — от змеи не оборона.
Но ведь и к Стратим-лебедю порою
Бессильных пташек стаи прилетают.
Ну почему владыкам и героям
Величия былого не хватает?
Вновь наступает князь на конский череп,
На рукописи книг, на сон могилы.
Змея скользит во мраке лентой серой,
Равняя и бессилие, и силу.

* * *

моя смерть имеет привкус старой меди
одно случайное прикосновение к устам
и рот полон горечи
моя смерть имеет запах тополиного снега
неслышного для всех

кроме того, кто от него плачет
моя смерть — топочет, как маленькая девочка
что бежит за мячиком
и все равно догонит
потому что играет в огороженном забором дворике
моя смерть живет во мне
как белая улитка в старом камне
крепок камень — говорят все
но случайный удар — и он расколется
и улитка выпьет слепыми глазами солнце

Атлантида

Вдаль уплыли суда, на которых спасаться хотели.
Даже узкие лодочки в волны пустились, как рыбы.
Нам бы к небу взывать, только души давно опустели,
Мы столпились вдоль берега, молча, без крыльев, без нимбов.
Без надежды, без веры — нам ждать лишь девятого вала.
Там, средь моря, на палубах празднуют мнимую волю.
Нас на смерть осудили, их участь сия миновала,
Все равно обойдемся без стонов, проклятий и боли.
Что же делать? На палубах места всегда не хватало.
Кто-то должен остаться, пусть даже он не был героем.
Наши храмы умолкли в преддверии грозного вала,
И последнего сна Атлантиды никто не откроет.

Перевод с белорусского Геннадия АВЛАСЕНКО.

Елена ПОДКАТИК

Мама Мария

Рассказ

2012 год

Большие белые банты делали девочку похожей на облако. Коротенькое платьице, белоснежные носочки, в руках — гладиолусы. С фотографии на меня смотрела Маша-первоклассница.

Впервые за многие годы я решилась открыть фотоальбом с нашими фотографиями.

И ничего не произошло.

Ничего.

Не обрушилось. Не сокрушилось. Не дрогнуло.

Только тягуче где-то за окном зазвенела тонкая струнка с привычной мелодией — «Ma ma ma Mamma Maria ma, ma ma ma Mamma Maria ma»[1]…

Ее так любила петь Маша. А я так любила слушать.

1990 год. Август, 30-е

— Мария Нестеровна, вы должны оценить все плюсы и минусы вашего, скажу прямо, непростого, даже опасного, положения. Начало беременности уже отмечено нестандартными ситуациями. Вам 40 лет, первая беременность, отрицательный резус крови, артериальная гипертензия. Далее следует еще более солидный букет противопоказаний. Заметьте, генетических противопоказаний. Синдром Патау — это очень серьезно. Подумайте, стоит ли вам сохранять эту беременность. Я врач и обычно рекомендую рожать, но в вашем случае это просто опасно, — участковый гинеколог с говорящей фамилией Нежданова протянула мне обменную карту. — Жду вас на приеме через две недели. За это время еще раз пройдите обследование у генетиков, если вам моего слова и опыта недостаточно. Всю необходимую информацию получите в регистратуре.

— Спасибо, Евгения Максимовна. Я подумаю. Обещаю, что подумаю.

Холодная ручка двери вернула к действительности. Плакать не хотелось. Наоборот, теперь я была уверена в своих силах и знала, что нужно делать.

Во-первых, генетическое консультирование не помешает. Во-вторых, нужно сменить местожительство, уехать подальше из этого города. В другом месте тоже можно найти хороших врачей. И главное — там меня никто не знает и никто не найдет.

Он не сможет найти. Если, конечно, он хочет меня найти…

Все будет замечательно.

---

[1] Композиция Mamma Maria. (C.Minellono / D.Farina) в исполнении Ricchi e Poveri (1982).

Я шла по коридору женской консультации и улыбалась — медсестрам, врачам, таким же, как и я — разновозрастным будущим мамочкам, их мужьям и детям.

«Когда все решено — все решаемо», — так говорит мамина подруга Анна Федоровна, или «мамочка Анечка», как зову ее я.

Вчера мы собрались на очередные «пятничные посиделки», весь вечер вспоминали, листали старые альбомы с фотокарточками. Я так и не решилась сказать ей правду. Конечно, она имеет право знать. С ней всегда очень легко. Есть такие люди — светлые и теплые. У них внутри как будто бы лампочка включена. Так и светятся. Освещают и греют.

Когда мама умерла, я знала, что не буду одинока. Анна Федоровна с любовью и нежностью помогала мне входить в этот огромный мир, преодолевая каменистые пороги юношеского максимализма.

— Когда все решено, все решаемо. Главное, Машенька, обдумай ситуацию и тогда уже решай, что делать. И все получится.

Почти двадцать лет мы живем в одном доме. Сразу после похорон мамы она продала свой старенький дом и купила крохотную квартиру в соседнем подъезде.

— Так мне будет спокойнее.

А спокойнее, на самом деле, было мне. Жизнь с ее тревогами проходила, заботливо освещаемая «мамочкой Анечкой».

С детства я любила шить, поэтому после окончания школы с выбором профессии вопроса не было. Столичное училище по специальности «закройщик» окончила с отличием. Через два квартала от нашего дома находилась известная на всю страну швейная фабрика. Так что и с работой трудностей не возникло.

Жизнь моя текла спокойной рекой, иногда над этой рекой поднимался туман, иногда шли дожди, совсем редко шумели ветра и гремели грозы.

Я плыла по течению в уютной лодке, управляемой опытным штурманом — Анной Федоровной.

И вроде сначала все было прекрасно. Каждый новый день радовал рассветом, баловал солнечным днем, убаюкивал сумерками.

Вскоре подружки стали выходить замуж, рожать детей. Для них я была незаменимой свидетельницей на свадьбах, а потом и крестной мамой их детей.

Через год-два все те же подружки приходили в мою уютную квартирку плакаться на житье-бытье. Я слушала исповеди о том, как им было хорошо до свадьбы и как сейчас плохо, и как хорошо мне, что живу одна в свое удовольствие. И как замечательно, что вокруг меня не ползают сопящие и слюнявые отпрыски, вечно орущие и требующие материнской ласки.

Потом подружки утирали слезы, выпивали заранее заготовленный мной ромашковый чай и убегали к своим вечно недовольным мужьям и вечно орущим детям.

Я убирала со стола грязные чашки и думала. О жизни, времени и о себе.

Время проходило мимо меня, сквозь меня. Каждый день повторял предыдущий. Деятельная и успешная на рабочем месте, дома я становилась одинокой и меланхоличной. Уютная квартира становилась душной и пыльной, навязчиво уютной и тесной.

Одинокие вечера одинокой женщины.

И вроде бы все в жизни складывалось как нельзя лучше — спустя пять лет после окончания училища я работала мастером цеха, потом — начальником отдела, а еще через пять лет — заместителем директора фабрики.

К сорока годам появилась вполне реальная возможность занять пост директора. К предстоящему повышению я относилась с определенной долей иронии. Однако на фабрике с должным пониманием отнеслись к моему будущему назначению. Более двадцати лет на нашем предприятии редко кто работал. А я, к тому же, знала всех работников, помнила их проблемы, жила их жизнью.

1989 год. Апрель, 30-е

Весенний вечер. Небо чистое и глубокое, на закате оранжево-красное, как шарф моей мамы. Она его очень любила, этот оранжевый шарф. Часто носила поверх пальто именно в апреле. Мамочка моя, ты так далеко и так близко. Мне очень хочется с тобой поговорить. Рассказать. О прошлом и будущем. О жизни, о любви и о судьбе. Мне очень хочется увидеть твою улыбку, почувствовать твою руку на макушке. Помнишь, ты в детстве часто гладила меня по голове, приговаривая: «*Ласточка моя нежная, как же я тебя люблю*».

Широкая аллея парка постепенно заполнялась гуляющими парами, детскими голосами. Я свернула на боковую тропинку, ведущую к небольшой роще. Закатное небо просвечивало сквозь тонко вырезанные юные листья берез. Косыми струнами лучи уставшего солнца ложились на придорожную траву.

«Вот так и мы, люди, сначала юные, требовательные к жизни, потом — уставшие и ждущие своего заката. Я как-то незаметно перешла во вторую категорию и с некоторым удивлением смотрела на себя со стороны. Жизнь вокруг кипит — люди влюбляются, женятся, разводятся, детей рожают, ссорятся, мирятся, проблемы решают. А я как будто бы фильм смотрю в кинотеатре, я просто зритель. Почему так? Я не хочу больше быть зрителем! Хочу жить! Дышать полной грудью!»

И вдруг совершенно отчетливо я осознала, что мои мысли зацепились за ветку молодой березки и неотрывной паутиной потянулись вслед за мной.

А следующий день стал отправной точкой странных, страшных, неожиданно жестоких и бессмысленных впечатлений.

Господь услышал меня. Я престала быть зрителем. Я начала жить.

Но если бы я только знала, *что* Судьба приготовила для меня. Если бы только знала…

1990 год. Сентябрь, 20-е

— Мамочка Анечка, мне очень жаль, но доктор запретила находиться в городе. Нам с малышом нужен свежий воздух.

— Снимем дачу, — тетя Аня решительно взяла со стола местную газету с объявлениями, — где-нибудь в окрестностях города, так, чтобы удобно было добираться. Я…

— Ты не поняла, мне нужно уехать навсегда, и подальше от города, здоровье не позволяет жить близко ко всем нашим фабрикам и заводам, — врать становилось тем тяжелее, чем более растерянным становилось лицо моей второй мамы. — Анна Федоровна, я продаю квартиру и уезжаю.

Прости, мамочка Анечка! Прости! Прости…

— А я? Как же я? Ведь у меня же нет никого, кроме тебя. Да, я стара, немощна, у меня гипертония…

Ее тонкие руки, такие родные и теплые, сейчас жили своей особенной жизнью, дрожали и суетились, боясь, что больше не пригодятся, что их забудут и навек оставят в покое. А для рук нет ничего страшнее, чем полный покой.

— В конце концов, я еще смогу подменить тебе руки.

Я вздрогнула. Пора было прекращать эту историю. Ничего не изменить. Все решено. Так будет лучше для нее. Лучше для всех нас.

— Мамочка Анечка, ты горожанка до мозга костей. Ты еженедельно посещаешь выставки, ходишь в филармонию, театры, на балет, в оперу… В деревенской жизни нет места подобным развлечениям.

— Да, я — горожанка, но не настолько, чтобы… впрочем, это уже не важно. Не знаю, что у тебя случилось на самом деле. Ты из Италии вернулась сама не своя. Видимо, и причина твоего беспокойства осталась там же. Вижу, что отговаривать бесполезно. И обузой быть не собираюсь, — тетя Аня поправила на блузке идеально приколотую брошь из сердолика, смахнула несуществующую пыль со скатерти и вышла из комнаты.

Я сегодня нанесла ей удар в спину, смертельно обидела. Но лучше быть обиженной, чем знать правду.

Эта правда занозой сидела у меня в сердце почти полгода и изрядно вытрепала нервы. Но я-то перетерплю, а вот моя любимая «мамочка Анечка» вряд ли выдержит такое испытание.

1989 год. Май, 1-е, 13.35

Демонстрация устало заканчивала свой шумный и цветастый первомайский путь в городском сквере.

— Юноши и девушки! (Любимое выражение директора фабрики, Октябрины Михайловны, относилось ко всем работникам, независимо от их стажа работы и возраста.) Сейчас у всех свободное время. Завтра попрошу не опаздывать на рабочие места! Я ваш первомайский кураж знаю, поэтому предупреждаю, а то разгуляетесь — завтра работать некому будет.

Юноши и девушки (многим из них было далеко за пятьдесят) заулыбались и согласно закивали.

— Не подведем! Все будет в лучшем виде! Не беспокойтесь, товарищ директор!

— Ну-ну, завтра посмотрим! Маша, отойдем в сторонку! — Она повернулась ко мне, вяла под руку и потянула за собой в сторону фабрики. — Там уполномоченный приехал, из министерства. Надо принять по-человечески. И чего им в столице не сидится? — директор тяжело вздохнула, поправила прическу и выдала мне план действий по принятию уполномоченного.

— Надо их устроить в гостиницу, а вечером обеспечить культурную программу, в кино сводить или в театр. Хотя какой театр — никому сейчас этот театр не нужен. Сама реши, куда лучше сходить. Завтра машину к гостинице пришлю. Отдохнувшие, они лишних вопросов задавать не станут, — Октябрина Михайловна махнула рукой в сторону административного корпуса фабрики — иди, мол, скорее — и, грузно ступая, повернулась к машине.

Зная, что возражать бессмысленно, я все же попыталась узнать цель неожиданного визита:

— Что же уполномоченный сегодня приехал, других дел в праздник нет?

— Кто его знает, может, хочет проверить, как фабрика работает в праздничные дни? — зевнув, Октябрина Михайловна открыла дверцу машины. — Да и не один он, с ним товарищ из Италии, по обмену опытом.

— Какой у нас опыт? Особенно в последнее время? Вы же не первый год директором работаете!

— Кудамова, не зли меня, поезжай к гостям и сделай так, чтобы им эта поездка запомнилась. А как работает фабрика, я и без тебя знаю. Вот всегда

ты лезешь со своими проблемами! — директор устало опустилась на заднее сиденье «Волги», сердито посмотрела на меня, хлопнула дверцей и уехала.

Наша фабрика, краса и гордость города, действительно в последнее время работала не в полную силу. Провозглашенные в стране всеобщие гласность и перестройка сыграли в обществе свою роль. Очень многое поменялось в, казалось, веками устоявшейся жизни.

Неожиданно для всех, и в первую очередь для рабочих, у нас начались перебои с поставками ткани, зарплата выплачивалась с задержкой на месяц, а то и больше. Люди справедливо возмущались, требовали своего заработанного. А что мы могли им дать? Вся страна жила в таком режиме. В общем, пока еще фабрика была жива, но вот что будет завтра — никому не было известно. Какой уж тут передовой опыт.

14.00 — La più bella delle donne, bella sconosciuta, sono accecato dalla tua bellezza! Chiama il mio nome e io lo ripeto sempre![1]

Я вздрогнула.

Голос, сильный и бархатистый, уверенный и одновременно взволнованный, вливался в сердце ярким фонтаном незнакомых интонаций.

Нужно оглянуться, обязательно оглянуться, но почему-то хотелось продлить эти секунды неведения, чтобы просто насладиться игрой звуков незнакомой речи.

— Мария Нестеровна! Здравствуйте! Я вас узнал! — уже совсем другой, скрипучий и какой-то надтреснутый голос все же заставил оглянуться и обратить внимание на живописную компанию у ворот фабрики.

Так и есть — уполномоченный из министерства.

— Помните, мы вместе с вами на заседании исполкома встречались? Роман Федорович Иванников. Вспомнили?

Вспоминать особо было нечего — месяца два назад мы действительно встречались на одном из заседаний исполкома, сидели рядом, он все время выспрашивал о делах фабрики. Чуть лысоватый, лет под шестьдесят, Роман Федорович носил очки в роговой оправе и слыл заядлым картежником.

А рядом с ним стоял мужчина моей мечты. Я поняла это сразу и безоговорочно. Белозубый, кареглазый, смуглолицый, одетый во что-то невообразимо яркое, он выделялся на фоне запыленного фабричного двора, как цветная фотография в фотоальбоме девятнадцатого века.

— La più bella delle donne, bella sconosciuta, sono accecato dalla tua bellezza![2]

— Роман Федорович, ваш спутник говорит по-русски? Вы его понимаете?

— Нет, что вы, Мария Нестеровна, мы приехали вместе с переводчиком. Вон он, в тенечке стоит. Жарко сегодня для первого майского дня. Андрей! Иди сюда, работать начинай!

К нам подошел переводчик, унылый плотный парень лет двадцати, видимо, студент столичного иняза.

— Здравствуйте! Меня зовут Андрей.

— Здравствуйте, Андрей! Вы хорошо разбираетесь в итальянском?

— Конечно! Иногда могу затрудняться в глаголах, но в общем…

---

[1] Красивейшая из женщин, прекрасная незнакомка, я ослеплен твоей красотой! Назови свое имя, и я буду повторять его вечно! (*итал.*)

[2] Красивейшая из женщин, прекрасная незнакомка, я ослеплен твоей красотой! (*итал.*)

— Хорошо. Переведите, что он говорит.

— Сейчас-сейчас. Он говорит, что вы — красивая женщина и он ценит вашу красоту, и...

Кровь прихлынула к щекам. Еще чего! Не хватало, чтобы еще и стыдливый румянец появился. Спокойно, Мария, тебе почти сорок лет, не маленькая, держи себя в руках.

— Достаточно, переведите, что меня зовут Мария Нестеровна Кудамова, я — заместитель директора фабрики. Мы рады приветствовать его в нашей стране и нашем гостеприимном городе…

— Maria! Come avrei potuto indovinato — Maria![1]

Итальянец заволновался, поднял руки к небу и восхищенно закричал:

— Maria! Maria!

Живой как ртуть, он вел себя так странно и так непредсказуемо, что я растерялась.

— Андрей, переводите дальше: «Дорогой товарищ»… кстати, как его зовут?

— Si prega di presentarsi. Qual è il tuo nome?[2] — парень с явным затруднением произносил некоторые слова. Видимо, итальянский язык довольно сложный.

— Sì, certo. Perdonami, cara Maria! Il mio nome è Prospero Sartori. Io sono di Alonte. Questa è una piccola città vicino alla città di Vicenza nel nord-est Italia[3].

— Вы приехали по делам?

— Да, я приехал в ваш город, чтобы посмотреть, как работает ваша фабрика. Мы предлагаем вашей стране выгодный контракт — заменить оборудование фабрики на более современное, запустить линию мужской одежды, тем самым дать людям возможность более высокого заработка.

Ах, вот оно что! Понятно. Он приехал, чтобы банально выкупить фабрику. Что ж, посмотрим, как это у вас получится. Вы, уважаемый синьор, еще не видели масштабов вложения капиталов. Обновлять придется процентов пятьдесят — от машин до ниток. А оставшиеся пятьдесят процентов нужно будет просто докупить. Там даже менять нечего. Оборудования просто нет. И никогда не было. Хвала и честь нашим швеям за то, что благодаря их мастерству наша фабрика еще хоть как-то держится на плаву.

— Сейчас, товарищ Просперо Сарториа, у нас запланирована обзорная экскурсия по городу с посещением краеведческого музея и театра, а завтра вы встретитесь с директором фабрики и обсудите предстоящую сделку. — Я направилась к проходной.

— С удовольствием! Только никуда не уходите! С такой женщиной, как вы, я готов идти куда угодно! Вы — богиня! Мою маму зовут Мария! И вы на нее похожи! — студент иняза, краснея то ли от незнания языка, то ли от красноречивых фраз итальянца, спотыкался на каждой фразе.

— Андрей, скажите товарищу Просперо, чтобы он вел беседу со мной только по делу. Более тесное знакомство с ним не входит в мои планы.

---

[1] Мария! Как же я сразу не догадался — Мария! (*итал.*)

[2] Представьтесь, пожалуйста. Как вас зовут? (*итал.*)

[3] Да, конечно. Простите, дорогая Мария! Меня зовут Просперо Сарториа. Я из Алонте. Это небольшой населенный пункт возле города Виченца на северо-востоке Италии. (*итал.*)

21.00… Мы остались одни. Гостиница с радостью сумасшедшей старухи впустила переводчика Андрея и министерского уполномоченного Романа Федоровича в свои по-летнему пыльные и душные номера.

Культурная программа закончилась, а товарищ Просперо никуда не хотел уходить. Он рассказывал мне про Италию, про свой город, про свою работу.

Я устала.

Молчала.

Слушала уверенный и сильный голос незнакомого мне мужчины и молчала.

Странно, за один день я выучила итальянский язык. Или я понимаю только товарища Просперо Сартория? Звуки обволакивали, будили доселе неизведанные чувства.

— Прекраснейшая Мария! Завтра мы встретимся снова. А сегодня я буду думать о тебе, вспоминать твое лицо. У тебя замечательное лицо! Я люблю твои глаза! Я люблю твои губы! Я люблю твои волосы! Я полюбил тебя с первого взгляда! Будь моей, любимая!

— До завтра, товарищ Сартория, до завтра. Вы устали с дороги, идите в гостиницу, пора.

Я буду думать о тебе, вспоминать твое лицо. У тебя замечательное лицо. Я люблю твои глаза. Я люблю твои губы. Я люблю твои волосы. Я полюбила тебя с первого взгляда. Я хочу быть твоей.

Май, 2-е, 10.00

— Итак, уважаемые господа! С вашего позволения расскажу о нашей компании по пошиву мужской одежды. Наша продукция обладает заметным модным компонентом и выделяется своей креативностью по сравнению с ассортиментом товаров, существующим сегодня на рынке. Эта философия является основой стратегии компании — производство качественно пошитой одежды с высокой долей творчества,— переводчик Андрей снова едва успевал за докладчиком.

В актовом зале собрались почти все работники фабрики. Октябрина Михайловна внимательно смотрела на меня, пытаясь догадаться, как вчера прошла культурная программа для уважаемых гостей.

Дорогой товарищ директор! Все получилось очень хорошо, даже слишком хорошо. Обзорная экскурсия, кино и… расставание у гостиницы.

…Что ж, сегодня они уедут, сон закончится. Я снова стану прежней Марией Нестеровной Кудамовой, заместителем директора ткацкой фабрики. И никогда не скажу ему тех слов, которые шептала сегодня, бессонной ночью, сидя на подоконнике своей такой уютной и душной квартиры.

— Одной из проблем, с которыми сталкивается компания, следуя такой стратегии, является нахождение опытного персонала. Поскольку качество швейной продукции должно быть высоким, необходимо, чтобы люди, работающие в компании, обладали навыками, которые на этом рынке найти сложно. В условиях вашей фабрики почти невозможно выпускать качественную продукцию, однако вы каким-то чудом умудряетесь делать это. У вас замечательные сотрудники! — Просперо Сартория взглядом отыскал меня в зале, улыбнулся и продолжил. — Сегодня мы можем говорить о достаточно хороших оборотах в экспорте продукции. Нам удалось продолжать рост благодаря постоянному проникновению на мировые рынки и изменениям, вносимым в диапазон продукции. Наша компания предлагает в будущем всем сотрудникам фабрики гарантированную зарплату…

Май, 7-е, 00-15

Quanno fa notte e ‘o sole se ne scenne, me vene quase ‘na malincunia;
sotto ‘a fenesta toia restarria quanno fa notte e ‘o sole se ne scenne.
Ma n’atu sole, cchiù bello, oje ne’
‘O sole mio sta ‘nfronte a te!
‘O sole, ‘o sole mio sta ‘nfronte a te! sta ‘nfronte a te![1]

Какой же красивый, оказывается, итальянский язык. Я вспомнила, что когда-то случайно прочла в одном научном журнале статью о том, что самыми благозвучными в мире считаются белорусский, украинский и итальянский языки.

Просперо напевал и смотрел мне прямо в душу. Он сегодня был особенно нежен. Он почти плакал, когда пел эту песню.

— Моя королева, я не могу жить без тебя! Как же быстро бегут дни! Завтра я уезжаю! Но ведь ты приедешь ко мне? Скажи — да!

— Да, Просперо, я обязательно приеду! Я приеду к тебе, и ты покажешь мне город своего детства, город, который помнит твоих предков и который увидит твоих наследников, — я и сама от себя не ожидала, что так быстро выучу итальянский. Оказывается, во мне были заложены огромные способности к изучению иностранных языков. Кто бы мог подумать.

— Я буду встречать все самолеты! Каждый день буду приезжать в аэропорт! И все это — ради тебя!

— Спасибо. Мне нужно уладить много дел, прежде чем мы встретимся. Только благодаря контракту вашей компании с нашей фабрикой мы сможем увидеться быстрее. Хватит о работе. Расскажи о своей семье. Где ты рос? Каким ты был? Кто твои родители? Почему тебя так назвали?

— Впервые вижу перед собой женщину, которая так искренне интересуется жизнью моей семьи. Тебе правда интересно? — он с нежностью провел рукой по моей щеке. — Тогда слушай. Просперо — значит «благоприятный, успешный». Так звали моего деда, отца моего отца. Такой у нас обычай — первый сын получает имя деда по отцу. А фамилия Сарториа принадлежит к роду торговцев тканями, по-русски это примерно так и переводится. Так что я — успешный торговец тканями! Мой дед и мой отец посвятили себя торговле, а я занимаюсь уже немного другим делом, но все равно — это ткани. Ткань — как женщина. Она бывает нежной и шелковистой, бывает холодной, бывает колючей. Нужно много знать, чтобы ладить с тканью. Она живая и всегда требует к себе внимания.

Он вдруг замолчал, отвернулся и тайком смахнул с глаз набежавшие слезы.

Я растерялась.

— Просперо! Почему ты плачешь?

— Я люблю тебя, моя Мария! И сделаю все, чтобы быть с тобой всегда!

— Ты говоришь об этом так грустно. Что-то случилось?

Его рука нежно коснулась моей щеки.

— Нет, моя любовь, все хорошо…

---

[1] Когда ночь приходит и солнце садится, В душе моей поселяется грусть; Но я бы остался под твоим оконцем, Когда ночь приходит, и солнце садится. Ведь есть другое солнце, Еще красивее. Мое солнце — На твоем лице! Солнце, мое солнце — На твоем лице! На твоем лице! — «’O sole mio» (неаполит. Мое солнце) — неаполитанская песня, написанная в 1898 г. Эduардо ди Капуа (музыка) и Джованни Капурро (слова).

Июнь, 30-е

«Ma ma ma Mamma Maria ma, ma ma ma Mamma Maria ma», — под мелодию известной песни в небольшом кафе города Алонте мужчина лет сорока пяти и женщина лет сорока пили вечерний кофе. Это была красивая пара, под стать друг другу. Она — яркая брюнетка с голубыми глазами, в простом белом платье; он — смуглый, чем-то смахивающий на цыгана, в простом белом костюме. Целый день они бродили по старым улочкам города, держась за руки, и целовались. Жгучее итальянское солнце, наконец, заставило их присесть на мгновение в прохладной тени уютного кафе.

Эта женщина — Мария Кудамова. Этот мужчина — Просперо Сарториа.

Мой будущий муж.

Так мы решили.

И будет так.

— Мария, завтра я познакомлю тебя с моей мамой. Мы поедем в Винченцо. Это рядом, около двадцати миль. Мама будет рада видеть тебя. Ты узнаешь много нового. Любовь моя, эти дни до нашей встречи были самыми долгими. Я ждал. Я верил. Благодарю небесные силы за то, что они дали мне узнать тебя.

Просперо, завтра ты будешь благодарить небесные силы еще и за то, что они подарили тебе ребенка. Сегодня я не буду говорить об этом. Сегодня — день встречи. Завтра — день знакомства. Я все скажу тебе завтра, — улыбнувшись, я медленно отпила глоток самого вкусного кофе в мире и с нескрываемым интересом посмотрела вокруг.

Улицы в Алонте просторные, наполненные солнцем и небом, дома очень простые, утопающие в уставшей за лето, но не потерявшей своей привлекательности зелени. Мне здесь очень хорошо. Так хорошо, как никогда и нигде. Собственно, я нигде и не была-то, кроме своего города и его окрестностей. Родственников у меня нет, а заграничные поездки и не входили в мои мечты. Так что первый опыт путешествий оказался весьма положительным. Хотя поначалу выпускать из страны незамужнюю даму наши властные структуры не собирались. Спасибо Октябрине Михайловне, помогли ее связи.

Оказалось, что, вдохнув воздух Италии, я вернулась к себе домой. Это действительно было так. Ощущение простоты быта, простоты чувств и слов окрыляло, вселяло надежду на счастливую и долгую жизнь с любимым человеком.

Какой долгий и яркий день. Ранним утром я прощалась с мамочкой Анечкой, ехала по пыльным серым улицам мимо уродливой фабричной громадины, а сейчас сижу и пью прекрасный кофе в уютном кафе на улице итальянского Алонте. Кстати, а что это?

Я присмотрелась внимательнее. На стене противоположного здания сохранилась довольно интересная фреска. Странно, фрески обычно находятся в храмах. Очень простое, почти схематичное изображение женщины в монашеском одеянии, окруженной детьми, венчала надпись:

«В этом доме родилась Мария Бертилла Боскардин — святая Римско-католической церкви, монахиня и медсестра. Прославилась работой с больными детьми и жертвами воздушных налетов во время Первой мировой войны».

— Просперо, кто эта женщина? Я правильно поняла — это монахиня?

— Да, это Мария — святая заступница больных детей. Она много сделала добрых дел. Когда-нибудь я расскажу тебе о ней.

Его рука нежно коснулась моего лица.

Как много предстоит узнать…

Июль, 1-е

— Ciao! Il mio nome è Lucia. Mi è stato detto che la città è tornato, mio marito — Prospero Sartori. Non sai dove si trova ora?[1] — темноволосая женщина ворвалась в комнату как торнадо, отчаянно жестикулируя, она пыталась объяснить мне, что ищет здесь своего мужа.

— Лючия? Муж? Просперо Сарториа?

В один день я забыла итальянский язык.

Странно, не правда ли?

«Ma ma ma Mamma Maria ma, ma ma ma Mamma Maria ma…»

2007 год. Май, 2-е

Городской автобус неуклюже лавировал в вечернем автомобильном потоке. Люди теснились, нависали друг над другом.

— Блин, ни фига не понимает. Это капец какой-то! Я ей толкую, что лучше, если она рожать будет как мать-одиночка, там и деньги другие, пособие, больничный. Надо же как-то ребенка содержать.

— И что? Проблема в чем?

— Да заладила, как старая пластинка, — давай распишемся, давай распишемся! Если не распишемся, я, мол, все маме расскажу. И останусь с мамочкой.

— Залет?

— В принципе, да. Но я, в общем, не против ребенка. Рано, конечно. Денег нет. Вчера с работы уволился, платят крохи, а хотят, чтобы мы за смену недельную норму сдали. Нашли дураков.

«Капец» и «залет» неприятно резанули слух. Слова из лексикона «продвинутой» молодежи. Я обернулась.

Два парня, вполне прилично одетые, сидели сзади меня и размышляли о превратностях судьбы. Захотелось выйти чуть раньше и пройтись пешком. Усталость пудовыми гирями цеплялась за ноги и тянула вены. Нужно обязательно пройтись. Тем более что слушать продолжавшийся «разговор» становилось довольно неприятно.

Тот, что повыше, с удивлением и неподдельным интересом смотрел на будущего отца — невысокого худощавого парня лет двадцати.

— Никита, она хоть совершеннолетняя? Ты с кем связался?

— В феврале шестнадцать было.

— Ну, ты даешь, братан. Чем думал? А если посадят? Что тогда?

— Серый, не лезь в душу. И без тебя тошно. Всю неделю хожу как пришибленный. Что делать, что делать. Придется расписываться. Ты не знаешь, как в нашем загсе браки регистрируют?

— Регистрируют обычно. С фотографом и шампанским. Только это когда совершеннолетние. А в твоем случае согласие родителей надо.

— Да там все нормик. У нее мать одна, больше вроде нет никого. Они в наш город недавно переехали. Думаю, возражать не станет.

— Значит, иди знакомиться с будущей тещей! Она тебя блинами накормит! — Серый засмеялся, довольный собой и своей шуткой.

Было видно, что его эта ситуация забавляла. Своеобразные, однако, развлечения у нынешней молодежи.

---

[1] Привет! Меня зовут Лючия! Мне нужно поговорить со своим мужем — Просперо Сарториа. Вы понимаете меня? (*итал.*)

Дверь автобуса, наконец, открылась. Я вышла. Парни выпрыгнули вслед за мной.

Слышно было, как у Никиты зазвенел мобильный.

— Ник, будущая мамочка звонит! Бери трубку! А то я все ей расскажу, куда и с кем ты едешь встречаться! — Серый снова зашелся от смеха.

— Замолкни, урод! Тебе бы такое приключение. — Парень со злостью сбросил вызов.

— А я предохраняюсь!

Светофор зажег зеленый глаз, мы втроем стали переходить дорогу. Жаль, конечно, девочку. Испортила себе жизнь. И маму ее жаль. Тянула дочку к свету, нежила, голубила. Готовила к счастливой жизни. А тут на тебе — «залет», «капец». Тяжело придется обеим.

— Нет, опять за свое! Я же сказал — к другу еду, на пиво! Ты же спать легла! А я что, с тобой должен сидеть? Ну и что, если у тебя живот болит. Таблетку выпей. Я не врач. Конечно, там много девушек будет. И я с ними буду пиво пить. Слушай, ты мне еще не жена, а уже права качаешь. Не лезь в мою жизнь! До завтра! Я сказал, до завтра!

Мы перешли дорогу. Светофор зажег красный глаз. Для незнакомой мне девушки дороги не было. Она осталась ждать на остановке «Беременность».

Пусть Господь сохранит тебя и твоего ребенка, будущая мама!

Домой я входила под впечатлением от недавно услышанного разговора.

Тишина в квартире. Машины кроссовки валялись на коврике, значит дома.

Зашуршав пакетами, я заглянула в ее комнату.

Лежит, глаза в потолок. Снова без настроения. Что же с ней происходит в последнее время? Я терялась в догадках. Скорее всего, влюбилась. Возраст такой. Но, видимо, без взаимности. Целыми днями лежит и смотрит в одну точку.

— Машка, я пришла! Встречай маму! — я решила ее развлечь. — Нам на работе билеты в цирк предложили взять. Сегодня представление! Сходи с Наташей. Вот, смотри.

Я вынула из сумки два билета. Маша без особого энтузиазма посмотрела на них и отвернулась к стене.

— Не хочу. У меня живот болит.

— Живот? — холодная тень вдруг отделилась от облака и повисла в окне. — Живот болит? Что-то съела?

— Не знаю. Только я никуда не пойду. Давай поговорим завтра. Спать хочется. Извини, мамуль. Очень голова болит.

— Так что у тебя болит — живот или голова?

— Я полежу, и все пройдет. Не волнуйся, мамочка.

Я закрыла дверь в комнату. Правильно — майский вечер, половина восьмого, а она спать укладывается.

Что-то здесь не так. Моя красавица Маша ведет себя странно.

Что ж, разберемся.

Не привыкать.

Спустя 2 дня

— Машка, ты где? Твоя мама-старушка пришла, пенсию принесла! — я старательно отряхнула зонт, поставила его в угол и прошла в комнату. Никого не было.

Странно. В это время Маша должна быть дома.

Записка на столе говорила об обратном.

«Мамочка, любимая моя! Со мной все будет в порядке. Я уехала вместе с Никитой. Это мой любимый человек. Обязательно позвоню. Не волнуйся и не ищи меня. Твоя Машута».

Сердце ухнуло, провалилось куда-то в пол.

Майская паутина, когда-то зацепившаяся одним концом за березу, тянулась за мной все эти годы и со временем превратилась в корабельный канат, который сейчас стометровым удавом стянул тело и душу.

Девочка моя!

Ну что же ты.

Куда же ты.

Где же ты?

Дождь колошматил по стеклам, требуя отворить окно. Он хотел смыть следы наших с Машей ссор и взаимных обид.

В последнее время мне было сложно разговаривать с ней. Мягкая и веселая в детстве, она превратилась в циничную, злую и жесткую, обиженную на весь белый свет.

Мои попытки поговорить начистоту не находили отклика в ее сердце. Маша страдала, я видела это, понимала, что кто-то глубоко обидел мою девочку, но помочь ей не могла. Она этого не хотела.

Возможно, виной всему был ее характер — слишком независимый и взрывной. Характер, как у отца…

В детстве это было не так заметно, а сейчас…

Я вспомнила день, когда она родилась.

1990 год. Февраль, 28-е

— Кудамова! Мария Нестеровна! Тебе передача!

Сердце снова замерло. Никто же не знает, что я здесь. Даже мамочке Анечке я не сказала. Может, не мне?

— Извините, я не жду гостей, и у меня здесь нет родственников. Заберите пакет.

— Здесь ясно написано — тебе, третья палата. Бери, милая, и не заставляй старого человека бегать по этажам. Тебе это, тебе! — пожилая санитарка торопливо закрыла за собой дверь.

— Я же Кудамова! — запоздалое эхо пронеслось по палате и исчезло в недрах коридора небольшой поселковой «больнички», как ласково называли ее врачи и пациенты.

В пакете оказался традиционный «джентельменский набор» беременных — кефир, печенье, яблоки и… виноград. В эту пору виноград в магазине не купишь, тем более, в этом поселке, куда я сбежала от своих воспоминаний.

Палата погрузилась в темноту, я — в размышления. Кто бы это мог быть? Да нет же — перепутали!

Я попыталась подняться, найти санитарку и объяснить ей, что она ошиблась, но…

Думать и вспоминать не хотелось. Яркие картинки солнечного Винченцо вспыхивали в памяти цветастыми сполохами, врезаясь в тело стальными лезвиями итальянского стилета[1]…

---

[1] Стиле́т (*итал.* stiletto от лат. stilus — «палочка для письма», «острый стержень») — колющее холодное оружие, кинжал итальянского происхождения с прямой крестовиной и тонким и узким клинком, в классическом варианте не имеющим режущей кромки (лезвия).

— Женщина, вы что же это? Рожать надо в другой палате. Лежит тут, терпит, уже и воды отошли, а она молчит.

Итальянский стилет…

— Мария! Маша! Очнитесь! Петровна, зови бригаду, роженице плохо стало!

Солнечный Винченцо…

— Ну вот, вот и хорошо, очнулась голубушка! Напугала нас. Предупреждать же надо! С такими болячками не то что рожать — жить страшно. А ты молодец, отважилась! — медсестра стянула руку жестким манжетом тонометра. — Доктор сказал кесарево тебе делать. Сама не родишь, — она наклонилась к моему лицу, поправила растрепавшиеся волосы. А за спиной медсестры стояла монахиня.

Мария Бертилла Боскардин…

Она медленно подошла к постели и коснулась живота.

— Мария! Все будет хорошо! Держись…

…

— Ну, вот и все! Девочка у тебя родилась, здоровенькая. Как назовешь?

— Мария.

— Так ты же тоже Мария, может, другое имя придумаешь?

— Мария…

2007 год. Июль. Последний день

Жарко. Душно. И невыносимо красиво.

Стареешь, мать, стареешь. Сентиментальная становишься. А вокруг действительно очень красиво. Луга особенно зеленые, небо особенно синее, воздух особенно кристальный. Так ощущается природа только вблизи водоемов.

Несколько лет назад здесь, на берегу небольшого озера, вдоль которого неровной каймой вытянулся дачный поселок, я купила себе дом. Небольшой, но довольно вместительный. Домов в поселке мало, отдыхающие в основном приезжают на выходные. Хозяева долго не решались продавать дачу, все ждали более выгодного покупателя, но сезон заканчивался, а желающих купить тишину и покой, отстраненность и одиночество не находилось.

Так я оказалась хозяйкой дома у озера. Приехав сюда жить на все лето, я не особо стремилась к знакомству с соседями. Они, видя мое нежелание к сближению, особенно и не настаивали.

Утром позвонила Машенька.

— Мамочка, привет!

— Маша, ты где? Почему твой телефон отключен? С кем ты уехала? Я извелась вся.

— Все хорошо, мы с Никитой уехали к друзьям на озера, через неделю приеду. Мам, Никита очень хороший, мы поженимся…

— Доченька, только приезжай, мы обязательно во всем разберемся.

— Мамочка, я жду ребенка, от Никиты. Ты не волнуйся, он меня очень любит и ребеночка любит. Все, целую.

— Маша!

— До встречи!

Что же ты наделала, Машенька…

«Мария, проснись! Ищи! Ищи! Надо найти!»

Я вскочила.

Почему так бьется сердце?

Ночной кошмар.

Кто же звал меня во сне?

Голос звучал настойчиво, требовательно и даже раздраженно. Встала, посмотрела на часы. Половина третьего. Самое жуткое время. На улице тихо, лишь изредка шумит береза на заднем дворе да ветки рябины царапают оконное стекло в спальне. Будет гроза. На западе небо сигналит глухими сполохами зарниц.

Захотелось открыть окно, вдохнуть эти сполохи и понять, что же все-таки происходит.

Рама неожиданно громко и протяжно захрипела. Надо бы смазать петли, да все недосуг.

Крик, протяжный и дикий, прорезал тишину.

Господи, кто это?

— Откройте! Слышите, откройте! — парень кричал на заднем дворе, отчаянно бил в дверь кулаками и кричал.

Страх улетучился, уступив место тревоге.

— Что случилось? — я распахнула дверь и, дрожа, замерла на пороге.

— Там Маша! — тот самый парень из автобуса махнул рукой в сторону сарая. — Ей вечером плохо стало, кровь пошла. Она ехать не хотела. Меня там оставлять не хотела. Что-то с ребенком. Маше очень плохо. Мы доехали до поселка, я нес ее по улице, потом она закричала и… «Скорую надо». Ее в больницу надо.

Он опустил голову и зарыдал.

— Спасите Машу!

Машенька, доченька моя!

— В доме телефон — звони!

Черная груда сарая нависала над миром, угрожающе скрипя и терзая того, кто был внутри.

Маша лежала на старом матраце, белая и тонкая, как тетрадный листок.

— Прости меня, мама! Я не могла тебе сказать раньше. Ты бы не поняла. Я люблю Никиту.

— Тише, девочка моя, тише. Не говори ничего. Сейчас приедут врачи, они помогут тебе. Держись!

— Мама, мне страшно… Я умру?

— Что ты. Нет, ты не умрешь, мы всегда будем вместе, ты только потерпи немного…

Крик — дикий и протяжный…

Итальянский стилет…

— Мама… назови девочку… Надеждой… скажи… что… я ее… любила… и буду любить… всегда.

Маша умерла еще до приезда «скорой помощи».

Девочка умерла по дороге в больницу.

…«Ma ma ma Mamma Maria ma, ma ma ma Mamma Maria ma…»

Мраморное личико младенца навсегда прижалось к материнской груди. А руки Маши застыли в вечном объятии.

Они лежали.

Шестнадцатилетняя Мама-Мария и ее Надежда.

А должны были улыбаться, смеяться, не спать по ночам, они обе должны были пахнуть молоком и счастьем!

Они должны были жить!

— Господи, горе-то какое! Как же она так. Почему не спасли? — шорох чужих голосов прошлогодними листьями кружился над головой.

Шестнадцатилетняя Мама-Мария и ее Надежда.

Закричу, упаду, очнусь.

Они рядом. Они вместе. Им сейчас хорошо. Они в раю.

Шестнадцатилетняя Мама-Мария и ее Надежда.

Их похоронили вместе. Ибо нет такой силы, чтобы разлучить Надежду с Матерью.

А я одна. Во всем белом свете одна.

2012 год. Первый день

— Я знаю — бывают такие люди — светлые и теплые. У них внутри как будто бы лампочка включена — светят и согревают. Освещают и греют. С такими людьми хочется находиться рядом, хочется греться в их свете. Вы, Мария Нестеровна, и есть такой человек! Я не знаю, что бы со мной было, если бы не вы! — Маша крепко обняла меня и заплакала.

— Ну-ну! Не надо! Все же хорошо! Не плачь! Мы вместе, а это главное. Мы же с тобой — Марии! Значит — сильные и смелые! Давай праздничный обед готовить! Кому-то завтра шестнадцать лет исполняется! А это серьезный повод для праздника! — я поцеловала теплую макушку и прижала ее голову к себе.

— Мария Нестеровна! Я долго думала, все никак не решалась вам сказать… понимаете, я когда вас увидела в детском доме, сразу поняла, что вы очень добрая и очень хорошая, в общем… можно, я вас… мамой буду называть?

— Так я и есть твоя мама, приемная. Так моя профессия называется.

— Я хочу, чтобы вы были моей… настоящей мамой. И мы всегда будем вместе. Я полюбила вас… тебя, мамочка, всей душой! — Маша стояла так близко и так далеко. Всего один шаг и… целая вечность.

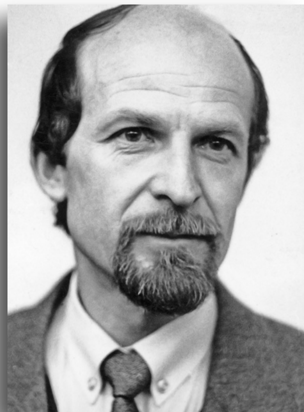
Ледяная корка, давившая на сердце уже много лет, раскололась. Разбилась на миллионы острых осколков. Осколки таяли, исчезая в солнечном свете.

— Машенька!

— Я люблю тебя, мама!

— Доченька моя. Доченька…

«Мама-ма, мама-Мария, маа-мама-ма, мама-Мария...»



Федор ГУРИНОВИЧ

Денек весенний

Майский сад

Если в заботах житейских тону,
Если мое настроенье гнетущее,
То осторожно подходит к окну
Вешний мой сад — мое чудо цветущее!

Как же он чувствует грусть и болезнь! —
Тянется в форточку ветками тонкими.
Весь он в жужжании, в звоне он весь,
Перебираемый резвыми пчелками.

Благодарю вас, мой дружеский май,
Вон принесли вы какую мне весточку!
Настежь скорее окно раскрывай:
Ах, мои яблони, ах вы, невестушки!

Каждая в легкой, изящной фате;
Встали в рядок вдоль восторженной улицы.
Даже скворцы у скворечни, и те
Садом цветущим подолгу любуются.

Как он ласкает и радует взгляд! —
Так и стою, затаивший дыхание.
Розово-белым соцветья пестрят,
Словно стрекозы в извечном порхании.

Боже ты мой, до чего ж он красив!
Как он кипит, как неистово пенится
Этот чарующий белый разлив!..
К лучшему что-то и в жизни изменится.

Винка

Гармонист орет до хрипа —
Третий день навеселе.
Словно в чистом поле липа,
Тетка Винка на селе.

Без любви живет и веры,
Своенравна, что зима.
Шить, косить, копать карьеры —
Все одна, и все сама.

Разливает запах винный
Сад с таинственной виной.
И зачем их, тетка Вина,
Столько яблок-то одной?

А в избе большой и гулкой
Репродуктор дребезжит.
Марфа тянется по улке,
Рядом правнучка бежит.

Кто бы Винку бабкой кликнул?
На висках — тяжелый снег.
Прожила весь век бобылкой,
Свековала Винкой век.

Глубоки на лбу морщины.
Где ж ее весенний цвет?
Тетка Винка, тетка Вина…
Винке — восемьдесят лет.

Знамя

Чтоб не встали тучи между нами,
Чтобы не разрушил быт семью,
Нужно пронести любовь, как знамя, —
Как на фронте, в праведном бою.

Пусть идут дожди и солнце светит,
Пусть детей рожают вновь и вновь.
Нет ведь созидательней на свете
И нежнее чувства, чем любовь.

Сам давно и твердо это зная,
Я прошу и вас — возьмите в толк:
Если на войне теряют знамя,
То расформировывают полк.

Мальчик девочку поцеловал

Озера тишайшего овал
Пронизала синева сквозная…
Мальчик девочку поцеловал,
Может быть, она его — не знаю.

Ветерок соцветья обдувал,
Бабочек затейливых тревожа.
Мальчик девочку поцеловал —
Бережно и очень осторожно.

Лепестки шиповник распускал,
Соловей на иве сладко щелкал.
Мальчик девочку поцеловал —
Просто прикоснулся к алой щечке.

«Я тебя люблю» он ей сказал —
То, что часто сам от мамы слышал.
Мальчик девочку поцеловал.
Был весь луг горошком диким вышит.

Ах, как неподдельно ликовал,
Как восторжен был денек весенний!
Мальчик девочку поцеловал.
Точно помню — было воскресенье.

Поцелуй и нежные слова
Девочка давным-давно забыла.
Мальчик девочку поцеловал…
Боже мой, когда же это было!

Дуб

Шелестя листвой под ветром,
Стоя в позе мудреца,
Дуб в тумане предрассветном
Вы-ри-со-вы-ва-ет-ся.

Он маячит над туманом,
Словно в воздухе парит,
Так что кажется обманным
Утра легкий колорит.

Весь в рубцах и шрамах ржавых,
Весь в ожогах — тверд и груб —
Неизменный князь державы,
Старый зубр древесный — дуб.

Бит ветрами, градом, громом,
Выпаленный изнутри,
Он не согнут и не сломан,
Не гнилой, черт побери!

Пять веков шагал он через
Сотни бурь и вьюг, и бед.

Крепкий, словно волчий череп,
Простоит еще сто лет.

Чуть звенит, дыханью внемля,
Листьев кованая медь.
Шапка падает на землю,
Коль на крону посмотреть.

Кроншнеп

Он летел устало — мрачен, хлябок;
Неуверен был и крыльев взмах.
А под ним рудник светился слабо
И скрипели тросы на копрах.

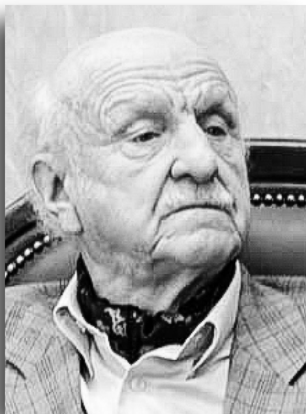
Он оставил край обетованный,
Где весной за старкою ходил;
И теперь над шахтою соляной
В неприветном небе плыл один.

Он кричал пронзительно, тревожно.
Может быть, он стаю окликал,
Может, заблудился, а быть может,
Он последним был из могикан.

Щерились высокие, как скалы,
Терриконы там внизу, под ним.
Облаком оранжевым пускали
Трубы в небо ядовитый дым.

Только что из недр вернулась смена,
Клеть плыла наверх из-под земли;
И шахтеры в город свой смиренно
Хлопоты насущные несли.

Кашляли, курили сигареты,
Думали про топливо, про хлеб…
И никто и знать не знал, что в небе
Пролетел над городом кроншнеп.



Владимир ОРЛОВ

В тени алых парусов

Документальный рассказ

1

Сухопутный флотоводец

Игорь Петрович Малютин

Жил когда-то в Бресте, в самом начале бульвара Гоголя, в доме, где ЗАГС, необычный и даже несколько таинственный человек. Возле его окон на первом этаже всегда вертелись дети: там маячили, время от времени меняясь, модели кораблей: с парусами, пушками, трубами, флагами. Но это была только видимая часть занятий хозяина. Еще он владел огромнейшей библиотекой по истории русского, а значит царского, военно-морского флота. С этим, естественно, были связаны его действительно безграничные знания по морской тематике.

— *Как-то в Кронштадте стоял я на набережной,* — рассказывал мой герой, — *а рядом вглядывался в морскую даль седой старик с обветренным лицом; вздохнул, сказал: «Вот отсюда я уходил в 904-м с эскадрой адмирала Рожественского». Я спросил: «На каком корабле?» Старик ответил: «На броненосце «Князь Суворов». Я тут же выдал справку: Вы отсюда ушли на броненосце 29 августа 1904 года. Корабль заложен на верфи в Санкт-Петербурге 26 августа 1901 года, спущен на воду 12 сентября 1902-го. Вошел в состав 2-й Тихоокеанской эскадры вице-адмирала Рожественского. Командир броненосца капитан 1-го ранга Василий Васильевич Игнациус... — и далее я указал водоизмещение, количество и калибр орудий, численность команды...*

Звали моего героя-эрудита Игорь Петрович Малютин. Родился он в приморском городе Одесса, мечтал, конечно же, стать моряком, но состояние здоровья, Отечественная война и судьба забросили его в Беларусь, в континентальный Брест, где работал зубным техником-протезистом. Скальпелями, пилочками, буравчиками от бормашины, которыми днем делал коронки и мосты, он вечерами дома вытачивал модельки разных размеров и выставлял их у окна.

— Первая моя библиотека, — вздыхал хозяин, — погибла во время войны.

Я видел теперешнюю, брестскую, очень богатую, в которой были книги на всех языках, по всем направлениям и временным периодам, включая подлинник «Морского устава» Петра I, изданный еще при жизни царя. Отдыхая у Малютина в перерывах между съемками фильма о нем «Остальные 17» или потом, при каждом посещении Бреста, я брал с полки какую-либо книгу, разворачивал на случайной странице и не мог оторваться: веяло морем, тре-

петали паруса, дымили четырьмя и даже пятью трубами броненосцы, усатые капитаны в подзорные трубы выискивали силуэты вражеских дредноутов... словом, как предсказывал поэт-одессит Эдуард Багрицкий:

Кто услышит раковины пенье,
Бросит берег и уйдет в туман,
Даст ему покой и вдохновенье
Осененный ветром океан.

В малютинской библиотеке можно было найти сведения буквально про каждый российский корабль более чем за два века. Как-то предложил мне Игорь Петрович почитать двухтомник «Расплата» Семенова. Это было горькое свидетельство похода эскадры адмирала Рожественского в 1904 году с Балтики в Порт-Артур — якобы для реванша в уже проигранной русско-японской войне, — описание ужасного разгрома ее в Цусимском проливе и позорного плена русских моряков в Японии. Автор — флаг-офицер при командующем эскадрой. Конечно, поход, и особенно сам бой, были описаны участником и свидетелем с адмиральского мостика, а не из трюма, как у кочегара Новикова-Прибоя в его романе «Цусима». Произведение Семенова до сегодняшнего дня было издано только однажды, где-то в 1907-м: при царе он подрывал режим — ведь само название уже определяло отношение автора к событиям; при советах нельзя было издавать произведение офицера-аристократа, ведь господствовали пересказы кочегаров. Почему не издают сейчас — не понимаю. Это очень редкая книга. Может, поэтому Валентин Пикуль в свой роман «Три жизни Акино-сан» все главные ситуации боя «одолжил» у флаг-капитана Семенова, а страницы с описанием ранения и переноса адмирала Рожественского с тонущего флагманского броненосца «Князь Суворов» на миноносец просто переписаны. Бог судья хорошему, в общем-то, писателю Валентину Саввичу.

* * *

В шкафах Малютина упорядоченно хранилось множество пухлых альбомов с фотооригиналами и старыми открытками с изображениями кораблей, с групповыми фото корабельных команд, с портретами усатых офицеров. Скажем, одного только легендарного крейсера «Варяг» было там более четырех десятков изображений: вот он, еще без названия, на стапелях в США; вот спуск на воду, освящение крейсера с разбиванием о борт бутылки шампанского; перегон из Америки в Россию, переход на Дальний Восток; «Варяг» среди египетских песков в Суэцком канале, на рейде в Порт-Артуре; потом фото какого-то иностранца-любителя в Чемульпо — «Варяг» идет в свое бессмертие, на бой один на один с японской эскадрой; вот он возвращается из исторического боя, зарываясь носом, с креном, со сбитыми трубами и мачтами, а вот он, поднятый японцами, уже под флагами Страны восходящего солнца, и наконец, бесславный финал: «Варяг», выброшенный на скалы где-то в Северной Атлантике, во время перегона на ремонт в Англию по решению Временного правительства в 1917 году. Здесь же фото команды, лично почти каждого офицера крейсера, интересные сведения и не печатавшиеся воспоминания. И так буквально по каждому кораблю, который ходил под Андреевским флагом.

Откуда же брались материалы? Часть отпуска Игорь Петрович всегда проводил на толкучках и барахолках приморских городов, преимущественно

в Одессе, а там — чего только нет! Атрибутику кораблей и личные снимки моряков распознать было нетрудно: у каждого корабля на борту, а у моряков на бескозырке, на ленточке, гордо значилось: «Князь Суворовъ», «Алмазъ», «Александр III». Съезжались скупать это у одряхлевших капитанских вдов такие же энтузиасты, как Малютин. Они знали друг друга по всему СССР, и обмен опытом и материалами у них был налажен превосходно.

Один из соратников Малютина по базарным путешествиям принимал участие в моем фильме: инженер-капитан 1-го ранга Николай Александрович Залесский, видный специалист по корабельным двигателям. Снимали мы его в здании Музея Военно-морского флота, что тогда, в 1966-м, размещался в здании бывшей Биржи, на стрелке Васильевского острова в Ленинграде.

У какого, скажите, мужчины, — а все мы в прошлом юноши-романтики, — не затрепещет сердце при осмотре флагов с кораблей Петра I, Лазарева или Ушакова? У кого не задрожат руки от прикосновения к стеклу, за которым фуражка адмирала Нахимова, кортик адмирала Исакова или ордена и бинокль адмирала Кузнецова? Кто не склонит голову перед броневым листом бортовой обшивки «Варяга», в снарядную пробоину которого благодарные моряки вставили портрет своего командира-героя Руднева — и презентовали ему?

Николай Александрович Залесский показал немецкий журнал 1904 года. Там было опубликовано стихотворение, которое сочинил немецкий морской офицер-очевидец, пораженный героическим боем «Варяга»: одного против японской эскадры! Точно переведенное на русский язык, это стихотворение стало почти народной песней «Наверх, вы, товарищи, все по местам!». А другой такой экземпляр журнала Залесский приобрел для Игоря Петровича и просил передать ему.

Работу Малютина над моделями кораблей хотелось показать как-то необычно. Творческий поиск привел к тому, что в квартире его установили мы кинопроектор, натянули полупрозрачный экран и запустили ту часть художественного фильма «Крейсер “Варяг”», где героический корабль бьется с японской эскадрой. Это был фон, а на переднем плане обтачивал мастер маленькие пушечки, мостики, реи. Бывало, что тянули мы модели на озеро и там «разыгрывали» морские бои, снимая все это на пленку.

* * *

Когда Игорь Петрович читал художественную литературу, он непроизвольно натыкался на какие-то «морские» неточности. Так, в «Алых парусах» Александра Грина (кстати, нашего земляка, настоящая фамилия которого Гриневский) он заметил, что в романе на «Секрете» три мачты, а у настоящего галиота должно быть всего две. Тогда Малютин написал про это в город Старый Крым, где, по слухам, на стыке 20—30-х жили Грины, написал наугад, безадресно.

И вот: получает неожиданно письмо от вдовы писателя, Нины Николаевны! Она благодарит корреспондента из Бреста и замечает, что галиот «Секрет» — это собирательный образ, что это вообще, по замыслу Александра Степановича, мечта, и не имеет значения, сколько там мачт. Игорь Петрович, окрыленный прикосновением к творчеству литератора-мечтателя, берется за работу: делает модель галиота, но не настоящего, а того, гриновского «Секрета», с тремя мачтами и алыми парусами. И в специальной коробке отсылает изделие Нине Николаевне.

А съемочная группа летом 1966-го отправляется в дорогу, в Крым. Малютин с сыном-подростком едет с нами.

Высадились мы в Севастополе, сняли для фильма интересный памятник: на высоком постаменте мраморная ладья и короткая надпись: *«Капитану Казарскому. Потомству в пример»*. Мы уже знали эту историю. Небольшой парусный бриг русского флота встретил два турецких фрегата, имевших мощное по тем временам вооружение. Капитан брига Казарский, как позднее и капитан «Варяга» Руднев, принял бой, покалечил и погнал «турок», одного даже, кажется, утопил. Модель казаровского брига работы брестчанина мы уже снимали в экспозиции Морского музея в Ленинграде.

Заехали в Феодосию, в старый дом Гринов, откуда они перебрались в безводный Старый Крым, — здесь, на побережье, очень уж дорого было жить. Доехали мы до Коктебеля, который теперь назывался Планерское. Там поселились рядом с домом Максимилиана Волошина, крымского поэта и живописца. Заскочили в Судак, где сняли для фильма остатки генуэзских стен; побродили по старому кладбищу немцев-колонистов — место когда-то ухоженное, опрятное пришло в запустение: немцев-аборигенов там уже не было.

Спустились в Новый Свет, туда, где князь Лев Голицын начал производство русского шампанского и в начале века хвастался в московских гостиных, что зальет Россию благородным напитком, что через двадцать лет последний мужик будет пить его шампанское. Залили, попили...

С собой я, вспоминая стихотворение Багрицкого, прихватил семейную реликвию: большую раковину-рапан с каких-то неведомых атоллов — ее в начале 30-х мой будущий отец подарил моей будущей маме. Я хотел снять раковину на кромке прибоя, с берега, на фоне необъятного моря. Это должен был быть сопровождаемый музыкой Евгения Глебова музыкальный символ фильма — то самое «раковины пенье». Но у жизни был свой сюжет.

Утром, поев крупных черешен «воловий глаз», мы тронулись в городок Старый Крым, к Нине Николаевне Грин. К новому изгибу фабулы великого драматурга, имя которому — Жизнь.

2

Домик великого романтика

Нина Николаевна

При въезде в Старый Крым мы на машине обгоняем уставший отряд... сказал бы, пионеров, но не было горнов и барабанов. А такой же отряд, только бодрый, двигался из города, но у этих уже не было и красных галстуков. Куда они делись, выяснилось на кладбище: нижние ветки старого дерева, все сплошь, как флажками, были расцвечены дюжинами пионерских галстуков — и это все над могилой Александра Грина. Рядом лежит Ольга Алексеевна Миронова, его теща. За год до нашего приезда Нина Николаевна завещала похоронить себя между ними. (Власти тогда не дали разрешения, и развернулась чисто детективная ситуация, но нам пока не дано этого знать.) Чуть дальше примостились палатки: детский лагерь, который назывался, конечно же, «Алые паруса».

Двигались по городку тихо, чтобы не поднимать шинами уже подсохшую с утра крымскую пыль. Руки местных жителей взмахами регулировщиков направляли нас к цели.

Вот и низенький, оплетенный виноградом домишко, едва ли четыре на семь метров. О своем приезде мы предупреждали, нас ждали. К калитке вышел парень, назвался студентом из Ленинграда — они тут небольшими группами, меняясь по расписанию, проводили все лето, жили по домам или в палатках, а днем бесплатно работали экскурсоводами.

— *С 18 марта 1963 года дом официально считается филиалом Феодосийского краеведческого музея,* — расскажет нам позже хозяйка. — *С тех пор у меня побывало 40 тысяч человек. И любят его, и будут любить, и много приходит сюда молодежи. Со всех сторон страны бывают. Книги-издания храню, книги записей.*

Здесь и дальше идут дословные монологи Нины Николаевны, записанные нашим звуковиком.

Рядом возвышается огромный каменный особняк с просторным огородом — смотрится по сравнению с гриновским домиком, как настоящий линкор рядом с малютинской моделькой. Историю «взаимоотношений» этих двух домов я знал еще из фельетона «Курица и бессмертие». А Нина Николаевна потом про это же рассказывала так:

— *В 1945-м я попала в заключение, освободилась в 1955 году и сразу же начала хлопотать о восстановлении домика Александра Степановича, превращенного первым секретарем Старо-Крымского райкома, который и жил в том большом доме, — в хлев, свинарник, курятник, о чем был фельетон в «Литературной газете». Написал его Константин Паустовский. Борьба длилась до 1959 года, в конце его домик становится неофициальным музеем Александра Грина. Он не значится нигде, в него просто приходят люди.*

Заходим в какие-то лилипутские сени с печуркой и парой сковородок; двери вправо и влево, левая открыта. Включаем съемочную камеру, проходим. Комнатка примерно три на четыре метра, окно, у которого лежал, задыхаясь, Грин; кровать, на которой он, как мы потом узнали, и умер; стол с личной мелочью: подсвечник, чернильница, литая собака, ваза, стоит шкафчик с книгами, на стене портрет Грина в фуражке-мичманке, а надо всем будто парит малютинский галиот.

— *После личных вещей Александра Степановича это наш самый дорогой экспонат,* — говорит хозяйка Малютину.

Вот она: седая, в полотняном, будто из пьесы Чехова, платье, с просветленным лицом, какие были только у рожденных до революции интеллигентов, и только в Петербурге. На Нине Николаевне — отпечаток высокой духовности, это выражается и в произношении, и во внимании к собеседнику. Камера, отсняв встречу, направлена на гриновский стол. Я с обостренной грустью понимаю, что расставание с Ниной Николаевной навечно начинается уже сегодня, что больше мы никогда не увидимся, и потому приказываю писать и писать ее рассказ на магнитофон. Может, потому у меня, единственного в мире, звучит сегодня в кабинете ее голос.

Камера снимает свинцовую вазу — большую, тяжелую, с барельефом: болото, веточки... и какая-то дырка.

— *Он купил вазу в Москве, на Сухаревском рынке... Ваза пережила хозяина,* — звучит ее голос. — *Здесь были два голубка, целующихся. Грин не мог вынести этого, чересчур уж сентиментально это было для него. Он голубков спилил, а когда спилил, получилась дырочка. Он запаниковал: «Я испортил вазу!» А я стала в дырку цветы ставить — так и пошло.*

Да, вот след от напильника. Камера делает панораму по вещам на рабочем столе писателя.

— Эта собачка, шкатулочка, фотографии наши общие, рамка, чернильница, подсвечник... он его купил у жены Айвазовского, еще в Феодосии. Потом книги, которых при жизни не было в переводах. Это последние десять лет присылают из разных стран на французском, польском, итальянском языках... Итальянское, такое красивое издание! Я хотела бы, чтобы когда-нибудь собрание сочинений Александра Степановича вышло у нас в таком издании!

Переходим с хозяйкой, уже без камеры, просто выпить чаю, на правую половину — такая же крохотная комнатка, заставленная книгами, портретами и особо ценными личными вещами Гринов. Здесь вдова ест, спит — словом, тут, в этом закутке и живет. Но надеется:

— Союз писателей хлопочет о том, чтобы для меня был построен на этом участке отдельный домик, чтобы весь вот этот дом я могла превратить только в музей Александра Степановича.

После наших съемок она прожила еще четыре с чем-то года, но, кажется, так и не дождалась отдельного домика. Просто какое-то упорное противостояние было здесь, на месте! Даже похоронили — после четырех заседаний на «высоком», в масштабах райцентра, уровне — в полусотне метров от Грина и матери. Почему же не рядом, как завещала? «Она же была приспешницей фашистов!» — делает громогласное заявление председатель райисполкома. Вот до чего живучи поклепы!

Дело в том, что эвакуации Крыма как таковой не было. Население власти просто бросили. Вдове Грина надо было присматривать за очень больной матерью, кормить ее. Сама она — учительница, потому-то и устроилась во время оккупации в газету «Старый Крым» корректором. Да и газета-то печатала лишь объявления! Но и этого было достаточно, чтобы в 1945 году попасть на десять лет в тюрьму. Вернувшись, застала она могилу Грина разрушенной, а домик — превращенным в курятник. Что было дальше, уже известно. Вот поэтому-то амбициозные и мстительные власти «скрутили» церемонию похорон вдовы писателя, перенесли ее на два часа раньше. Только через 13 месяцев друзья тайно, ночью, исполнили ее волю и перезахоронили там, где она и хотела. Но это уже не моя история, про это я узнал позже.

Теперь-то мы смотрим на гриновские вещи по-другому, знаем, что все было разбросано, что какую-то часть, в том числе и кровать, на которой в последний раз вздохнул Грин, сохранили друзья — местные и из Феодосии.

Мы вновь в комнате Грина. За окном в палисаднике, чтобы не мешать разговору, крутит пленку легкий, а потому и шумный киносъемочный аппарат «Конвас». Крутятся кассеты магнитофона:

— Уже четвертая книга посещений... Кто больше приезжает? Инженеры. Они объясняют, что стали ведущим классом русской интеллигенции. Их сажали, вдохновенные проекты, которые воплощали они, зэки, называли Днепрогэсом, Электросталью, Комсомольском-на-Амуре. А им оттуда так хотелось, хоть в мечтах, перенестись в гриновский Зурбаган.

Нина Николаевна говорит очень сложными, но грамотными и законченными предложениями. Вот прочитайте записанное с ленты, слово в слово:

— За несколько недель до смерти сказал, что роман «Недотрога», над которым работал уже почти два года и который давался ему очень тяжело, потому что он не имел стимула к печатанию, — он знал, что роман будет ходить по издательствам и возвращаться обратно, — этот роман в нем окончательно выкристаллизовался, о чем он сообщил незадолго до смерти, и с этим ушел из жизни 8 июля 1932 года, чувствуя себя писателем, нужным, а это самое важное для него.

Ветерок колыхнул современный матросский воротник под портретом великого мечтателя. Нина Николаевна перехватила мой взгляд и с ласковой улыбкой вспомнила:

— Три матроса пришли с цветами, а тут четвертый из их компании: а я? Без букетика он. Тогда срывает матросский воротник и вешает на портрет Александра Степановича. «Это мой букет!» — говорит. Александр Степанович, если бы был жив, был бы рад этому букету, ведь его мечта была стать матросом-кругосветником. Но в жизни он стал писателем-кругосветником.

Ах, галиот «Секрет»! Куда же ты, загадочный, зовешь нас?..

Подрагивает зеленый глазок магнитофона, и я голос ее сегодня слушаю, слушаю...

3

Прикосновение к легенде

Александр Грин

Последний день по воле рока
Я, расстроенный глубоко,
За столом своим сижу,
Перья, нервы извожу.
Подбираю консонансы,
Истребляю диссонансы,
Роюсь в арсенале тем
И строчу, строчу затем.

Это начало неизвестного тогда шутливого стихотворения А. Грина «Работа» (1915 г.). А по-серьезному, как рождались у него замыслы? Как вообще могли приходить к писателю светлые мечты, прозрачные, неземные видения в той, поистине ужасной жизни в послереволюционные годы? Кто же откроет нам тайну его творчества? Она, только она, Нина Николаевна Грин:

— В 1917 году в Ленинграде на Пушкинской улице, в окне разоренного магазина детских игрушек видит он ботик, на котором вместо обычных белых — красные паруса. Задумывается: что такой цвет может принести человеку? Так зарождались «Алые паруса». Он заболевает сыпным тифом, лежит в охтинских бараках, а в те минуты, когда ему легче, у него все время этот маленький ботик с алыми парусами витает в воображении. Но он еще не знает, как и что. Когда выздоравливает, ему опять живется тяжело. Он идет к Горькому. В то время Горький собирает голодавшую интеллигенцию Ленинграда: был создан Дом искусств для писателей, художников. И в этом Доме искусств Александр Степанович описывает свое видение этого ботика с красными парусами — пишет «Красные паруса». А когда они уже пошли в издательство, заменяет «Красные паруса» на «Алые» — цвет утренней зари. Почему? Когда в Феодосии из-за моря поднимается солнце, в это время белый парус между видящим и солнцем окрашивается в алый цвет. Название «Секрет» — это секрет приносить людям счастье, сделанное своими руками. Александр Грин писал «Алые паруса», чтобы выразить праздник души человеческой, нашедшей зерно красоты и истины.

Была при советах изобретенная ими форма управления разумом, волей, совестью людей: общественные организации. Безжалостная власть держала

в покорности: пролетариат через профсоюзы, чиновничий аппарат через партию, крестьянство угнетала колхозами, молодежи забивали голову через комсомол, а художественную интеллигенцию улавливали уздечками при помощи профессиональных творческих союзов. Дилетанты от литературы, дорвавшись до руководства, до власти, состригали все, что хотя бы немного возвышалось над усредненной серостью. Их ужасающее изобретение: социалистический реализм.

— *Вы знаете, что такое РАПП?* — вежливо спрашивает Нина Николаевна. — *Российская ассоциация пролетарских писателей, возникшая, будто бы, как хорошая организация, но постепенно становившаяся все жестче и жестче. От Александра Степановича стали требовать только бытовое и современное. Но внутренне ему тогда никак не удавалось стать современником. Его постепенно перестали печатать. К 1932 году, ко дню его смерти, мы жили по-настоящему в нищете, потому что его не печатали, а гонорар был нашей единственной возможностью существовать. С нами жила еще моя мать. Мы каждый год ездили в Москву, чтобы продать ту или иную его книгу, — заочно никаких договоров с ним не заключали. Положение было катастрофическое. Нас называли «мрачные Грины». Александр Степанович внешне имел суровый вид. Мы мало с кем знакомились, у нас и дома мало народу бывало. «Мрачные Грины» — так и пошло. В 1932 году, в апреле, прочтя о роспуске РАППа, уже тяжело больной — он не знал, что умирает, — Александр Степанович ликовал по поводу этого роспуска: «Повеяло весенним ветром! Нам будет легче жить!» А жить ему оставалось три месяца. До творчества ли тут! Какие уж галиоты и Зурбаганы!.. Лежа он мог делать только некоторые заметки. Они сохранились в литературном архиве. Но они были очень скудные: сил-то у него было мало. Вначале врачи думали, что у него воспаление легких, потом — ползучее воспаление. А последний диагноз: рак легких.*

А позже началось гонение на «безродных космополитов». Несчастный фантазер Грин, сын ссыльного, участника восстания 1863 года на наших землях, подпадал под эту «криминальную» статью. И хотя донимать покойника было уже не так интересно, все же попробовали. Но защитниками его стали миллионные тиражи романов, любовь этих самых инженеров, моряков с цветами, студентов-энтузиастов и пионеров, которые развешивали галстуки над его могилой. И творчество Грина оставили в покое, ведь на защите теперь стояла любовь читателей.

— *А как он работал,* — вспоминает Нина Николаевна, — *можете судить: «Бегущая по волнам» имеет сорок начал. Он все выбросил, найдя истинное начало романа. Из чего рождались его странные фантазии? Источник — его собственное воображение, богатство видения им мира. Он видел мир не по плоскости, не по трафарету этого домика. Он видел его шире и богаче и вкладывал это в свои произведения.*

Мы ловим каждое ее слово. Уже давно отставлена отработавшая свое съемочная камера «Конвас», лишь только, время от времени меняясь на новые, крутятся и крутятся катушки магнитофона...

Ну, вот и все. Прощай, домик, увитый виноградом! Больше никто из нас никогда здесь не будет. В 1970-м не станет Нины Николаевны. Еще через пятнадцать лет отойдет в вечность герой фильма «Остальные 17» Игорь Малютин...

А пока еще все живы и здоровы. Хотим продолжать съемки других объектов. Но дождь, Крым залит водой, работа останавливается. Когда в Минске,

который в те же дни изнемогал от невыносимого зноя, получили мою телеграмму с просьбой о разрешении задержаться по метеорологическим обстоятельствам, то здесь, как мы узнали по возвращении, коллеги и руководство «Телефильма» чуть не выпали в широко распахнутые окна от хохота. Нам не поверили про крымские ливни, но разрешение остаться телеграфировали.

Оставалось снять последний кадр: восходящее над морем солнце, а на самом переднем плане, буквально перед камерой, на кромке прибоя, лежит моя раковина, омытая пенной волной.

Запасшись фруктами и вином, мы решили встретить рассвет прямо на берегу. Вспоминали, вглядывались в звезды, слушали море и «раковины пенье». Вот и заря... Оператор Валерий Хайтин выставил камеру. Через некоторое время я поднялся с росных камней, которые зашуршали в предрассветной тиши, бережно достал свой фамильный рапан и осторожно положил на морскую гальку. И первая же волна попыталась утащить раковину с собой. Я чуть отодвинул ее от кромки.

Всходило солнце, становилось все теплей. Кинокамеру подключили к аккумулятору. Как вдруг... ах, это неожиданное «вдруг» в жизни драматурга! — откуда-то, прямо из глубин морских, возник силуэт судна. На нем почему-то не было алых парусов, но по серебряным зеркальным осколкам волн кораблик двигался прямо на нас. Ветерок относил гул мотора, и потому казалось, что он движется вообще бесшумно. Легкая дымка, какая-то вуаль над морем, контровой свет и ослепительный перелив волн не давали нам рассмотреть этот «галиот». А там включили усилитель, кто-то кашлянул, и мы услышали над солнечной водой сипловатый моряцкий голос:

— Прямо под нами обнаружена глубинная бомба времен войны. Через полчаса будем взрывать. Приказываем незамедлительно покинуть побережье. Повторяю...

Тем утром, полвека назад, мы действительно услышали вскоре сильный взрыв со стороны моря.

А уже в переходе к Ялте, когда вглядывался в морскую глубину, пронзило меня ощущение невосполнимой потери: на том берегу, на кромке прибоя, я второпях забыл ту раковину с неведомых атоллов, которую преподнес мой будущий папа моей будущей маме. Я представил, как после взрыва крутая волна жадно захватывает, затягивает раковину в бездну.

Вернул себе свое «осененный ветром океан».

Если бы я не любила тебя

Люба ШТОРМ

самая ненавидимая

я ненавижу ее за то
что она тебя у меня
а меня — у тебя
за то, что рыдала полдня
на улице в чертов мороз
и подхватила насморк
я ненавижу запах ее волос
и тихий голос
и как она может
с такой добротой
смотреть на меня
и называть меня той
на кого она хотела бы быть похожей
я чувствую кожей
взгляд на моем затылке
ее руки с бесстыже-тонкими пальцами
скользят, вздрагивают и останавливаются
ее губы на горлышке бутылки
сверкают красной помадой
от нее веет старыми книгами
и шестидесятой автострадой
а мягкая кривая талия
ложится впадиной в твои руки
и я вижу перед собой берега Италии
бархат ресниц поглощает цвета и звуки
я ненавижу ее бесконечно уже за то
что и сама, опуская свои веки
и воплощая в несчастном сознании
может, умышленно, а может, и по незнанию
прикосновения человека
сюжеты наиболее избитые
в ту минуту, когда становишься
с миром на ты
сквозь черты твои дорогие, но полузабытые
проступают ее болезненные черты.

никто

никто не знает, как я скучаю
никто не знает, а я
в печали
а я забросила свою душу
выплакивать
ведь никто не слушает
никто не видит
никто не знает
как временами меня
пронзает
лучом божественным что-то свыше
и я кричу…
и никто не слышит

ну же, улыбнись

если бы я не любила тебя
я бы тебе никогда не врала
но это яблоко
я уже сорвала
что скажешь делать?
могу сварить компот
ведь у меня всегда
все наоборот
не хмурь брови
на нашем радио —
радость в прямом эфире
признайся
ты ведь тоже рад жить в этом
перевернутом мире

Полина ПИТКЕВИЧ

* * *

Исчезни, исчезни, исчезни!
Я больше в тебя не верю.
Откуда-то слышится песня,
Там кружатся карусели…

Зачем ты? Зачем ты? Зачем ты?
Скрипят карусельные оси.
Распалась на части-сегменты,
На листья узорные осень.

Не надо, не надо, не надо...
Заело как будто бы песню.
В безумии листопада
Исчезни, исчезни, исчезни...

Атлант

Я титан, я могучий атлант,
Вам известен мой главный талант.
Мне глаза залил собственный пот,
Но я должен держать этот свод,

Что и смертных грехов тяжелей,
И планет, и Галактики всей!
В плечи больно врезается край,
Только стойко терпи, подпирай!

Не закрылось бы только веко
Умирающего человека…

Звездопад

На каждый звездопад
Найдется звездолов,
На каждый зимний сад —
Краса своих цветов.

На каждое старье
Своя найдется новь,
Злодейство есть свое
На каждую любовь.

На каждый звездопад
Найдется звездолов,
Для каждой из баллад
Есть кружево из слов.

На каждый снегопад
Найдется дворник свой,
На свой особый лад
Поет душа весной.

Пускай и не возник
На каждый жизни час
Тот редкий счастья миг —
Есть вечность про запас.

На каждый звездопад
Не дремлет звездолов,
А может — звездокрад…
Лови свою любовь!

Татьяна КУПРИЯНЕЦ

Моя война

Нет, время раны не залатало...
Хоть много позже я рождена,
Я сердцем эту войну впитала,
Как будто это моя война.

Мой дед снаряд загонял в казенник.
«Огонь!» — команда — и мир дрожит.
Но в сотнях тысяч больших глазенок
Мир нынче может спокойно жить.

Мир жив, пытлив, и на пару с миром
Живет вопрос в них, в сердцах горит:
«Война? Как страшно... А как там было?
Какие люди? Места? Бои?»

Не рвусь к высоким я пьедесталам —
Хочу понять, передать сполна...
Нет, время раны не залатало
И это — правда — моя война.

* * *

Мне тоже бывает больно,
Я тоже не из железа,
Но я все стерплю спокойно,
Лишь в сердце — рубцы-порезы.

Мне тоже бывает страшно,
Но в час, когда все неладно,
Я с песней иду отважно,
А голос — громче, чем надо.

Я просто иду — куда-то,
И путь мой отнюдь не пресен.
И мысль мне одна усладой —
Что хватит на век мой песен.

Светлана КАЛЮТА

«Сколько бы я мог сделать полезного…»

Белорусский писатель, критик Борис Микулич родился 19 (6).08. 1912 г. в г. Бобруйске в семье медиков. Его отец Михаил Викентьевич, фельдшер, умер в 1919 г. от заражения крови. Кстати, любопытный факт из жизни Микуличей. Михаил Викентьевич был крестным отцом Веры Захаровны Хоружей, тогда Хорунжей.

Мать, Мария Антоновна, акушерка, умерла в 1927 г. В доме была большая библиотека, и будущий писатель с малых лет приобщился к мировой классике. Отец Бориса имел для того времени достаточно богатую библиотеку. Сестра писателя, Мария Михайловна Микулич, вспоминала, что мать их также была «книжницей» и любовь к книге старалась привить сыну. Именно от матери он пронес через всю жизнь любовь к книге. Именем матери дал он слово стать писателем. Писать он начал рано, будучи учеником второго класса. Первый его рассказ «Міроніхін курган» газета «Звязда» раскритиковала. Молодой автор вырезал эту рецензию и на ней написал: «А все-таки я буду писателем» (эта вырезка погибла со всем его архивом в 1936 г.). Присылал свои стихи в газету «Камуніст», но их не печатали. Стихи он больше не писал, вернулся к ним в конце своей жизни. Вместе с одноклассниками организовал и редактировал рукописный школьный журнал «Крок», куда приносил свои стихи и Р. Лыньков, брат Михася Лынькова, играл в любительских спектаклях, запоем читал, свободно оперировал литературными фактами, не стеснялся в категорических оценках и суждениях. Микулич рано стал самостоятельным. После смерти матери, еще будучи учеником, вынужден был зарабатывать на хлеб, работал в библиотеке им. А. С. Пушкина с июля 1928-го по октябрь 1929 г. Его «университетом» были книги, люди, жизнь. Борис рано начал писать рассказы, один из них — «На дарогах» — был напечатан в 1927 г. в журнале «Маладняк», миниатюра «Восень бродзіць» — помещена в Бобруйской газете «Камуніст». Принимал активное участие в работе Бобруйского филиала «Маладняка», в 1928 г. стал его членом. В 1929 г. закончил первую советскую школу-девятилетку в г. Бобруйске. Опекала Бориса и его сестру Марию после смерти матери и помогала Борису до конца дней его жизни старшая двоюродная сестра Вера Антоновна.

Первые шаги Бориса Микулича в литературе заметил и поддержал Михась Лыньков, вскоре зачислил его в штат редакции газеты «Камуніст», стал строгим и чутким наставником и редактором молодого прозаика. Так талантливый юноша в 1929 г. был приглашен на работу в редакцию газеты «Камуніст». С 1929 по 1930 годы работал в редакции Бобруйской окружной газеты «Камуніст».

Василь Витка писал о том времени: *«Наша сяброўства пачалося з нашага юнацтва, з маладосці ўсёй краіны, з духоўнага ўздыму роднай рэспублікі. Нездарма першыя выданні, у якіх мы друкавалі свае вершы, называліся «Вясна» і «Уздым». Пачыналася першая гераічная пяцігодка. Бабруйскі лесакамбінат быў яе буйнейшай будоўляй.*

Мабыць, па добрых законах юнацкай еднасці, мы, хто паспеў ужо скласці свае першыя вершаваныя радкі, надрукаваць у газеце або ў часопісе селькораўскую нататку, з цікаўнасцю цягнуліся адзін да другога, лучачыся ў нейкае вельмі жаданае і прывабнае для кожнага з нас літаратурнае брацтва. Не дзіва, што напрыканцы ўскраіннай вуліцы — Мінскай, якая вяла на дрэваапрацоўчы камбінат, нас, пачынаючых паэтаў, рабочых камбіната, сабраўся аж цэлы гурт. У доме Барыса Мікуліча і яго сясцёр знайшлі гасцінны прытулак Яўхім Кохан, Сяргей Грахоўскі і я, насупраць, праз вуліцу жыў Аляксей Зарыцкі».

Многое было взято писателем из будней рабочих-бобруйчан, которых Борис Микулич хорошо знал, работая в редакции окружной газеты «Камуніст».

Из воспоминаний С. И. Граховского, друга Бориса Микулича: «Трудоспособность Микулича была действительно бальзаковской. Молодой, красивый, он быстро находил общий язык с литераторами, становился своего рода силовым полем. Любил бывать на заводах и фабриках, посещать совхозы и колхозы, встречался с молодежью. Жил новыми творческими задумками — благо у Б. М. их всегда хватало».

Из его же воспоминаний*: «...зараз я ўспамінаю многіх нашых маладых літаратараў. Той жа Барыс Мікуліч. Прыгожы, кучаравы, з залацістымі валасамі... На яго постаць звярталі ўвагу і дзяўчаты, і хлопцы».*

В его памяти Микулич — стройный юноша, с ореолом вьющихся золотистых волос, с добрыми проникновенными глазами и нежным розовым лицом, всегда увлеченный и возвышенный, Борис Микулич внешностью напоминал юного Блока, а темперамент его артистической души постоянно излучал свет вдохновенной доброты и увлеченности.

«*Есть типы людей, которые повторяются, на кого-то похожи, кого-то напоминают. Но даже отдаленно похожих на Микулича мне никогда встречать не приходилось».*

«...почти все писатели той поры (имеются в виду 20—30-е годы) были из деревни. Некоторые с «высоты» своей крестьянской «годнасці» считали Микулича рафинированным интеллигентом, пестунчиком обеспеченной семьи, и никто не догадывался, что он почти с детства рос круглым сиротой, в семь лет потерял отца, а спустя восемь лет умерла и мать. Ему с младшей сестрой была назначена пенсия. На 25 рублей в месяц они и жили под присмотром одинокой родственницы Веры Антоновны. В наследство остался деревянный дом на Минской улице, полочка книг русских и зарубежных классиков да тяга к чтению и знаниям. Семья Микуличей имела хорошую на то время библиотеку, здесь любили и понимали искусство, литературу. Микуличев потомственный животворчий корень был крестьянский: отец — Михаил Викентьевич от сохи из деревни Тереховичи на Логойщине

пошел на призыв и стал в царской армии санитаром военного госпиталя. В ночные дежурства не расставался с учебниками по медицине и после действительной воинской службы выдержал экзамен на фельдшера. Служить начал в Бобруйской земской больнице, женился на молодой акушерке, и дали они жизнь четырем дочерям и сыну Борису. Вот и вся «обеспеченность», вот и вся «интеллигентность» ...Есть писатели, которые не могут не писать. Литература стала их судьбой, их необходимостью, их радостью и болью. Таким был Борис Микулич».

Сергей Граховский квартировал у родственников Бориса Микулича вместе с Василем Виткой и Евхимом Коханом в деревянном домике на Минской улице в 30-е годы, когда работал на деревообрабатывающем комбинате в начале его строительства.

На юбилей газеты «Бабруйскае жыццё» С. Граховский писал: *«...бабруйскія выданні «Камуніст», «Вясна», «Уздым» заўважылі, падтрымалі і акрылілі Барыса Мікуліча, Хвядоса Шынклера, Васіля Вітку, Алеся Жаўрука, Аляксея Зарыцкага, Яўхіма Кохана, Рыгора Суніцу, і яны сталі гонарам нашай літаратуры. Міхась Лынькоў і «Вясна» і мне адкрылі сцяжыну ў паэзію і прозу.*

Заўсёды Ваш Сяргей Грахоўскі. 21.11.93 г.».

Учился на творческом отделении Минского пединститута (1930) по специальности журналист (ушел с 3-го курса), на литературных курсах в Москве (1934—35). В 1930 г. он переехал в Минск. В 1930—1936 гг. работал корректором в Государственном издательстве БССР, затем и стильредактором, ответственным секретарем в газете «ЛіМ», вел там отдел театра. Снова вернулся в издательство на должность редактора, затем зав. сектором художественной литературы. В 1936 г. был приглашен читать курс теории литературных жанров и истории очерка в Коммунистический институт журналистики (Минск). Вместе с Л. Лиходиевским создал группу комсомольских писателей. Пережил нападки на свои произведения («Наша сонца», «Дужасць») со стороны критиков-вульгаризаторов (А. Кучер). Однако молодого прозаика взяли под защиту И. Гурский, М. Лыньков, Я. Колас. Близкие, дружеские отношения связывали Б. Микулича с Э. Самуйленком, З. Бядулей, артистами И. Жданович, Б. Платоновым, Р. Кошельниковой. Часто бывал в доме Я. Купалы. В итоге поездок по Беларуси, Смоленщине, творческих командировок в Магнитогорск, Грузию появились повести «Дужасць», «Дружба», «Публіцыстычныя эскізы», новеллы, статьи, очерки. До 1936 г. у Б. Микулича было издано 7 художественных книг. Не все его произведения выдержали испытание временем, однако лучшие рассказы, повести отличаются психологизмом, глубиной проникновения в человеческие характеры, живым, выразительным языком.

В тридцатые годы повести и рассказы Б. Микулича становились предметом оживленных диспутов и споров в печати, на читательских конференциях и комсомольских собраниях, а имя молодого прозаика неизменно повторялось во всех литературных рубриках, было хорошо известно каждому читающему человеку.

26. 11. 1936 г. по ложному обвинению писатель был арестован. «Черный ворон» взял Бориса Микулича 25 ноября 1936 г. Только 24 года прожито, а ты, оказывается, уже «враг народа». Невозможно представить. Особенно больно, что к этому не был подготовлен даже в мыслях. Сказывались романтическая возвышенность, уверенность в правильности всего того, что делалось в стране.

Общество друзей книги при Библиотеке им. А.С. Пушкина. 1927 г.
В третьем ряду второй слева Борис Микулич.

Отсюда и неприспособленность к обстоятельствам. Борис Микулич признавался: *«В обстановке последних дней минской жизни, когда в писательской среде царила паника, я был спокоен, потому что считал (и считаю теперь), что все аресты, все разговоры о них ко мне не имеют никакого отношения. Я не только писал в эти дни статьи, но и систематично, спокойно просиживал за письменным столом и писал повесть “Скрипка”...».* Что все, что случилось с ним, — недоразумение, правда победит, верил и после того, когда сотрудники НКВД, перевернув все в комнате, приказали собираться. На прощание бросил сестре, с которой вместе жил: не переживай, это — явное недоразумение, я скоро вернусь! Почти год длились бесконечные допросы. Позже в своем дневнике он запишет: *«Во-первых, мне инкриминировали участие в какой-то фантастической и мало осязаемой троцкистской организации. Оказалось, что по возрасту это не увязывается... Отпало. Затем — шпионаж в пользу Польши. Но здесь действительно нельзя было найти какие-нибудь связи. Отпало и это. И что же? Однажды ночью следователь Сотиков сказал мне: «Вы, Борис Михайлович, действительно ни в чем не виноваты». Я резонно заметил: «Тогда пишите определение о моей невиновности, и баста». — «Нет, вас передадут другому следователю, применят всякие методы, мне жаль вашей молодости!»*

До февраля 1937 г. Борис находился в одиночной камере, где сначала давали читать газеты, приносили книги, затем перевели в общую камеру.

Когда необоснованные обвинения в участии в троцкистской организации, шпионаже в пользу Польши не подтвердились, Верховный суд БССР осудил его по статьям 72 и 76 на 10 лет лишения свободы за то, что Б. Микулич, работая в Белгосиздательстве, «содействовал изданию контрреволюционной художественной литературы». Эти слова он дословно запомнил. В пересыльных камерах Минской и Могилевской тюрем вместе с ним сидели белорусские писатели: В. Ходыко, С. Барановых, С. Знакомый, С. Остапенко, А. Звонак, С. Дорожный, А. Пальчевский, В. Межевич, В. Шашалевич и дру-

гие. В 1937 г. Б. Микулич был переведен в Мариинск Новосибирской области, в 1938 г. — в Решеты Красноярского края.

Микулич много писал писем-заявлений в разные инстанции, в которых очень просил пересмотреть прежний приговор. Перед самой войной Верховный суд БССР должен был пересмотреть его дело, но помешала война. Во время войны председатель Верховного суда СССР Голиков уведомил, что его дело утеряно, а восстановить невозможно по причинам военного времени. Потому до конца 1943 г. он являлся заключенным, пока ему не разрешили стать ссыльным. В лагере он работал сначала инженером, затем начальником отдела труда и зарплаты. В 1946 г. он купил книгу за двадцать пять рублей «История ВКП (б). Краткий курс». Он продолжал верить Сталину и считал, что тот ничего не знает о массовых репрессиях.

И можно представить себе, что почувствовал писатель, когда спустя 10 лет получил, наконец, письмо от Михася Лынькова, в котором были долгожданные слова: «Тов. Микулич! Никто не против Вашего возврата на родину. Само собой разумеется, что Вы всегда найдете работу у нас, любую, в том числе и литературную». Один радостный момент — и почти сразу отошли назад все невзгоды и боль, а впереди весело засветило солнце Надежды, Веры, Будущего. Писатель отметил в конце повести: «Я хочу жить, хочу работать, хочу писать».

Тюрьмы, этапы, лагеря, нечеловеческие условия, тяжелая работа на лесозаготовках, строительстве железной дороги, земляных работах, голод, холод подорвали здоровье, но не отбили желание писать. В 1943 г. он был переведен в категорию ссыльного, работал инженером, затем начальником отдела труда и зарплаты одного из лагерей, руководил художественной самодеятельностью Краслага.

Отбыв десятилетний срок, после освобождения в 1946 г. он поехал к своей старшей сестре Кате в Ашхабад, хотя официально жить в столицах ему было запрещено (ездил отмечаться по месту прописки — в Байрам-Али). Его сестра Екатерина, певица, трагически погибла вместе с семьей во время ашхабадского землетрясения в 1948 г.

Жадно накинулся на книги, перечитывал буквально все, что попадало ему под руку, и конечно же, сразу начал писать. Написал в Ашхабаде первую часть романа «Адвечнае». Записывал на память стихи, созданные в заключении («Вяшчун», «Прыкмета», «9 мая», «Казбек» и другие).

В Ашхабаде у Бориса Микулича была любимая женщина Ольга Сергеевна Юшкевич — художница, которая порвала с ним из-за его судимости, соответствующие органы заставили ее сделать это. Познакомилась с ним заочно через сестру Катю. Писала ему из Ашхабада, посылала книги, поддерживала морально и материально. Погибла во время землетрясения в 1948 г. В 1947 г. написала его сестре Марии: «Передайте Б. М., чтобы он мне ничего не писал, пока… пока он не станет полноценным гражданином». Вскоре она снова начала ему писать, но Борис писал: «…после тех пяти слов мне противны безымянные учительски-восторженные письмишки». Он не мог простить предательства.

Письмо Сталину он все же написал 11 апреля 1947 г. Писал его уже из Ашхабада, где жил у сестры и лечился. Завершал просьбу словами: «Прошу Вас помочь мне, товарищ Сталин, потому что очень тяжело жить без любимого дела». Имел в виду литературную деятельность. Разумеется, без помощи Сталина, но добился пересмотра дела. С него была снята судимость решением Верховного Совета БССР от 1 мая 1947 г. Но окончательно реабилитироваться так и не смог…

Находясь в Ашхабаде, постоянно стремился побыстрее вернуться на родину. Не дождавшись ответа на свои заявления о реабилитации, в июне 1947 г. вернулся в Беларусь. Жил в Бобруйске, затем у родственников по отцовской линии в Тереховичах на Логойщине, затем снова в Бобруйске, где ему удалось устроиться на работу в городскую библиотеку им. Пушкина (1946—49 гг).

Выписка из приказа № 1 от 1 января 1948 г.
по Бобруйской городской библиотеке

Принять на должность библиотекаря-передвижника
Микулича Бориса Михайловича с 1 января 1948 г.

Заведующая городской библиотекой Кладковая

При поступлении на работу, в личном деле в графе *какими языками владеет* указывал, что изучал французский, польский языки, знает украинский, белорусский.

Днем работал в городской библиотеке, а потом, вернувшись домой в маленькую комнатушку, писал. Писал долго, порой до глубокой ночи. Он торопился, словно чувствовал, что ему многое надо успеть сделать. Задолго до XX съезда им была написана «Повесть для себя» (первая часть ее опубликована в журнале «Нёман» № 3 за 1987 г.). Это — страстная исповедь, это — искреннее стремление разобраться в происходящем в стране. Вспоминая пережитое, Б. Микулич писал: *«...Я очень жалел, что нет сапог, в условиях сибирских лагерей — это самая универсальная обувь. Конечно, за десять лет можно было бы сделать сапоги. Но нужно было бы поступиться принципом и дать взятку, как делали (и делают) многие. Худо ли, хорошо ли, но мною всегда овладевала душевная дрожь, когда сталкивался с этим страшным явлением — взяточничеством. Есть и теория — десятки выживают только потому, что можно «доить» сотни. Худшие рабские, капиталистические элементы внедрились здесь, расслоили арестантскую среду на «плебеев» и «париев», на «работных» и «аристократов», «придурков». Вопреки директивам, приказам и законам установились свои внутренние законы, по которым живет лагерное сообщество, и в сущность их никак не могут проникнуть руководители, сколько бы они ни прилагали усилий. Я ухожу отсюда таким же бедным (материально), как и пришел, но знаю, что не найдется ни одного человека, который бы помянул меня худым словом и назвал бы вымогателем. Найдется, конечно, немало людей, которые скажут обо мне — чудак».*

Работая в библиотеке, Борис Микулич настойчиво и кропотливо собирает материал о деятельности коммунистического подполья в годы фашистской оккупации. Писатель встречается с партизанами, связными, подпольщиками, партийными работниками, действовавшими в тылу врага, и пишет повесть «Цяжкая гадзіна». В те годы еще не были обобщены и доступны документы о деятельности подпольных организаций и партизанских отрядов и соединений, многое для автора осталось неясным. Поэтому деятельность подполья в Крушинске (это вымышленное название, похоже, что в Бобруйске) изображена локально, оторвано от руководящих центров, возглавлявших борьбу в оккупированных районах. Но автору удалось передать пафос борьбы народ-

ных мстителей, показать преданность советских патриотов, создать живые образы самоотверженных подпольщиков.

Судимость была снята в ноябре 1947 г. В то время Борис Михайлович много писал — особенно про события Великой Отечественной войны («Цяжкая гадзіна», «Жыццяпіс Вінцэся Шастака», «Палеская аповесць»), однако опального писателя печатать никто не решался. Вот еще одно страшное порождение сталинщины — если человек не погиб в лагерях, ему было суждено полное забвение. Писатель жил, но его как будто и не было среди людей — волчий билет, выданный пожизненно, и только сестры, близкие и родные люди жалели его, понимали душевные страдания, старались хоть как-то сгладить его неприкаянную, неустроенную жизнь и даже высказывали мысль, что зря он связал свою судьбу с литературой. Но он спорил с ними, говорил, что сделал правильный выбор и не смог бы жить без литературы: «Нет, литературой я болен хронически и хорошо себя чувствую только тогда, когда пишу». В начале 1949 г. местом жительства Микулича снова стал знакомый ему по предыдущему десятилетию Красноярский край.

Выписка из приказа № 1 от 30 апреля 1949 г.
по Бобруйской городской библиотеке им. А. С. Пушкина

Библиотекаря Микулича Бориса Михайловича
считать уволенным с работы гор. библиотеки с 1 мая 1949 г.

Заведующая городской библиотекой *Зорина*

В апреле 1949 г. Борис Микулич — как и многие бывшие заключенные ГУЛАГа, был повторно арестован. Снова далекая дорога, Красноярский край, который стал для него своим. В ссылке он продолжал работать над новыми художественными произведениями.

Оказавшись в одном из лагерей ГУЛАГа, он не оставлял своих творческих задумок, находил возможность в короткие ночные часы отдыха восстанавливать в памяти и переводить на русский язык стихи Я. Купалы, продумывать сюжеты своих будущих произведений.

Снова пошли письма в родную Беларусь. Он просил родных, знакомых: побольше присылайте книг, книг, книг… Регулярно он переписывался с сестрами — Тамарой Михайловной, Евгенией Михайловной, которая работала учительницей в школах Паричского и Кличевского районов, и особенно с Муркой, как ласково брат называл свою младшую сестру Марию Михайловну. Вел переписку он и с известной белорусской актрисой Татьяной Бондарчик. Татьяна Андреевна Бондарчик (1902—1974), актриса Витебского, затем Бобруйского театров, в 30-е годы вместе с Б. Микуличем работала в Белгосиздате.

В 1953 г., уже после смерти Сталина, он пишет письмо Ворошилову со словами: *«Когда это кончится? Вот уже пятнадцать лет я терплю страдания и унижения — и за что? За надуманные преступления, за которые я уже ответил десятью годами лагерей, меня ссылают в Красноярский край. Я не бью себя в грудь и не каюсь, мне не в чем каяться; разве только в одном — что не пресеклась моя жизнь. Еще раз спрашиваю: когда кончится эта глупая и злая шутка с мнимым контрреволюционером?»*

С женой Марией Ивановной Смеляковой и приемным сыном Женей.1953 г.

Это письмо рассмотрели 23 сентября 1955 г. Установили, что следует признать постановление о ссылке необоснованным, дело прекратить, Микулича от ссылки на поселение освободить. «Глупая и злая шутка» продолжалась, «милосердные» судьи не видели за казенными словами человека, не удосужились узнать, что писателя уже больше года нет в живых.

Но это будет позже, а пока он живет в селе Машуковка Тасеевского района Красноярского края. Жил он в небольшом домике на Набережной улице, куда возвращался после трудового дня и снова садился за рукописи. В 1950 г. приехала учительствовать в деревню выпускница Канского педагогического училища Мария Смелякова. Они встретились — истерзанный жизнью 38-летний Микулич и молодая женщина — и в том же году поженились. Его близкие были обеспокоены его неустроенностью в личной жизни. Он был неудачно женат. Брак с Еленой Александровной Малиновской (Люсей), которой он посвятил свою книгу «Дружба», давно распался.

И вот он, наконец, обрел жену и сына, обрел счастье, но жить ему оставалось мало.

Его жена была из семьи «врагов народа», сосланных в Сибирь из Беларуси. Первый муж Смеляковой бросил ее с малолетним сыном после того, как ему отказали в приеме в партию из-за жены-кулачки. Сразу после женитьбы Борис Микулич начал строить дом. Кстати, он был первым из ссыльных, кто сделал это, чтобы не жить в бараке. В постройке дома помогали ему другие репрессированные. Но тут ухудшается здоровье писателя — обостряется язва желудка, которую он приобрел в канских лагерях. Операцию проводил ссыльный врач Наймущенко — без наркоза, из-за слабого сердца писателя. От мучительной боли он поранил руку о край стола. После операции Микулич перестал ходить в клуб и руководить драмкружком, но уговорил жену принять заведование клубом. Марии Ивановне Смеляковой после замужества запретили работать в местной школе «за сожительство с ссыльным контрреволюционером».

В последние месяцы жизни писатель работал над романом о леспромхозе, в котором он собирался рассказать о пережитом, обо всех унижениях и оскорблениях, перенесенных им за годы изгнания. Кроме того, он вел дневники, которые, к сожалению, затерялись (один из этих дневников читал белорусский писатель Станислав Шушкевич).

Человек, который не представлял себя без литературы, который в самых тяжелых и неблагоприятных условиях тянулся к листу бумаги и писал, последние отпущенные ему годы жизни вынужден был работать диспетчером конторы леспромхоза, играть в самодеятельном театре, орга-

низованном репрессированными, и благодарить судьбу, что его, больного, не отправили на лесозаготовки. На этот раз Борис Микулич на родину не вернулся.

Талантливый прозаик не успел написать своих лучших произведений. Он, наверное, чувствовал, что вот-вот судьба его должна измениться. Свежие ветры перемен веяли над страной. Только все чаще острая боль схватывала сердце. 17 июня 1954 г. ровно в пять часов утра он бессильно склонился на диспетчерский стол местного леспромхоза. Умер белорусский писатель, человек самобытного дарования, Борис Микулич от паралича сердца на 42-м году жизни, так и не дождавшись реабилитации, не дожив до нее всего трех месяцев. Говорят, в этот ранний час он работал над своим очередным произведением. Возможно, ибо настолько был увлечен литературой, что не мог позволить себе пропустить даже лишнего свободного часа. Его похоронили на сельском кладбище, вдали от родных мест…

Могила Бориса Микулича в далекой Машуковке. За ней ухаживают жители сибирского поселка, учителя местной школы, учащиеся — юные краеведы.

12 июня 2002 г. на могиле Б. М. Микулича был установлен надгробный памятник и могила обнесена металлической оградой. Памятник состоит из мраморного основания размером 60х120 см и мраморной стелы размером 60х120 см с надписью: «Белорусский писатель Микулич Борис Михайлович. 1912—1954».

В Машуковской средней школе учитель истории Михаил Георгиевич Захарцов с учениками собирает материалы о Б. М. Микуличе, создает музей истории поселка, в котором особое место займет история жизни нашего земляка.

В Бобруйске на Минском кладбище похоронены его родные: отец, мать и его младшая любимая сестра Мария, которой тоже в свое время пришлось нелегко. Она вспоминала: «Все знают, что я не предала брата, несмотря на то, что в 1937 году меня, девчонку, хорошо потрепали, предлагая от него отказаться...» На этом же кладбище где-то затеряны могилы еще двух сестер Бориса Микулича.

Жаль, но в его родном городе, кроме экспозиций, посвященных Микуличу в городском краеведческом музее и библиотеке № 4, ничего нет. Нет ни мемориальной доски на доме, где жил писатель, ни улицы, названной в его честь. Хочется надеяться, что его именем назовут библиотеку. Он это заслужил. Заслужил как Человек, как Писатель.

Я остаюсь таким же, каким пришел сюда.
Никто не помянет меня худым словом…

У Бориса Микулича молодой и светлый талант. Он оставил потомкам произведения, наполненные оптимизмом, верой в человека, который строит жизнь по законам добра и красоты.

Оценивая сделанное Микуличем, нельзя не удивляться его трудолюбию и творческой активности. С первыми рассказами он выступил в 1927 г. Свой рассказ «Міроніхін курган» напечатал в газете «Камуніст» (г. Бобруйск) в возрасте 15 лет. С тех пор имя Бориса Микулича все чаще появляется под рассказами, которые печатались на страницах литературного альманаха «Уздым» при газете «Камуніст», в республиканской печати. Печатался в журналах «Маладняк», «Вясна», газетах «Советская Белоруссия», «ЛіМ».

Он много путешествовал по Бобруйщине, «набирался фактов». Так возникли сюжеты рассказов «Цагельня», «Удар», «Прарыў». Один за одним начинают выходить сборники рассказов и повестей писателя: «Удар», «Чорная вірня», «Ускраіна», «Наша сонца», «Дужасць», «Яхант», «Дружба». Кроме этого Борис Микулич писал рецензии и статьи о творчестве белорусских и русских мастеров слова, хорошо знал театральную жизнь республики и выступал как театральный критик, занимался переводом.

Тематика произведений Б. Микулича довоенного периода самая разнообразная: события гражданской войны (рассказ «Адыйшло… Адкацілася», «Раяль»), зарисовки из деревенского и общественного быта (рассказы «Акалічнасць», «Воля сыновая»), подневольный труд китайских рабочих (новелла «Дума пра помсту»), угроза войны (статья «Рыхтуйцеся»), послеоктябрьская действительность (поэма «Ворагі», рассказ «Цагельня»), сложность борьбы нового и старого в деревне того времени (повесть «Чорная вірня»), сознание людей (повести «Наша сонца» и «Ускраіна», «Дужасць»). Повесть «Ускраіна» написана на материалах из жизни молодых строителей Бобруйского деревообрабатывающего комбината.

Издал сборники рассказов «Удар» и «Чорная вірня» (1931 г.), «Яхант» (1935 г.), повести «Наша солнца» и «Ускраіна» (1932), «Дужасць» (1934), «Дружба» (1936). Автор пьесы «Rot Front» (1933).

В произведениях, написанных в 1945—48 гг., обнаружилось стремление углубиться в прошлое белорусского народа, осмыслить пройденный им путь (1-я часть исторического романа «Адвечнае», в котором воссоздаются события 1812 г. в Беларуси).

Одним из первых обратился к показу героической деятельности подпольщиков во время Великой Отечественной войны (повесть «Цяжкая гадзіна»), послевоенного возрождения деревни (повесть «Зялёны Луг»).

Колоритно, правдиво, в полную силу художественной зрелости написаны повесть «Жыццяпіс Вінцэся Шастака» и тонкая лирическая повесть «Развітанне», посвященная Максиму Богдановичу. Борис Микулич долгие годы был связан сердечной дружбой со Змитроком Бядулей, в семье которого до самого отъезда в Крым жил Богданович. Подробные живописные рассказы Бядули о встречах с Богдановичем, о его характере, облике, истоках творчества, яркие бытовые детали послужили основой повести Микулича о великом белорусском лирике.

В 1946 г. написал документальное произведение «Повесть для себя» в форме дневника. «Повесть для себя»… Так скромно Борис Микулич назвал свое произведение, в котором рассказал о своей страдальческой одиссее. Видимо, не очень был уверен, что когда-либо оно будет обнародовано. И хотя эта повесть называется «Повесть для себя», но писал его Б. Микулич не только для одного себя, он создавал записи для потомков, ибо даже в те суровые и мрачные времена понимал, что рано или поздно история рассудит, кто виноват, а кто нет, она докажет правильность пути одних и жестокость других, их бесчеловечность, которая привела к множеству никому не нужных жертв и потерь. Сорок долгих лет повесть не печаталась, хранилась в спецархивах, и только в 1987 г. она увидела свет. Перед читателями предстал облик Б. Микулича, который даже в тюрьме и ссылке оставался самим собою, оставался честным, кристально чистым человеком. Прочитав произведение, обязательно обратишь внимание на то, что у автора не изменилось отношение к советской власти, что он так же чутко реагировал на перемены в социальной жизни страны, и только кое-где промелькнет несколько слов:

«За что? Я же мог столько пользы принести людям на воле?» Читая книгу, чувствуешь боль автора, и физическую, и моральную, от несправедливости. Повесть написана в форме дневника, причем за очень короткий срок, с 16 августа по 6 ноября 1946 года.

Последние строки его «Повести для себя», отмеченные 20 июня 1948 г.: «Итак, ставлю точку. «Повесть для себя»? Нет! Я хочу, чтобы этот «конспект» повести был для всех, чтобы они любили и ценили жизнь и чтобы не расставались с мечтой!.. Прощайте, мои одинокие часы, мучения, сомненья. Я начинаю новую жизнь или…» А перед этим: «Образы ненаписанных книг теснятся вокруг меня, снятся мне, со мною ходит рядом красивая моя мечта, которая поддерживала меня и в ветреной новосибирской степи, и в морозы Красноярска, и в грязи этапов, и в угольной пыли «пятьсот веселого»… Она улыбалась мне на черноморском побережье, на домнах Магнитки, на проспекте Сталина в Красноярске, на Дворцовой площади и на Остоженке. Она была и на берегу Гайны, и в тайге…

Неужели ты покинешь меня теперь, моя золотая подруга мечта?!»

В 1959 г. был издан сборник его повестей и рассказов «Выбранае».

Борис Микулич писал на своем родном белорусском языке, некоторые его произведения переведены на русский язык.

Переводил на белорусский язык роман А. Веселого «Страна родная» (с Р. Бахтом, 1932 г.), повесть У. Лидина «Могила неизвестного солдата» (1934 г.).

Просматривая теперь его книги, поражаешься его трудолюбию, его вдохновению, за четыре года, с 1931-го по 1935 год, было написано 7 книг. От книги к книге росло литературное мастерство Микулича, его требовательность к своему труду. Когда молодой писатель, оторванный от литературного окружения, от любимой работы, оказался в необычайно трудных условиях, он все же не прекращал писать. Еще более одержимо работал писатель в 1946—48 гг., когда смог вернуться к литературной деятельности. Он писал словно за все прежние годы вынужденного своего молчания. Писал и тогда, когда снова был невинно осужден, писал повести, дневник, и даже сказки для маленького приемного сына Жени (в 1951 г. ему было 2,5 года). До последнего удара сердца Борис Микулич писал. И умер он над рукописью.

Когда-то Виталий Коротич сказал: «Надо жить в литературе, веря в то, что завтра она будет чище и умнее, чем сегодняшняя, иначе не нужно было бы писать». Эти правдивые слова можно полностью отнести к оригинальному и самобытному белорусскому писателю Борису Микуличу.

Борис МИКУЛИЧ

Ищу и не найду

Дом Янки Купалы

Распахнуты окна — и стен больше нет, —
Лишь солнце, лишь ветер, лишь синие дали!.. —
Как будто бы чащи лесные привет
Сюда с делегацией вместе прислали;

Как будто бы сосны, орешник и ель,
Шагнув через зданья, — какая беспечность! —
Легко перебравшись через панель,
Пришли и решили остаться навечно…

И запахи леса с собой принесли,
Смесь теплого мха и прохладной брусники…
В траве прикрывает березовый лист
Грибное богатство — попробуй, возьми-ка!..

А дальше пошла кутерьма и разброд —
Кривая калина да тополь отличный…
Иной удивлялся: поэты — народ,
Как видите сами, совсем непрактичный.

Поставить бы стриженых яблоней ряд,
Обрызгать листву купоросом железным,
Разделать бы сотню причесанных гряд —
Пристойней оно и полезней!

Вот медленно вышел из комнаты в сад
Виновник смещенья понятий и правил,
Высокий и статный, и вдумчивый взгляд
На что-то диковинное направил.

И кажется нам, что вот так и должны
Деревья встречать его дружным объятьем,
Вне шума которых не может он жить,
Не может писать, ни грустить, ни смеяться;

И кажется нам, что и города нет —
Плывут облака над лесами Полесья.
И песню слагает народный поэт
О жизни над быстрой рекою Орессой;

И кажется нам, что туманен рассвет,
Что вытканы звезды по бархату ночи,
Что песню девчата поют, что в ответ
Им эхо лесное гудит и хохочет;

Что сытые кони степенно идут,
Воза проплывают большие за ними,
Что хлопцы сурьезные назовут
Когда-нибудь песенниц бойких своими…

Поэт улыбнулся, — блеснули глаза, —
Такой никогда не стареет!..
Ведь с прежнею силой бушует гроза,
Ведь наше вино не слабеет.

Гроза бушевала… И в бурю поэт
Возвысил могучий свой голос:
— Пусть высохнут реки, померкнет пусть свет,
Последний истлеет пусть колос!..

Пусть встанет народ!.. —
Уходили в леса
Герои творений Купалы.
Разрушенный дом… И изрубленный сад…
Пожарище минских кварталов…

Какую же почесть Купале воздать?
Ведь песня, как сердце, забилась…
Наполним бокал и поднимем опять,
Как с ним поднимать приходилось...

Ищу и не найду…

О. С. Ю.

Я услыхал ее, когда угас закат.
Ночь обмывала нас прозрачною волною.
И лишь дымок костра в зеленый аромат
Вливался струйкою, слегка иною.
Казалось, что поет она одна,
А хор девчат — как подмалевок тушью.
И грезилось: с серебряного дна

Всплывают лилии ее послушать.
И вдруг она ушла. И песню увела.
Над ухом конь жевал неторопливо.
Смеялись у костра. Трава была тепла.
Бледнели звезды. Делалось тоскливо.
И я вослед пошел. Река — мне на пути.
По ней венки плывут. Увядшие ромашки.
Я — в гору, чтоб в селе девчат опередить,
Но мельница крылом сочувственно мне машет.
К кринице след идет, за ним и мне идти.
Гусь белый полыхнул, бесспорный утра вестник.
Прислушайся. В возне и щебетанье птиц,
Быть может, прозвучит хоть отголосок песни.
Вот — камень. А вокруг мелькают незабудки.
Здесь ожерелье бросила она…
Куда же мне идти? А голос манит будто.
Нет, это рожь шумит, и вторит ей сосна.
День мира наступил: журавль пронзает небо;
Телок мычит в хлеву, открой — и замолчит;
Колхозниц ждут поля отменнейшего хлеба,
В руках у них серпы, в глазах от них — лучи.
Я подойду, спрошу, но как зовут — не знаю.
Лишь голос знаю я — он все звучит во мне.
Боль сердца моего — ее я называю,
Ношу ее в себе и не расстанусь с ней.

Ржаной колос

Стоял он на земле родной.
Где отчий дом — там груда камня,
Средь рыжих сорняков — бревно,
Свидетель горестей недавних.

А дальше — вырубленный сад,
Дичков напористая поросль.
И с запустеньем невпопад
Качается созревший колос.

Он зерна в горсть с него собрал,
Полсотни их, наверно, было…
И пепел в сердце застучал,
В ответ оно сильней забилось….

Он твердо знал, что земляки
Отстроят новый дом чудесный,
И в окна будут плыть с реки
По вечерам девичьи песни.

Те песни Родины моей,
С которыми в поход идут
И, как винтовку, берегут;
Которых в плен не уведут,
В печах немецких не сожгут,
Которых смерть не побеждает…
И если горе настигает —
Они звучат еще сильней.

Лиственница, лесоруб и я

Опыт оды

Точно из бронзы, в красноватой броне
Высится лиственница — не осилишь вдруг.
Лесоруб недоволен, когда о ней
Настойчиво говорит технорук.

Недоволен и я, когда поэт лжет
О том, что пила поет.
Очень часто бывает — ее зажмет,
Или точнее — заест ее.

И тогда пыхтишь, и десятый пот
Тяжел, как и сердца удар.
Уж если поет что, то поет во весь рот
Надоедливый, липкий комар.

И когда осторожно загонишь клин,
Ослабишь пилу слегка —
Снова медленно из-под пилы
Опилок плывет река.

И когда допиливаешь толстый ствол,
Сантиметров примерно шестьдесят пять, —
О природах не думаешь, упрям и зол,
А думаешь об одном — допять!

Качнувшись слегка и вздохнув слегка,
Падать начинает, медлительна и тяжела,
И вот тогда понимаешь — легка
И благословенна земля.

Смахнешь ладонью пот тогда
С опаленного солнцем лица,
Закуришь махорки, улыбнешься — да!
Вселенная, я твой царь!

Я десятки дерев повалил сам,
Это значит — съел соли пуд,
И я рад, что растут новостроек леса,
Из бревен моих растут.

Но когда возвращается в дом лесоруб
Или входит в наш клубный зал —
Я хочу, чтоб оркестр из серебряных труб
О победе его возвещал.

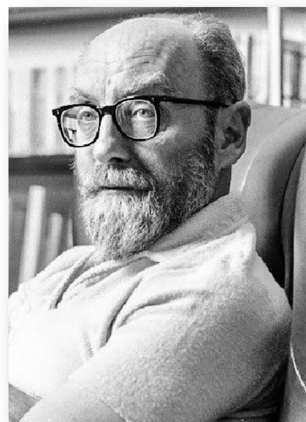
Родник

О. С. Ю.

Ни с чем нельзя сравнить такую тишину!
Нет слов, чтоб выразить тоскливое безмолвье.
Лишь можно угадать, в какую глубину
Уронишь сердце вдруг и потеряешь волю.
Как обморок! Такой в меня вошла тайга.
Я вместе с ней замерз, уже не отогреешь.
Красавица? Мороз! Величие? Не лгать!
Лесная музыка? Лишь сухостоя скрежет.
Я шел без поисков, он сам собой возник.
Так грешнику порой является надежда.
Затерянный в снегах, горячий бьет родник,
Неистовый такой, уютный, даже нежный.
И сразу стало мне спокойно и легко:
Ты ждешь меня в поселке лесорубов.
И смотришь на часы. А в лампе — огонек.
И музыка доносится из клуба.
Та музыка плывет к нам из Москвы,
И мерно бьют часы Кремлевской башни.
С тобою слушать их давно уже привык,
И было бы без них неполным счастье наше…

* * *

Если я не увижу сегодня тебя,
То и это, наверно, снесу.
Горевать любя и любить скорбя —
В этом, видимо, жизни суть…



Десмонд БЭГЛИ

Бегущие наобум[*]

Роман

V

Я протянул руку к карабину, но помедлил. Видимость ухудшалась с каждой минутой, пушечка Грэхема для меня была незнакомым оружием, а ее короткий ствол делал невозможным точное попадание в человека при выстреле издалека. Расстояние составляло около трехсот метров, поэтому попадание скорее было делом случая, нежели рассчитанного действия.

Если бы я располагал собственным карабином, то мог бы застрелить Кенникена так же легко, как и оленя. Однажды я всадил в оленя мягкую пулю, и зверь бежал еще с километр, прежде чем упал мертвым, а выходное отверстие пули было таким большим, что можно было вложить в него кулак. Человек не смог бы так долго прожить, у него слишком тонкая нервная система, и он не перенес бы такого шока.

Но я не держал сейчас в руках собственное оружие, а стрельба в белый свет как в копеечку не давала шансов на успех. Таким образом, я бы только предупредил Кенникена, а лучше, чтобы он остался в неведении. Поэтому снял палец со спускового крючка и сконцентрировался на том, что могло произойти.

Появление Кенникена прекратило дискуссию. Меня это не удивило, потому что, работая с ним, довольно хорошо его знал. Он не привык тратить время на пустые разговоры. Выслушивал, что ты мог ему сказать (и сохрани тебя Бог, если что-нибудь не так), а затем принимал решение. В эту минуту он как раз этим и занимался.

Я усмехнулся, увидев, как один из мужчин показывает ему на следы лендровера, исчезающие в реке, а затем указывает на другой берег. В месте, где мы выбрались из воды, не осталось никаких следов, потому что нас выбросило боком; их отсутствие представляло загадку для каждого, кто при этом не присутствовал.

Собеседник Кенникена выразительно указал вниз по течению. Однако Кенникен покачал головой, не принимая его выводов. Вместо этого он что-то сказал, щелкнув нетерпеливо пальцами, после чего кто-то из его людей кинулся как ошпаренный и тотчас вернулся с картой. Кенникен внимательно изучил ее, а затем указал вправо. По этому знаку четверо прибывших вскочили в джип, который быстро развернулся и поехал по дороге назад. Через минуту он съехал с дороги и двинулся напрямик, подскакивая на неровностях.

---

[1] Продолжение. Начало в № 3 за 2017 г.

Этот маневр поначалу меня удивил, однако я вспомнил, что именно в этом направлении недалеко отсюда находится небольшая группа озер под названием Гаесаветн. Если Кенникен надеялся, что я разбил бивак там, то его ждет разочарование. Однако такое решение говорило о его старательности и методичности.

Тем временем экипаж оставшегося джипа занялся оборудованием лагеря здесь же, поблизости от дороги, не демонстрируя при этом необходимой сноровки. Кто-то из экипажа подошел к Кенникену с термосом и почтительно подал ему кружку с горячим кофе. Кенникен взял напиток и, попивая маленькими глотками, по-прежнему стоял на берегу реки, всматриваясь в противоположный берег.

Я опустил бинокль и осторожно попятился назад, стараясь не производить ни малейшего шума. Сошел с гребня лавы, перевесил карабин через плечо и поспешил к лендроверу. Убедился, что автомобиль не оставил следов в месте, где мы свернули с дороги. Я допускал, что Кенникен не будет заставлять одного из своих людей перебираться через реку вплавь, в этом случае я мог бы их количество значительно уменьшить. Однако на всякий случай хотел убедиться, что никто не сможет легко пойти по нашим следам.

Элин крепко спала. Лежала на левом боку, закутавшись в спальный мешок. К счастью, спала всегда спокойно, без храпа и сопенья. Не было причин будить ее. Мы никуда не собирались, как и Кенникен. Я зажег карманный фонарик и, прикрывая его рукой, чтобы не разбудить Элин, принялся шарить в ящичке. Нашел катушку черных ниток.

Затем вернулся на дорогу и протянул через нее нитку на высоте примерно тридцать сантиметров, закрепив двумя обломками лавы. Если бы Кенникен появился ночью, я бы знал об этом, хоть и двигался бы он сверхосторожно. Мне не улыбалось переправиться утром через реку только для того, чтобы попасть в руки Кенникену.

Потом пошел к реке. Уровень воды продолжал падать, и при лучшей видимости можно было бы с грехом пополам попытаться переправиться через реку уже сейчас. Однако я не хотел рисковать переправой без света фар, а их свет, в свою очередь, осветил бы темное небо. Банда Кенникена находилась поблизости.

Я упал на сидение, не раздеваясь. Не рассчитывал, что в таких условиях мне удастся заснуть, тем не менее, поставил ручной будильник на два часа. И это оказалось последним, что запомнил, до того момента, как он разбудил меня, жужжа, словно разъяренный комар.

В пятнадцать минут третьего мы были готовы двинуться.

Как только зазвенел будильник, я разбудил Элин, не обращая внимания на ее сонные протесты. Когда она узнала, что Кенникен близко, вскочила без промедления.

Черная нитка оказалась на месте, не проезжал здесь ни один автомобиль. Вода в реке текла спокойно и на низком уровне, что обещало легкую переправу. Возвращаясь, посмотрел на восток: короткая северная ночь подходила к концу. Я решил переправляться немедленно, чтобы как можно дальше оторваться от преследования.

Элин выступила с другим предложением.

— А может, останемся здесь и позволим им проехать? Просто пропустим их. Они бы проделали большой путь, пока сообразили, что гонятся за призраком.

— Нет, — возразил, — мы знаем, что они приехали на двух джипах, но не знаем, сколько их всего. Пропуская их вперед, мы можем оказаться

стиснутыми, словно мясо в пирожке, а это не очень приятно. Переправляемся сейчас.

Завести мотор без шума — это искусство. Желая заглушить характерный скрежет, я укутал стартер одеялами. Снял их только тогда, когда мотор заработал на малых оборотах. Направляясь к реке, очень аккуратно касался педали газа. Переправа прошла легко, хоть и не так тихо, как хотелось. Через минуту мы уже ехали в сторону очередной реки.

Я поручил Элин вести наблюдение за дорогой сзади нас, а сам старался ехать как можно быстрее, одновременно пытаясь сохранить максимальную тишину. На протяжении четырех километров преодолели еще две реки. Затем выехали на отрезок дороги, бегущий какое-то время на север, и тогда я увеличил скорость. Мы находились уже настолько далеко от Кенникена, что скорость приобретала большее значение, чем тишина.

Как сказала Элин, на трассе в шестьдесят километров нас ожидали шестнадцать рек. Не считая времени, потраченного на переправы, мы передвигались со средней скоростью двадцать пять километров в час несмотря на усталость, что в этих условиях было и так очень большой скоростью. Я подсчитал, что в таком темпе доберемся до главной дороги на Сирингисандур где-то за четыре часа. На самом деле мы потратили шесть часов, поскольку некоторые реки оказались довольно трудными для переправы.

Добираясь до шоссе на Сирингисандур, мы пересекли водораздел. С этого момента все реки текли уже на юг и запад, а не север и восток. На трассу выехали в половине девятого.

— Время завтракать, — сказал я. — Переберись назад и что-нибудь приготовь.

— Ты не остановишься?

— Бога ради, нет! Кенникен наверняка уже несколько часов в пути. Мы не знаем, насколько он далеко от нас. Но я не ощущаю горячего желания проверить это на собственной шкуре. Хлеба с сыром и пива нам вполне хватит.

И мы позавтракали, не прерывая езды. Остановились только раз, в девять, чтобы перелить в бак бензин из последней канистры. Как раз этим занимались, когда в небе показался вчерашний вертолет, принадлежащий американскому военно-морскому флоту. На этот раз он появился с севера и, не снижая высоты, пролетел над нами, делая вид, что не обращает на нас никакого внимания. Я смотрел, как он уходит на юг.

— Меня это интригует, — отозвалась Элин.

— Меня тоже.

— Но не так, как меня, — добавила она хмуро. — Американцы обычно не патрулируют территорию страны.

— Поскольку ты об этом вспомнила, должен признать, что событие действительно поразительное.

В Исландии существует некоторое напряжение, связанное с постоянным присутствием американских войск в Кеблавике. Многие исландцы считают, что страну принудили к этому, и трудно их в этом обвинить. Американские власти знают об этом и стараются как можно меньше бросаться в глаза. Вертолет, демонстративно летающий в небе Исландии, действительно, что-то необычное.

Я пожал плечами и выбросил из головы мысли о вертолете, сосредоточившись на выдавливании последней капли бензина из канистры. Когда мы двинулись дальше, я не увидел позади нас признаков чьего бы то ни было присутствия.

Мы начали последний этап путешествия, выехав на прямую, хоть и тряскую дорогу между рекой Тхерса и горным хребтом Будархалс. Перед

нами на расстоянии семидесяти километров лежали главные трассы, если так вообще можно назвать какие-нибудь дороги в Исландии. Однако даже самая паршивая из дорог может показаться совершенным шоссе по сравнению с дорогами, пересекающими Обыгдир, особенно когда грунт размякнет. Это одна из проблем, возникающих в июне, когда земля, скованная льдом, тает, переходя в кисель, в котором вязнет автомобиль. Поскольку мы ехали лендровером, это препятствие преодолели, но вынуждены были значительно уменьшить скорость. Радовало лишь то, что то же самое ждет Кенникена при въезде на болотистую дорогу.

В одиннадцать случилось наихудшее — пробили переднюю шину. Нас так бросило, что я еле удержал руль.

— Мы не можем терять время, — сказал я, хватая колесный ключ.

В сущности, нам повезло, что пробили шину здесь, а не в другом месте. Грунт оказался не очень мягким и к тому же ровным, поэтому домкрат не скользил. Я поднял переднюю часть лендровера и принялся снимать колесо. Элин с ее больным плечом ничем помочь не могла, поэтому попросил ее:

— Приготовь, пожалуйста, кофе, нам он кстати.

Снял колесо, отбросил в сторону, а на его место поставил запасное. Вся операция заняла десять минут, но тем не менее для нас это была большая потеря времени. Если бы мы добрались дальше на юг, то имели бы шанс затеряться в разветвленной сети дорог, но на пустынной дороге, где все еще находились, у нас не было выбора.

Закрепив последнюю гайку, подошел к пробитому колесу, чтобы поставить его на место запасного и заодно установить причину аварии. То, что увидел, заморозило мне кровь в жилах. Поковырял пальцем разорванное отверстие в толстой шине и перевел взгляд на возвышающийся над дорогой горный хребет Будархалс.

Только единственная вещь могла продырявить шину таким образом: пуля. Где-то там высоко сидел укрытый в горной расщелине снайпер. Вполне возможно, что именно сейчас он держал меня на мушке.

«Как, черт возьми, Кенникен смог меня опередить?» — с горечью подумал я. Однако бесплодное размышление ничего не могло изменить, нужно действовать.

Поставил колесо с продырявленной шиной и принялся его старательно закреплять. Работая ключом, украдкой посматривал в сторону скал, от которых нас отделяло метров двести открытого пространства. Снайпер мог находиться не менее чем в четырехстах метрах от нас, а может, и дальше. Тот, кто способен прострелить шину на таком расстоянии, должен быть великолепным стрелком. Настолько хорошим, что мог бы послать мне пулю когда только захочет, так почему же, черт возьми, этого не сделал? Я был прекрасно виден, представлял отчетливую цель, но тем не менее, в мою сторону ни один выстрел не прозвучал. Закрепил последнюю гайку и повернулся спиной к хребту Будархалс. Почувствовал колющую боль между лопатками. Если бы раздался выстрел, пуля бы вошла именно туда.

Я соскочил на землю, положил ключ и домкрат, стараясь все время вести себя естественно. Ладони были мокрыми от пота. Обошел лендровер сзади и заглянул в открытую дверь.

— Что с кофе?

— Готов, — ответила Элин.

Я забрался в автомобиль и сел. Пребывание в закрытом помещении создавало иллюзию безопасности, хотя всего лишь иллюзию. Уже второй раз пожалел, что лендровер — не броневик. С переднего сидения я мог

осматривать склоны хребта, не возбуждая подозрений, чем и воспользовался сполна. Вокруг красновато-серых скал не заметил никакого движения. Никто не показался, не помахал рукой, не крикнул слова приветствия. Если кто-то там был, то вел себя тихо. Он знал, что делает: если посылаешь кому-нибудь пульку, то лучше уйти с глаз долой; он может взять реванш и ответить тем же.

Вопрос только, продолжал ли тот тип оставаться там же? Логика отвечала, что да, кто же в здравом уме, прострелив шину автомобиля, исчезает просто так. Торчал там наверняка, ожидая и не спуская с меня глаз. А если так, почему не взялся за меня? Я не мог найти в этом какой-нибудь смысл. Пожалуй, если у него было задание только остановить меня.

Глядя невидящим взором на Элин, подсыпающую сахар в банку, понял, что если мои выводы не ошибочны, то значит, люди Кенникена приближаются ко мне с двух сторон. Радиосвязь — великолепное изобретение. Тип, скрывающийся в горах, получил приказ задержать меня до прибытия Кенникена, что выдавало его желание видеть меня живым.

Интересно, что бы случилось, сядь я за руль и попытайся двинуться? Все говорило о том, что следующая пуля разорвала бы вторую шину, а попасть в неподвижную цель гораздо проще. Не пытался узнать ответ: у меня ограниченный запас колес, и я его как раз весь использовал.

Решив, что цепь моих размышлений не имеет слабых звеньев, предпринял шаги, чтобы выбраться из-под дула карабина. Достал из-под матраса спрятанную там палку Линдхольма и сунул ее в карман.

— Идем, — хрипло сказал, но должен был замолчать, чтобы откашляться, — выпьем кофе на воздухе.

Элин посмотрела на меня с удивлением.

— Я думала, мы торопимся.

— Мы едем довольно быстро, — возразил. — Опережаем их уже, пожалуй, настолько, что можем позволить себе небольшую передышку. Возьми чашки, а я принесу кувшин и сахар.

Многое бы отдал за возможность забрать с собой карабин, но уж слишком очевидно; ничего не подозревающий человек не начнет пить кофе вооруженным до зубов.

Я выскочил через заднюю дверцу и отобрал у Элин кувшин с кофе и банку с сахаром. Поставил все на заднем бампере и помог ей выйти. Правая рука у нее по-прежнему висела на перевязи, однако левой она могла держать чашки и ложечки.

— Пройдемся к подножию скал, — предложил и двинулся в том направлении, не давая времени на дискуссию.

И мы побрели по открытому пространству в сторону гор. Я выглядел ходячей добродетелью: в одной руке нес кувшин с кофе, в другой — банку с сахаром. Имелись также нож в носке на левой ноге и палка в кармане, но этого не было видно. Когда мы приблизились к хребту, перед нами неожиданно выросла небольшая скальная стена. Я подумал, что наш приятель, укрытый где-то в скалах, занервничает. Вот-вот мы исчезнем с его поля зрения, и он должен немного высунуться, чтобы нас видеть.

Я повернулся к Элин, словно желая что-то сказать, а затем быстро развернулся, бросив одновременно взгляд вверх. Не увидел ничего конкретного, но старания не прошли даром. Заметил блеск: что-то, как отражение света, которое тотчас исчезло. Разумеется, это мог быть и луч солнца, отразившийся от поверхности лавы, но ведь лава не прыгает в разные стороны, тем более когда совершенно застыла.

Я заметил то место и, не глядя больше вверх, пошел дальше. Мы добрались до основания скальной стены высотой около шести метров. Там росли

карликовые березы, маленькие деревца с деформированными стволами, не выше тридцати сантиметров. В Исландии бонсаи растут естественно, и меня удивляет, почему ее жители не экспортируют миниатюрные деревья в Японию. Я нашел свободный кусочек земли, поставил кувшин и банку с сахаром. Потом сел и подтянул штанину брюк, чтобы достать нож.

Элин подошла.

— Что ты делаешь? — спросила.

— Слушай внимательно и не впадай в панику. Где-то там, наверху, сидит парень, который только что прострелил нам шину.

Элин смотрела на меня, вытаращив глаза и не говоря ни слова.

— Здесь мы для него невидимы, но не думаю, что этот факт его беспокоит. У него задание задержать нас до прибытия Кенникена, и он его выполняет блестяще. Пока видит лендровер, он знает, что мы не ушли далеко.

Я вложил нож за пояс: быстро вытянуть его из-за носка возможно лишь надев традиционную шотландскую юбку.

Элин присела передо мной.

— Ты уверен?

— Без сомнений. Такая дыра сбоку на новой шине не возникает сама по себе.

Я поднялся и посмотрел на горный хребет.

— Я должен выкурить оттуда эту дрянь. Догадываюсь, где он.

Показал на расщелину у края скалы, разлом сантиметров сто двадцать высоты.

— Спрячься там и жди. Не выходи, пока тебя не позову. И прежде чем сделаешь движение, убедись, что это я.

— А если ты не вернешься? — спросила она хмуро.

Элин — реалистка. Увидев ее напряженное лицо, ответил, осторожно подбирая слова:

— В этом случае, если ничего не произойдет, сиди здесь до темноты, а потом беги к лендроверу и уезжай куда глаза глядят. Если все-таки появится Кенникен, старайся держаться от него подальше, а лучше вообще не показывайся ему на глаза, — пожал плечами. — Но я постараюсь вернуться.

— А должен ли вообще идти?

Я вздохнул.

— Мы обречены на неизвестность, Элин. Не можем отсюда двинуться, пока этот шутник держит наш лендровер на мушке. А что, по-твоему, я должен делать? Дождаться Кенникена и отдаться ему в руки?

— Ведь ты безоружен.

Я похлопал по рукоятке ножа.

— Справлюсь. Ну, а сейчас делай то, что сказал.

Провел Элин к скальной расщелине и помог ей туда взобраться. Там было, конечно, неудобно: расщелина составляла едва сто двадцать сантиметров высоты и сорок пять ширины. Элин вынуждена была сидеть скрючившись. Бывают, однако, худшие вещи, чем терпеть неудобства.

Я принялся обдумывать дальнейший план действий. Горный хребет пересекали овраги, пробитые в мягких породах водными потоками. Взбираясь по ним, я мог оказаться незамеченным. Хотел добраться до места, откуда исходил мгновенный блеск. Во время военных действий, а ведь это была война, тот, кто занимает вышерасположенную позицию, имеет преимущество над противником.

Я двинулся, взяв влево и стараясь держаться поближе к скалам. Наткнулся на овраг, тянувшийся метров на двадцать вверх, но прошел мимо, так как он заканчивался, не доходя до хребта. Следующий выглядел получ-

ше, поскольку доходил до самой вершины. Я углубился в него и начал подъем.

Еще во время учебы я посещал альпинистскую школу, инструктор которой любил повторять: «…если идешь вверх или вниз, никогда не следуй за ручьем или потоком». Рассуждение верное, ибо вода, стекающая с гор, выбирает самый короткий путь, что обычно означает — самый отвесный. Поэтому обычно человек держится голого склона и обходит овраги. Но в необычной ситуации у него есть выбор: или карабкаться по чертовски отвесной, скользкой, вылизанной водой расщелине, или получить пулю в лоб.

У основания скалы стены оврага достигали высоты трех метров, поэтому опасности быть обнаруженным не существовало. Однако чем дальше вверх, тем овраг становился все менее глубоким. В конце его глубина уменьшилась до полуметра, так что мне пришлось ползти на животе. Когда я, наконец, добрался до места, где дальнейший путь оказался невозможным, выяснилось, что нахожусь прямо над снайпером. Осторожно высунув голову из-за груды лавы, оценил свое положение.

Далеко внизу виднелся на дороге одинокий силуэт лендровера. Около шестидесяти метров вправо и тридцати ниже находилось укрытие снайпера. Его закрывали глыбы, выступающие с поверхности скалы. Это меня устраивало: раз я его не вижу, значит, и он меня не видит. Поэтому мог под охраной этих глыб подобраться к нему поближе. Однако особо не торопился, отдавая себе отчет, что людей может быть больше. Черт побери, я бы не удивился, обнаружив с дюжину парней, устроившихся на вершине хребта. Я замер и, задержав дыхание, тщательно осмотрел каждую скалу в пределах моего взгляда.

Не заметил ни малейшего движения, поэтому выполз из ущелья и двинулся в сторону валунов, передвигаясь по-прежнему на животе. Когда туда добрался, с минуту отдохнул, прислушиваясь. До меня доносился лишь шум далекой реки. Снова пополз, огибая кучу камней, и теперь взял в руку палку.

Высунул голову из-за скалы и увидел их. Укрылись в углублении на стоке, метров пятнадцать ниже моего месторасположения. Один лежал на земле с карабином, выдвинутым вперед, опираясь стволом на подложенный пиджак. Второй сидел несколько сзади и ковырялся в переговорном устройстве. Во рту держал незажженную сигарету. Я принялся размышлять. С одним я как-нибудь уж справился бы, а с двумя мог бы и не совладать, не имея огнестрельного оружия. Я осторожно огляделся вокруг и нашел место, откуда мог свободно за ними наблюдать, будучи сам практически невидимым. Оно находилось за двумя почти вплотную сдвинутыми скалами, между которыми существовал просвет в сантиметра два.

Парень с карабином лежал совершенно неподвижно, демонстрируя огромное терпение. Я мог без труда понять, что имею дело с опытным охотником, который провел не один час на склонах гор в ожидании, пока жертва окажется в радиусе досягаемости выстрела. По сравнению с ним другой вел себя нервозно: вертелся, чесался, прихлопнул овода, усевшегося ему на ногу, и все время ковырялся в портативном переговорном устройстве.

Я замер, увидев какое-то движение у подножия хребта. Мужчина с карабином тоже напрягся, весь подобрался. Это показалась Элин. Вышла из-за скрывавшей ее скальной стены и зашагала к лендроверу.

Я выругался про себя: что она, черт возьми, вытворяет! Тип с оружием крепко прижал приклад к плечу и взял ее на мушку. Вел за ней

карабин, не отрывая глаз от телескопического прицела. Если бы он нажал на спусковой крючок, не знаю, что бы я сделал с этими негодяями несмотря ни на что.

Элин подошла к автомобилю и забралась внутрь. Не прошло и минуты, как появилась снова и зашагала обратно к скальной стене. На половине дороги что-то крикнула и бросила какой-то предмет перед собой. Я находился слишком далеко, чтобы рассмотреть его, но у меня создалось впечатление, что это пачка сигарет. Шутник с карабином рассмотрел это гораздо отчетливей, ведь он располагал одним из самых больших телескопических прицелов, какие я видел.

Элин исчезла под укрытием скалы, а я вздохнул с облегчением. Она сыграла свою роль с очевидной целью, стараясь сохранить противника в уверенности, что хоть я и не виден с горы, но, тем не менее, нахожусь там все время. И ей это удалось. Снайпер явно расслабился, повернул голову и что-то сказал коллеге. Говорил тихо, и я не мог разобрать слов, однако заметил, что нервный отреагировал смехом.

У самого же явно не ладилось с переговорным устройством. Выдвигал и задвигал антенну, щелкал переключателями и крутил настройку, пока не бросил аппарат на росший рядом мох. Сказал что-то снайперу, показывая вверх, на что тот согласно кивнул. Через минуту нервный встал и зашагал в мою сторону.

Я осмотрелся в поисках места для засады и заметил рядом с собой двухметровый валун. Оставил просвет между скалами и присел за ним, крепко сжимая палку. Слышал, как он приближается. Кстати, он не старался двигаться тихо. Ставил с треском ботинки на землю, а в какой-то момент поскользнулся на щебне, и я услышал, как он бормочет какое-то ругательство. Когда мимо меня прошла его тень, я вырос у него за плечами и нанес удар.

Ходит много вздорных теорий на тему ударов по голове. Некоторые, например, сценаристы кино- и телевизионных фильмов, считают, что они практически безопасны, как и обезболивающее средство, применяемое в операционных. По их мнению, в результате удара наступает лишь минутная потеря сознания, заканчивающаяся головной болью, не более докучливой, чем после перепоя. Можно только пожалеть, что это не соответствует правде, поскольку, если бы так было, больничные анестезиологи могли бы отказаться от сложной аппаратуры, которой они сейчас завалены, в пользу удара тупым предметом.

К потере сознания приводит резкое движение черепа, о стенки которого ударяется его содержимое. Следствием этого являются всякого рода повреждения мозга, начиная от легкого сотрясения и кончая смертью. Удар должен быть достаточно сильным, хотя в зависимости от индивидуальности один и тот же удар одного оглушит, а другого может лишить жизни. Но пока не ударишь, результат не известен.

У меня, однако, не было охоты экспериментировать, поэтому ударил типа изо всех сил. Ноги под ним подогнулись, и он зашатался: я подхватил его раньше, чем он упал. Положил на землю лицом вверх. Из уголка рта торчала разорванная, перекушенная сигарета, с которой стекала кровь, означавшая, что он прикусил язык. Он еще дышал.

Обшарил его карманы, нащупал знакомый твердый предмет, и моим глазам предстал автоматический пистолет Смит-энд-Вессон, точно такой, как я забрал у Линдхольма. Проверив, что магазин полон, послал пулю в ствол.

Парень, лежавший у моих ног, не в состоянии был ничего сделать, даже если бы пришел в сознание, следовательно, мне незачем было о нем

думать. Пришла пора заняться вторым, с ружьем. Я вернулся на прежнее место и через щель посмотрел, чем он там занимается.

Ничего не изменилось. Так же, как и раньше, он наблюдал с величайшим терпением за нашим автомобилем. Я встал и, держа оружие перед собой, вошел в углубление, где он укрывался. Не старался двигаться бесшумно, скорость была важнее, чем соблюдение тишины. Кроме того, я отдавал себе отчет, что подкрадываясь, словно кот, скорее вызову тревогу, нежели буду уверенно ступать у него за спиной.

Даже не повернул голову. Только отозвался, лениво процедив с типичным для запада Штатов акцентом:

— Что-то забыл, Джо?

У меня едва челюсть не отвалилась от удивления. Я рассчитывал на русского, но уж никак не на американца. Но подошла не лучшая пора для решения национального вопроса: в конце концов, тип, который в тебя стреляет, автоматически становится сукиным сыном, а русский это сукин сын или американский, вот уж действительно нет никакой разницы. Я резко произнес:

— Повернись, но оставь карабин там, где лежит, или угощу тебя пулькой.

Он медленно пошевелился, повернув в мою сторону только голову. У него были светло-голубые глаза на загорелом удивленном лице. Казался идеальным кандидатом на роль старшего сына пионера освоения Дикого Запада в телесериале.

— Черт возьми! — спокойно сказал он.

— Наверняка возьмет, если не снимешь рук с карабина. Разведи руки в стороны.

Он посмотрел на пистолет и послушно развел руки. Человек в такой позиции, с лицом к земле, не в состоянии быстро вскочить.

— Где Джо? — спросил он.

— Решил немного подремать.

Я подошел ближе и приложил ствол пистолета к его затылку. Почувствовал, как он вздрогнул. Это вообще-то не значило, что испугался. Сам я вздрагиваю инстинктивно, когда Элин неожиданно подходит сзади и целует меня в шею.

— Лежи спокойно, — посоветовал ему, забирая карабин.

У меня тогда не было времени осмотреть его более тщательно, но сделал это позже. Без сомнения, оружие что надо: смешанного типа, начиналось как браунинг, но какой-то умелый оружейник потратил много времени, внося различные усовершенствования, как, например, приклад ручной работы с отверстием для среднего пальца и другие маленькие хитрости. Как с тем парнем, который говорил: «У меня топор от дедушки: отец сменил у него острие, а я — топорище».

В конечном итоге возник идеальный набор для убийства на большом расстоянии. Оружие одного выстрела, отвечающее кому-то, кто стреляет настолько эффективно, что не должен спешить со второй пулей. Боеприпасы к нему представляли собой тяжелые, почти двадцатиграммовые пули. Эффектом была высокая скорость и низкая траектория полета. При хорошем освещении и безветренной погоде стрелок высокого класса мог уложить человека с расстояния восемьсот метров.

Помогал в этом необычный телескопический прицел-гигант со сменной фокусировкой и тридцатикратным увеличением. Чтобы использовать его при максимальной мощности, нужен был солидный упор или человек, совершенно лишенный нервов, у которого не дрожала бы рука. На телеско-

пе имелся дальномер — сложный механизм со шкалой на горизонтальной сетке. В этот момент прицел был поставлен на пятьсот метров.

Вне всякого сомнения, у меня в руках находился великолепный образец.

Я выпрямился и легко прикоснулся стволом к позвоночнику моего неприятеля.

— Сейчас ты чувствуешь на спине свое собственное оружие, — сказал я. — Пожалуй, не стоит объяснять, что случится, если нажму на спусковой крючок.

Голова у него сейчас была повернута вбок, и я заметил, что на загорелой коже выступили капельки пота. Ему не требовалось много воображения: он был мастером своего дела и отлично знал свое оружие, чтобы представить, что случится, — энергия с силой более двух тысяч килограммометров легко развалит его на две части.

— Где Кенникен? — спросил я.

— Кто?

— Не прикидывайся дурачком. Спрашиваю еще раз: где Кенникен?

— Не знаю никакого Кенникена, — ответил он приглушенным голосом. Ему трудно было говорить, поскольку лежал, прижавшись щекой к земле.

— Хорошенько подумай.

— Говорю тебе: я его не знаю. Выполняю только приказы.

— Вот именно, — вставил я, — стрелять в меня.

— Нет, — быстро возразил он, — в твое колесо. Ведь ты еще жив, верно? Я мог тебя прихлопнуть в любую минуту.

Я посмотрел вниз на лендровер. Он говорил правду: если бы захотел, мог бы попасть в меня с такой легкостью, как суперстрелок в жестяную утку в тире.

— Значит, ты должен меня задержать. А что дальше?

— Ничего.

Я немного сильней надавил на ствол.

— Лучше будет, если ты вспомнишь.

— Должен дождаться кого-то, а затем вернуться на базу.

— Кто должен появиться?

— Не знаю, мне не сказали.

Это звучало слишком бессмысленно, чтобы быть правдой.

— Как тебя зовут?

— Джон Смит.

Я усмехнулся и сказал:

— Ну, хорошо, Джонни. Сейчас ползи назад, но только осторожно. А если увижу, что ты отрываешь живот от земли больше, чем на сантиметр, получишь то, что заслуживаешь.

Он с трудом вился по земле и медленно отполз от края скалы к углублению в стоке, где я приказал ему остановиться. Мне страшно хотелось вытянуть из него еще что-нибудь, но время уходило, и наступила пора заканчивать игру.

— Ну, Джонни, а сейчас без всяких резких движений, — предостерег его, — ибо я очень нервный. Лежи спокойно.

Подошел к нему так, чтобы он не мог меня видеть, поднял приклад карабина и нанес удар по затылку. Знаю, что нельзя так обходиться с хорошим оружием, но ничего другого не оказалось под рукой. Приклад, конечно, гораздо тверже, чем палка, и я с сожалением обнаружил, что после удара череп выглядит не лучшим образом, но, по крайней мере, сейчас был уверен, что парень не доставит уже мне никаких забот.

Пошел за курткой, которую он использовал как упор для карабина. Оказалась тяжелой, поэтому надеялся обнаружить в ней пистолет, однако оказалось, что вся тяжесть была из-за пачки с патронами. Рядом с курткой лежала еще одна пачка, открытая. На обеих маркировка отсутствовала.

Проверил карабин. В магазине должно находиться пять патронов, но оказалось четыре. В стволе, готовом для выстрела, покоился еще один, а девятнадцать штук хранилось в открытой пачке. Мистер Смит был профессионалом: сначала наполнил магазин карабина и дослал один патрон в ствол; потом вторично достал магазин и вложил недостающий патрон, чтобы иметь под рукой не пять, а шесть патронов. Это, вообще-то, не значило, что ему их столько нужно, — одним прицельным выстрелом он пробил шину движущейся машины на расстоянии четырехсот метров.

Без сомнения, он был настоящим профессионалом, но не носил фамилию Смит. В его американском паспорте фигурировало Уенделл Джордж Флит, и пропуск, дающий возможность доступа во все уголки военно-морской базы Соединенных Штатов в Кеблавике, которые вообще недоступны для большинства людей. Не нашел у него пистолета. Стрелок, настолько хороший, как он, пренебрегал такого рода оружием.

Я спрятал коробки с патронами в карманы, которые обвисли под их тяжестью, а пистолет Джо заткнул за пояс брюк. Однако перед этим разрядил его, чтобы избежать той неприятности, которая подстерегла Кенникена. Не следует особенно доверять предохранителям, много мужчин потеряли свои мужские достоинства, копируя телевизионных героев.

Затем пошел проверить, что поделывает Джо. Убедился, что он еще не проснулся. Тоже нашел паспорт, по которому он не звался Джо, а Патрик Алоиз Маккарти. Я внимательно посмотрел на мужчину: по мне, он более походил на итальянца, чем на ирландца. Видимо, все данные были фальшивые, как и в случае Бухнера, который носил фамилию Грэхем, а в конечном итоге оказался Филипсом.

У Маккарти оказались две полные обоймы к своему Смит-энд-Вессону, который я позволил себе конфисковать. Похоже, за время этой экспедиции мне удастся собрать очень даже неплохой арсенал оружия, начиная с небольшого ножа и заканчивая мощным карабином, что за одну неделю было неплохим результатом. Следующим, в порядке очередности, мне должен попасть автомат или пулемет с полным боекомплектом.

Интересно, сколько времени занял бы у меня захват в качестве трофея чего-нибудь действительно смертоносного, например, межконтинентальной баллистической ракеты «Атлас»?

Маккарти куда-то шел, когда я его ударил. Ранее пытался связаться с кем-то по радио, но когда, однако, переговорное устройство отказало, решил туда пойти. А это значило, что цель его путешествия находилась где-то недалеко. Я обвел взглядом верхушку хребта и решил проверить, что скрывает за собой одна из возвышенностей. Карабкался почти двести метров, а когда осторожно высунул голову из-за камня, от увиденного у меня перехватило дыхание.

На расстоянии около четырехсот метров от меня стоял желтый вертолет военно-морского флота Соединенных Штатов. Рядом с ним сидели два члена экипажа и какой-то гражданский, лениво перебрасываясь словами. Я поднял карабин Флита и вгляделся в них через прицел. Экипаж меня не интересовал, а вот гражданского, показалось, я узнал. Оказалось, что ошибся, но все же на будущее решил запомнить его лицо.

Какой-то момент испытывал искушение пощекотать их пулями, но отказался от этой мысли. Решил, что лучше уехать тихо, без каких-либо пертурбаций. Мне вовсе не улыбалось весь остаток пути видеть над голо-

вой в качестве сопровождающего вертолет, поэтому попятился и двинулся обратно вниз. Элин слишком долго оставалась одна, и я чувствовал, как с каждой минутой она тревожится все сильней.

Со своего места я хорошо видел дорогу, поэтому присмотрелся к ней, пытаясь разглядеть, не появился ли Кенникен. Появился! В окуляре телескопического прицела увидел далекую черную точку джипа, двигающуюся на расстоянии около пяти километров от меня. Трасса была болотистая, и я не допускал, что он может ехать быстрее, чем со скоростью шестнадцать километров в час, что означало его появление у меня на хвосте через какие-нибудь пятнадцать минут.

Сейчас я уже спешил, спускаясь вниз. Элин ждала, втиснувшись в скальную расщелину, но выскочила из нее, как только я позвал. Подбежала и кинулась ко мне, словно желая проверить, вернулся ли здоровым и невредимым, смеясь и плача одновременно. Я высвободился из ее объятий и сказал:

— Кенникен уже рядом. Мы должны ехать.

И кинулся к лендроверу, держа ее за руку. Она вырвалась и закричала:

— Кувшин для кофе!

— Черт с ним!

Женщины — это удивительные создания. Не время думать сейчас о домашней утвари. Я поймал ее за руку и потащил за собой.

Через минуту мотор работал во всю мощь, а мы снова тряслись на ухабистой трассе. Ехали слишком быстро, чтобы думать об удобствах: мне все время приходилось решать, в какую выбоину могу въехать без опаски. Решение, решение, и только эти проклятые решения! Если бы ошибся, грозила бы нам поломка оси или остановка в грязи, это означало бы конец всему.

Всю дорогу до реки Тунгнаау нас трясло, как тысяча чертей. Увеличилось движение, если так можно выразиться, потому что мы разъехались со встречным автомобилем, а это оказалась первая машина на бездорожье Обыггдира. В этом была и плохая сторона: Кенникен не замедлит выспросить у водителя о нашем лендровере. Одно дело — погоня в пустыне без точного знания нашего местонахождения, и совсем другое — уверенность, что я нахожусь на расстоянии вытянутой руки. Этот психологический раздражитель возбудит у него работу надпочечников.

С другой стороны, вид миновавшей машины утешил меня, поскольку ее присутствие указывало, что транспортер через Тунгнаау находится с нашей стороны реки, благодаря чему мы избежим проволочки, связанной с ожиданием. Я многократно путешествовал по территориям, где водные переправы происходят на паромах (в Шотландии много таких мест), и убедился в существовании определенного закона природы: когда приезжаешь на берег, всегда оказывается, что паром обязательно находится на противоположном берегу. На этот раз должно быть иначе.

Строго говоря, транспортер — это не паром. Тунгнаау пересекают на платформе, подвешенной на бегущем вверху тросе. Нужно въехать на платформу и самому управляться с ручной лебедкой, не забывая при этом смотреть на несущуюся внизу белую купель.

Платформа действительно находилась на нашей стороне реки. Проверив, исправна ли она и безопасна, я осторожно въехал на нее.

— Останься в машине, — посоветовал Элин, — со сломанным крылом ты мне много не поможешь.

Я вышел из лендровера и принялся крутить рукоятку лебедки, широко раскрыв глаза на уже близкое появление Кенникена. Чувствовал себя нагим

и безоружным, и лишь надеялся, что, несмотря на медленный темп переправы, сумею сохранить пятнадцатиминутный перевес.

Мы счастливо перебрались на другой берег без помех, и я с чувством глубокого облегчения съехал с платформы.

— Ну, сейчас мы можем задержать этого негодяя, двигаясь дальше, — сказал я.

Элин выпрямилась на сидении.

— Ты ведь не собираешься уничтожить трос!

В ее голосе прозвучала нотка возмущения. Она не беспокоилась, что каждую секунду на нас могли посыпаться пули, а вот лишь одно упоминание о преднамеренном уничтожении общественной собственности возмутило ее, как поступок глубоко неэтичный.

Я улыбнулся.

— Так бы и поступил, но здесь нужен более крепкий парень.

Съехал с дороги и обернулся: река уже не была видна.

— Я не в силах уничтожить трос, но попробую закрепить платформу цепью так, чтобы Кенникен не смог перетянуть ее на свою сторону. Будет вынужден ждать, пока ее освободит кто-нибудь из подъехавших с этой стороны. А при таком движении бог знает, когда это случится. Подожди здесь.

Я выбрался из машины и принялся копаться в ящике с инструментами, откуда вскоре достал противогололедные цепи. Наверняка летом они не понадобятся, поэтому вместо того, чтобы лежать без толку, могут сейчас пригодиться для избавления от Кенникена. Я взял их и побежал обратно к реке.

Невозможно завязать цепь в узел, но мне удалось намертво закрепить платформу, обмотав ее таким ворохом железа, что для того, чтобы распутать его без ацетиленовой горелки, придется потратить не менее получаса. Я почти уже закончил, когда на том берегу появился Кенникен, и игра пошла по-крупному.

Джип остановился, из него вышли Кенникен и с ним три его молодца. Они сразу не заметили меня за прикрытием платформы. Кенникен внимательно осмотрел трос, познакомился с инструкцией на исландском и английском языках, потом приказал своим людям перегнать платформу к своему берегу. Они, хоть и действовали по его указаниям, ничего не изменили.

Я торопился, словно за мной гнались сто чертей, и мне удалось все закончить буквально в последнюю секунду. Платформа накренилась, но, закрепленная цепью, не сдвинулась с места. Я расслышал какой-то крик с той стороны реки, и сразу же один из людей Кенникена побежал вдоль реки посмотреть, что же мешает платформе, и увидел меня. Тотчас выхватил револьвер и начал стрелять.

Пистолеты обычно переоценивают. Его можно с эффектом использовать, когда хочешь попасть в цель не далее десяти метров или, еще лучше, за несколько шагов. Хлопушка, из которой в меня стреляли, револьвер калибра 38, кубышечка с коротким стволом. Я лично не верю, чтобы парень мог попасть из него во что-нибудь дальше вытянутой руки. Следовательно, находился в полной безопасности, пока он целился в меня; если бы он принялся стрелять куда попало, то мог бы угодить в меня чисто случайно.

Я как раз закрепил последнее звено цепи, и тут же начали стрелять остальные. Они подошли как можно ближе, и одна из пуль подняла облачко пыли в двух метрах от меня. Подставляться под пули мало приятного, поэтому я развернулся и помчался обратно к лендроверу.

Элин стояла у автомобиля, очень обеспокоенная отзвуками ураганного обстрела.

— Все в порядке, — успокоил ее, — это еще не война. Попробую немного попугать.

Она с отвращением посмотрела на оружие.

— Бог мой! Ты должен их убивать? Тебе еще не достаточно?

Я вытаращил на нее глаза, но через мгновение понял, что она имела в виду: была уверена, что я завладел карабином Флита, убив хозяина. Вероятно, думала, что не мог отобрать у парня такое оружие, не лишив его при этом жизни.

Я обратился к ней.

— Элин, эти типы по ту сторону реки пытались меня убить. То, что это им не удалось, не меняет сути дела. Но я, кстати, не собираюсь никого убивать, ведь сказал, что лишь попугаю их. — Поднял вверх карабин и добавил: — А парня, у которого забрал эту игрушку, я тоже оставил в живых.

Я направился к реке, но свернул в сторону, не доходя до берега. Нашел удобное укрытие и лег, наблюдая, как Кенникен и компания безуспешно пытаются добраться до платформы. На расстоянии сто метров телескоп, установленный на тридцатикратное увеличение, оказался слишком сильным, поэтому отрегулировал его на шестикратное увеличение. Камень передо мной представлял удобную опору. Я прижал приклад к плечу и вгляделся в окуляр.

У меня не было намерения кого-нибудь убивать. Не потому, что не хотел, но трупы, от которых трудно избавляться, представляют большое неудобство и могут вызвать неприятные вопросы со стороны соответствующих органов власти. Кроме того, раненый русский так же окончательно выбывает из игры, как и мертвый. Приятели переправят его на борт траулера, который наверняка уже стоит где-то поблизости, может, даже в порту Рейкьявика. Никто другой, кроме русских, не располагает таким количеством траулеров, используемых для других целей, чем ловля рыбы.

У меня нет намерения никого убивать, но скоро кто-то будет молить Бога о смерти.

Кенникен куда-то исчез, а оставшаяся тройка вела оживленную дискуссию о методе решения поставленной мною проблемы. Я прервал ее, произведя пять выстрелов в течение тридцати секунд. Первую пулю послал в коленную чашечку мужчины, стоявшего у джипа, и в то же мгновение все как сквозь землю провалились. Раненый лежал, корчась и воя от боли. До конца его дней одна нога будет короче другой, разумеется, если его быстро отправят в госпиталь. В противном случае будет счастлив, если ее удастся сохранить.

Снова прицелился и нажал на курок, посылая пулю в переднее колесо джипа. Это был самый лучший карабин, какой я в своей жизни держал в руках: при выстреле в цель на расстоянии сто метров полет пули проходил по такой низкой траектории, что я мог послать ее именно туда, куда хотел. Шина оказалась не просто пробита, а разорвана на куски силой удара посланной с близкого расстояния большой пули калибра 375. Такая же участь постигла и второе переднее колесо, когда выстрелил в третий раз.

Кто-то из них выстрелил из пистолета. Я проигнорировал это и послал очередной патрон в ствол. Установил прицел на середине радиатора и выстрелил. От удара джип аж заколыхался на рессорах. Карабин, который держал в руках, был заряжен патронами на крупного зверя, поэтому легко вообразить, что поскольку пуля пробивает череп буйвола, то встреча с ней не пройдет для мотора бесследно. Сделал еще один выстрел в то же самое место джипа, надеясь, что оставил его неподвижным навсегда, и отправился обратно.

Приблизившись к лендроверу, сказал Элин:

— Да, это хорошее оружие.

Она, волнуясь, посмотрела на меня.

— Мне показалось, что кто-то кричал от боли.

— Я никого не убил, но на своем джипе они сейчас далеко не уедут. Ну, нам пора. Можешь уже сесть за руль.

Я внезапно почувствовал жуткую усталость.

Мы выбрались из Обыггдира и достигли сети главных дорог. Даже если бы Кенникену каким-то образом удалось ехать по нашим следам, у нас появилось много шансов затеряться. Сейчас находились в одном из самых многолюдных районов Исландии, который покрывала сеть дорог, более сложная для контроля, чем примитивная система сообщений Обыггдира. Элин вела машину, а я тем временем отдыхал на сидении рядом. Покрытие дороги было хорошим, мы теперь ехали гораздо быстрее.

— Куда сейчас? — спросила она.

— Этот автомобиль бросается в глаза. У тебя есть какие-нибудь предложения?

— Завтра вечером ты должен быть в Гейсир. У меня есть приятели в Лаугарватн. Помнишь, наверное, Гуннара?

— Мне кажется, ты встречалась с ним прежде чем познакомилась со мной?

Она усмехнулась.

— Ничего серьезного. До сегодняшнего дня мы остались приятелями. Кроме того, Гуннар уже женат.

Для большинства мужчин женитьба не означает автоматического отказа от лицензии охотника, но я оставил ее замечание без комментариев. Кстати, более или менее цивилизованный поединок с давним воздыхателем Элин казался лучшим исходом, нежели предвещающая смерть встреча с Кенникеном.

— Хорошо, направление — Лаугарватн, — решил я.

Какое-то время ехали молча. Я прервал тишину.

— Спасибо тебе за то, что ты сделала, пока я находился наверху. Это было чертовски глупо, но эффективно.

— Я подумала, что, может, мне удастся немного отвлечь их внимание.

— Не скрою, и мое внимание ты на минуту отвлекла. Знаешь, что все это время снайпер держал тебя на мушке с пальцем на курке?

— Я действительно чувствовала себя не в своей тарелке, — призналась она. По ее телу пробежала дрожь. — А что, собственно говоря, произошло наверху?

— Я стукнул двух парней по голове. Один, может быть, окажется в госпитале Кеблавика.

Она внимательно посмотрела на меня.

— В Кеблавике?

— Да, — согласился я. — Это американец.

И рассказал ей о Флите, Маккарти и вертолете.

— Я все время пытаюсь найти какой-нибудь смысл во всем этом, но безуспешно.

— Потому что, действительно, концы с концами не сходятся, — подтвердила она, подумав. — Зачем американцам сотрудничать с русскими? Ты уверен, что это американцы?

— Они такие же американцы, как и Статуя Свободы. Во всяком случае, во Флите я уверен, потому что с Маккарти мне не удалось поговорить.

— Может, они какие-нибудь приверженцы коммунистического движения?

— В таком случае — они спрятались лучше, чем блоха в собачьей шерсти.

Я достал пропуск Флита, открывающий перед ним все двери на военно-морской базе в Кеблавике.

— Если они поборники коммунизма, то янки должны смотреть в оба: вся мебель у них уже источена короедами.

Я внимательно рассмотрел пропуск и вспомнил о вертолете.

— Честное слово, в жизни не слышал ничего более абсурдного.

— А какие-нибудь другие объяснения у тебя есть?

Предположение о том, что коммунисты в Кеблавике имеют в своем распоряжении вертолет военно-морской базы Соединенных Штатов, попросту не укладывалось в моей голове.

— Кенникен ведь не мог позвонить в Кеблавик и сказать: «Слышь, ребята, я здесь преследую одного английского шпиона, и мне нужна ваша помощь. Можете выслать вертолет со снайпером и придержать его для меня?» Однако есть кто-то, кто мог так сделать.

— Кто?

— Один тип в Вашингтоне по фамилии Хелмс. Он мог набрать номер в Кеблавике и дать приказ: «Адмирал, к вам сейчас зайдут два парня, дайте им вертолет и не спрашивайте, зачем он им нужен». На что адмирал ответит: «Так точно, сэр!» Мистер Хелмс — шеф ЦРУ.

— А зачем ему это делать?

— Черт бы меня побрал, если я знаю. Во всяком случае, такой вариант более правдоподобен, чем картина базы в Кеблавике, кишащая русскими агентами.

Я вспомнил короткий, незавершенный разговор с Флитом.

— Флит сказал, что получил приказ задержать нас до момента появления кого-то, как я думаю, Кенникена, хотя Флит утверждал, что никогда не слышал такой фамилии. Также добавил, что с момента появления гостя должен вернуться домой. Но есть еще кое-что, о чем я должен был его спросить.

— Что?

— По инструкции должен ли он показаться Кенникену, или это ему категорически запретили? Я многое бы дал, чтобы знать ответ.

— Но нас точно преследуют русские? Ты уверен, что видел Кенникена?

— Я никогда не забуду его лицо. А кроме того, когда они застряли на берегу Тунгнаау, то здорово ругались по-русски.

Вопрос Элин вызвал в моей памяти быстро вращающиеся колеса мигающего джипа.

— Посмотрим с другой стороны, — не унималась Элин. — Предположим, что Слэйд тоже нас преследует и обратился за помощью к американцам, не зная, что у нас на хвосте сидит Кенникен. Возможно, американцы должны были задержать нас до прибытия Слэйда, а не Кенникена.

— Такой поворот нельзя исключать, — неохотно признал я. — Но в нем слишком много слабых мест. Зачем тратить столько усилий на укрытие снайпера в горах? Проще ведь попросить американцев, и они бы нас схватили, — я покачал головой. — Кроме того, у Конторы не такие уж дружеские связи с ЦРУ — специальные контакты у них ограничены.

— В моей теории больше смысла, — заметила Элин.

— Я вообще не уверен, есть ли во всем этом какой-нибудь смысл.

С каждой минутой ситуация становилась все более иррациональной. Мне вспомнились слова одного физика о его работе: «Вселенная не только

более необычная, чем мы себе представляем, но может даже более необычная, чем мы можем себе вообразить». Наконец-то я понимаю, что он имел в виду.

Элин рассмеялась.

— Что тебя так смешит? Слэйд уже раз пытался нас шлепнуть и может повторить попытку, если Тэггарт его не остановит. Кенникен тоже прилагает все силы, чтобы заполучить меня в свои руки, а сейчас к ним прибавились еще и американцы. Вот-вот присоединятся немцы, а может, даже и чилийская тайная полиция. Меня уже ничто, пожалуй, не удивит. Но есть что-то, что меня действительно беспокоит.

— И?

— Допустим, что завтра вечером я отдам Кейсу электронный прибор. Кенникен не будет об этом знать, верно? Я как-то не могу представить себе Джека Кейса, пишущего Кенникену: «Мой дорогой Вацлав! У Стюарта уже нет мяча. Он сейчас у меня — гонись за мной!» Таким образом, передача мяча ничем не изменит мою ситуацию. Я по-прежнему буду находиться в самом центре озера. И даже буду подвергаться большей опасности, потому что если Кенникен до меня доберется и не найдет эту проклятую посылку, то разозлится еще больше, если это вообще возможно.

Меня охватили сомнения: а стоит ли передавать посылку Кейсу? Если уж я и дальше должен находиться на середине озера, то лучше сохранить у себя весло.

Похоже, что Гуннар сделал неплохой выбор. Сигурлин оказалась одной из тех высоких, длинноногих, стройных скандинавок, которые, попадая в Голливуд, быстро делают карьеру, и пусть я провалюсь в ад, если в этом нет общего с актерским талантом. Однако распространенное мнение, что женская часть населения Скандинавии состоит исключительно из таких светловолосых богинь, к сожалению, жалкая иллюзия.

После приветствий Сигурлин я догадался: она кое-что обо мне слышала. Хотя надеялся, что не все. Знала, однако, достаточно, чтобы в воздухе послышались звуки свадебного марша. Смешно, но после того, как девушка выходит замуж, она охотно загнала бы в эту ловушку всех своих давних подружек. Присутствие Кенникена исключало возможность услышать свадебные колокола. Более вероятно, что вскоре разнесутся жалобные звуки похоронного марша. К тому же, помимо Кенникена, я лично не согласился бы, чтобы какая-то грудастая блондинка с глазами, горящими сватовством, подталкивала меня под венец.

Я вздохнул свободней, поставив лендровер в гараж Гуннара. И почувствовал себя значительно лучше, зная, что он спрятан от чужих глаз в безопасном месте. Убедился, что моя коллекция оружия надежно укрыта, и вернулся в дом в тот момент, когда Сигурлин спускалась по лестнице.

Она как-то странно посмотрела на меня и резко спросила:

— Что случилось с рукой Элин?

— Она тебе ничего не говорила? — осторожно пробормотал я.

— Сказала, что во время подъема в горах упала на острый обломок скалы.

Я издал какой-то неопределенный звук в подтверждение ее слов, однако понимал, что ее подозрения не угасли. Огнестрельная рана выделяется среди всех других, даже если человек видит ее впервые.

Я поспешил сменить тему разговора.

— Очень мило с твоей стороны, что предложила нам переночевать.

— Выпьешь кофе?

— Спасибо, с большим удовольствием.

Пошел вслед за ней на кухню.

— Ты давно знакома с Элин?

— С детства, — она высыпала горсть зерен в кофемолку. — А ты?

— Три года.

Она налила воду в электрический чайник и включила в сеть. Затем повернулась ко мне лицом.

— Элин выглядит страшно измученной.

— Нам досталось при переходе Обыггдир.

Пожалуй, мои слова не убедили ее, потому что Сигурлин не остановилась.

— Я не хотела бы, чтобы с ней что-то случилось. Рана…

— Да?

— Элин не упала на скалу, верно?

У нее были не только прекрасные глаза, но и головка.

— Нет, не упала.

— Я так и думала. Видела уже такие раны. Когда была еще не замужем, работала медсестрой в Кеблавике. Однажды к нам в госпиталь привезли американского моряка, случайно прострелившего себе руку во время чистки оружия. Чье ружье чистила Элин?

Я сел за кухонный стол.

— У меня возникли кое-какие неприятности, — начал осторожно. — Не буду тебе рассказывать: лучше о них ничего не знать. С самого начала пытался удержать Элин подальше, но она очень упряма.

Сигурлин согласилась.

— Ее семья всегда отличалась упорством.

— Завтра вечером еду в Гейсир, но хочу, чтобы Элин осталась здесь. Ты должна мне в этом помочь.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Я не люблю возни с оружием.

— Я тоже. Как видишь, не прыгаю от радости. Именно поэтому и не хочу ее в это вмешивать. Могу оставить Элин у тебя на какое то время?

— Об огнестрельной ране следует заявить в полицию.

— Знаю, — устало ответил я. — Однако не думаю, что ваша полиция справится с подобным делом. События развиваются на международном уровне, и возможно, прозвучит еще не один выстрел. Один неосторожный шаг, и могут погибнуть невинные люди. Я вовсе не пытаюсь обидеть вашу полицию, уверен, что они не избежали бы какой-нибудь ошибки.

— А эти, как ты их называешь, неприятности — уголовное дело?

— Не совсем так. Их можно, пожалуй, назвать крайней формой политической деятельности.

Она поджала губы.

— Из всего, что здесь услышала, лишь одно мне понравилось, что ты хочешь держать Элин подальше, — она въедливо подвела итоги. — Мистер Алан Стюарт, скажите мне, вы ее любите?

— Да.

— И собираетесь на ней жениться?

— Если после всего случившего она этого захочет.

Она надменно улыбнулась.

— О, конечно, захочет. Ты попал, как лосось на крючок, и не убежишь.

— Я в этом совсем не уверен. В последнее время произошло кое-что, не прибавившее мне очарования в ее глазах.

— Чистка оружия тоже? — Она налила кофе. — Можешь не отвечать. Я — не следователь.

Поставила передо мною чашку.

— Хорошо. Оставлю Элин у себя.

— Только не знаю, как тебе это удастся. Никогда не мог склонить ее к чему-то, чего она сама не хотела.

— Я уложу ее в постель для лечения. Будет возражать, но, в конце концов, согласится. Уладь все, что нужно уладить, а Элин побудет у меня. Но я не смогу очень долго удерживать ее. Что мне делать, если ты не вернешься из Гейсир?

— Сам не знаю, — признался. — Во всяком случае, не разрешай ей возвращаться в Рейкьявик. Ее появление в квартире будет самой большой глупостью.

Сигурлин глубоко вздохнула.

— Посмотрю, что удастся сделать, — она налила себе кофе в чашку и села за стол. — Если бы я не видела твоей заботы об Элин, поверь мне, не согласилась бы… — Она раздраженно умолкла. — Все это мне очень не нравится, Алан. Ради бога, наведи во всем этом как можно быстрее порядок.

— Сделаю все, что в моих силах.

Утром время тянулось бесконечно. Во время завтрака Сигурлин, читая газету, неожиданно заметила:

— Ну вот, смотрите! Кто-то застопорил трос над переправой. Группа туристов задержалась на несколько часов. Интересно, кто бы мог это сделать?

— Когда мы переправлялись, все было в порядке, — бросил я как ни в чем не бывало. — Что-нибудь еще пишут о тех туристах? Ни с кем ничего не случилось?

Она испытующе посмотрела на меня.

— А почему что-то должно случиться? Нет, об этом ничего не пишут.

Я быстренько сменил тему.

— Меня удивляет, что Элин еще спит.

Сигурлин улыбнулась.

— Меня не удивляет. Вчера вечером я без ее согласия дала ей кое-что на сон. Когда проснется, будет очень сонной и не захочет выбираться из постели.

Да, неплохой способ заставить ее слушаться.

— Я заметила, что гараж пуст. У вас нет автомобиля?

— Гуннар поставил его в конюшне.

— Когда он вернется?

— Через два дня, разве что туристы не потеряют охоту сидеть в седле.

— Я не хотел бы показываться в Гейсир на своем лендровере.

— Ты хочешь взять взаймы автомобиль? Хорошо, но при условии, что вернешь его в целости и сохранности, — она подробно объяснила, где его искать. — Ключи зажигания за приборной доской.

После завтрака я подумал, не позвонить ли Тэггарту. Мне было что ему сказать, однако пришел к выводу, что лучше сначала получить информацию от Джека Кейса. Я пошел к лендроверу и вычистил карабин Флита.

Это действительно прекрасное оружие. Диковинная рукоятка и необычное ложе говорили, что экземпляр создан по специальному заказу Флита, который, как я подозревал, был примером для фанатиков. В каждой отрасли человеческой деятельности существуют чокнутые, доводящие положительные качества до границ абсурда. Например, маньяк в звукозаписи, стремящийся к наиболее точной передаче звука, окружает

себя семнадцатью динамиками, чтобы слушать одну-единственную пластинку. Соответствующий тип среди стрелков и есть чокнутый на пункте оружия.

Такой тип глубоко убежден, что ни один стандартный, изготовленный для продажи в магазине экземпляр не является для него достаточно хорошим, переделывает его, совершенствуя форму, пока, в конце концов, не достигнет чего-то, весьма напоминающего скульптуру современных абстракционистов. Также непоколебимо верит, что производители амуниции не разбираются в своей работе, и поэтому готовят для своего оружия собственные заряды, старательно взвешивая каждую пулю, отбирая для нее соответствующее количество пороха с точностью до одной тысячной грамма.

Я осмотрел амуницию из открытой коробки, и как предполагал, нашел на ней царапины. Флит имел привычку сам готовить себе заряды. Я никогда не чувствовал такой необходимости, но ведь и от меня не требовали точного попадания на расстоянии сотен метров. Это также объясняло отсутствие на коробках этикеток.

Меня заинтересовало, зачем Флиту понадобилось аж пятьдесят зарядов. Ведь он был великолепным стрелком, а нас смог остановить одним нажатием курка. Я зарядил карабин обычными, охотничьими патронами с мягкими пулями, которые расплющиваются при попадании в цель. В закрытой же коробке находились военные боеприпасы: двадцать пять штук патронов с пулями в стальной оболочке.

Никогда не мог понять, почему пули, применяемые в охоте на крупного зверя и убивающие мгновенно и гуманно, женевской конвенцией запрещены в армии. Попробуй выстрелить в кого-нибудь мягкой пулей, как тебя тут же обвинят в нарушении закона. Ты можешь неприятеля заживо сжечь напалмом, выпустить ему кишки, подложив мину, но тебе нельзя попасть в него пулей, безболезненно умертвляющей оленя.

Разглядывая пули в стальной оболочке, я пожалел, что не знал о них раньше. Однако такая пуля, посланная в двигатель джипа Кенникена, наделала бы больше беды, чем мягкая пуля, посланная мной. Может быть, при выстреле со ста метров пуля в стальной оболочке, калибр 375, и не провертела бы джип навылет, но я не хотел бы проверять это, стоя позади автомобиля.

Я наполнил магазин карабина смешанными боеприпасами, положив поочередно мягкую пулю и пулю в стальной оболочке: в сумме три мягкие и две стальные. Осмотрел также и пистолет Маккарти модели Смит-энд-Вессон, расхожий кусок железа в сравнении с карабином Флита. Убедившись в его исправности, спрятал в карман вместе с запасными обоймами. Таинственный электронный прибор решил оставить там, где и спрятал: под передним сидением лендровера. То, что не брал его с собой на встречу с Джеком Кейси, вовсе не означало, будто я собирался к нему с пустыми руками.

Когда вернулся в дом, Элин уже не спала. Посмотрела на меня сонным взглядом.

— Никак не пойму, почему я такая уставшая.

— Меня это совершенно не удивляет, — старался, чтобы мои выводы звучали как можно убедительней, — у тебя огнестрельная рана, и ты два дня тряслась по Обыггдиру, не имея возможности поспать. Я сам еще не пришел в себя.

Элин широко раскрыла глаза, бросив испуганный взгляд на Сигурлин, ставившую цветы в вазу.

— Сигурлин знает, что ты не падала со скалы, — успокоил ее. — Знает, что тебя подстрелили, но не имеет понятия, как это случилось. И я не хочу, чтобы она узнала. Не говори ни ей, ни кому другому.

Повернулся к Сигурлин.

— Придет время, и ты все узнаешь, но сейчас такое знание может быть лишь опасным.

Она кивнула головой, соглашаясь.

— Совсем выбилась из сил, — пожаловалась Элин. — Пожалуй, просплю целый день. Но буду готова к моменту выезда в Гейсир.

Сигурлин подошла к Элин.

— Ты никуда не поедешь, — сообщила ей тоном, не терпящим возражений. — Во всяком случае, не в ближайшие два дня.

— Но я должна, — запротестовала Элин.

— В таком состоянии? Плечо выглядит плохо, — она поджала губы, глядя на Элин. — Тебя должен осмотреть врач.

— О, нет!

— Тогда делай то, что я говорю.

Элин бросила на меня умоляющий взгляд.

— Я еду только для встречи с кем-то, — начал убеждать ее. — Честно говоря, Джек Кейс не раскроет рта в твоем присутствии, ты ведь не член клуба. Быстренько съезжу в Гейсир поговорить с парнем и тут же вернусь. Можешь хоть один раз не совать куда-то свой длинный нос?

Элин не выглядела убежденной.

— Оставлю вас одних, — заявила Сигурлин. — Можете сказать друг другу пару теплых слов, — усмехнулась. — Вижу, что вам предстоит интересная жизнь.

Вышла из комнаты.

— Ее слова прозвучали как старое китайское пожелание: «Чтобы ты жил в интересные времена», — заметил я хмуро.

— Хорошо, — отозвалась Элин усталым голосом, — я не доставлю тебе хлопот. Можешь ехать в Гейсир один.

Присел рядом с ней на кровать.

— Речь ведь идет не о том, что ты доставляешь мне заботы. Ведь знаешь, что попросту хочу уберечь тебя от всего этого. Ты отвлекаешь мое внимание: если я попаду в затруднительное положение, то вынужден буду заниматься одновременно и тобой, и собой.

— А я буду как камень на шее?

Я отрицательно покачал головой.

— Ты же знаешь, что нет. Но характер игры может измениться. Пока я бегал по всей Исландии и уже немного устал. Если представится случай, то сам пущусь в погоню.

— Я же тебе буду только мешать, — подвела она итог глухим голосом.

— Ты полна щепетильности, цивилизованная личность, точно соблюдающая законы. Очень сомневаюсь, что хоть раз в жизни заплатила штраф за нарушение дорожных правил. Когда я был гонимым зверем, мог еще както придерживаться правил, но став охотником, должен буду забыть о них. Думаю, что иногда ты с ужасом начнешь смотреть на мои действия.

— Будешь убивать, — утвердительно сказала она.

— Может, даже и хуже, — ответил хмуро.

По ней пробежала дрожь.

— Совсем этого не хочу, — заверил ее. — Я — не хладнокровный убийца. Ничего так не хочу, как убежать от этого кошмара, но меня заставили вопреки моей воле взяться за оружие.

— Ты пробуешь прикрыть свои дела красивыми словами. Ты не должен убивать.

— Какие красивые слова? — возразил я. — Есть лишь одно слово: выжить. Молодой американец, призванный в армию из колледжа, может быть пацифистом, но когда Вьетконг начнет стрелять в него из русских карабинов, то можешь мне поверить, он тут же ответит тем же. Поэтому, когда Кенникен придет за мной, получит то, что заслужил. Я не просил, чтобы там, на берегу Тунгнаау, он в меня стрелял. Он, кстати, и не требовал моего разрешения, но наверняка не был удивлен, когда я ответил ему огнем. Черт возьми, ведь он этого ждал!

— В твоих словах есть какая-то логика, но ведь ты, пожалуй, не надеешься, что мне это понравится.

— О боже! — охнул. — А ты думаешь, мне нравится?

— Прости меня, — шепнула она, виновато улыбнувшись.

— И ты меня тоже.

Я встал.

— После такой серьезной философской дискуссии ты должна позавтракать. Посмотрю, чем Сигурлин может тебя угостить.

Я выехал из Лаугарватн в восемь вечера. Может быть, пунктуальность — это достоинство, но жизнь меня научила, что добродетельные умирают молодыми, а грешники доживают до глубокой старости. Я договорился о встрече на пять часов, но не помешает, если Кейс чуть-чуть понервничает. Также помнил, что детали нашей встречи оговаривались на волнах общедоступной радиосвязи.

В Гейсир приехал на легковушке Гуннара и оставил ее на неприметной стоянке подальше от отеля. Малочисленные туристы осторожно прохаживались между озерами с кипящей водой, держа наготове фотоаппараты. Сам Большой Гейзер, который дал свое имя всем гейзерам в мире, неподвижно дремал. Прошло уже много времени после того, как он выстрелил в последний раз струей горячей воды. Обычно его провоцируют, бросая в озерцо камни, блокируя выход и поднимая давление. А вот его родственник Строккур стрелял с достойной удивления точностью, каждые семь минут посылая вверх искрящийся столб кипящей воды.

Я долго не выходил из машины, непрерывно осматривая окрестности в бинокль. В течение часа не увидел ни одного знакомого лица, но меня это не особенно расстроило. Наконец вышел из машины и направился в отель «Гейсир», держа руку в кармане на рукоятке пистолета.

Кейс сидел в уголке холла и читал книгу. Подошел к нему.

— Привет, Джек. Ты прекрасно загорел. Видимо, долго поджаривался на солнце.

Он поднял голову.

— Я был в Испании. Что тебя задержало?

— Кое-что.

Я хотел было сесть рядом, но он остановил меня.

— Здесь слишком много народа, пойдем ко мне наверх. Кроме того, у меня в комнате есть бутылка.

— Прекрасно.

Я пошел за ним. Он закрыл дверь на ключ и повернулся, чтобы посмотреть на меня.

— Оружие в кармане деформирует тебе пиджак. Почему не носишь кобуру через плечо?

Я усмехнулся.

— Тот, у которого я забрал пушку, не носил кобуру. Как дела, Джек? Мне приятно видеть тебя снова.

Он яростно хмыкнул.

— Ты можешь еще изменить свое мнение.

Быстрым движением открыл чемодан, лежавший на кресле, и достал бутылку. Влил приличную порцию в стакан для бритья и подал мне.

— Что ты, черт побери, вытворяешь? Прилично разозлил Тэггарта.

— Да, он едва не взорвался при разговоре со мной, — признался я и отхлебнул виски. — Я почти постоянно должен убегать: они наступают мне на пятки.

— За тобой никто не шел? — быстро спросил он.

— Нет.

— Тэггарт говорил, что ты убил Филипса. Это правда?

— Если Филипс тот же тип, который представлялся и как Бухнер, и как Грэхем, то действительно, я его убил.

Он вытаращил глаза.

— Ты признаешься?!

Я устроился в кресле поудобнее.

— Почему бы и нет, если это правда? К тому же не знал, что это Филипс. Парень крался ко мне ночью с оружием в руках.

— Слэйд представляет все совершенно иначе. Уверяет, что ты и его хотел прихлопнуть.

— Да, но это было уже после того, как я избавился от Филипса. Он и Слэйд приехали вместе.

— Слэйд уверяет в обратном. Утверждает, что они оба находились в автомобиле, когда ты их атаковал.

Я рассмеялся.

— Чем? — Достал sgian dubh из-за носка и метнул его через всю комнату. Нож воткнулся в край туалетного столика, слегка вздрагивая.

— Этим?

— Слэйд говорит, что у тебя был карабин.

— А откуда я мог его вытряхнуть? Хоть здесь он как раз прав, я получил карабин, забрав его у Филипса, после того как отправил его на тот свет при помощи этого перочинного ножика. Я всадил три пули в автомобиль Слэйда, но ни одна не попала в этого сукиного сына.

— О боже! — простонал он. — Не удивляюсь, что Тэггарт сходит с ума. Ты что, совершенно потерял рассудок?

Я глубоко вздохнул.

— Джек, Тэггарт говорил что-нибудь о девушке?

— Он мельком заметил, что ты упоминал о какой-то девушке. Но не был уверен, стоит ли тебе верить.

— Лучше пусть поверит. Девушка находится недалеко отсюда, и у нее чудесная рана от пули, которой угостил ее Филипс. Чуть-чуть — и она была бы уже мертва. Это факты, а если ты мне не веришь, то могу тебя к ней отвезти, и сам убедишься. Слэйд утверждает, что я на него напал. Ты думаешь, я поступил бы так, держа под руку невесту? И какого черта должен был так поступить? А он говорил, что сделал с телом Филипса? — хитро спросил я.

Джек сморщил брови.

— Кажется, об этом он не говорил.

— Ничего удивительного. Когда я видел его в последний раз, он улепетывал что есть силы, но в автомобиле не было покойника. Я избавился от него позже.

— Прекрасно, но ранее было Акурейри, где ты должен был передать посылку Филипсу. Ты не сделал этого и потом не отдал посылку Слэйду. Почему?

— Вся операция показалась мне с душком, — ответил я и рассказал ему все от начала до конца.

Говорил минут двадцать, а когда закончил, Кейс смотрел на меня широко раскрытыми от изумления глазами. Он проглотил слюну, кадык конвульсивно дернулся.

— Ты всерьез веришь, что Слэйд — русский шпион? Надеешься, что Тэггарт на это клюнет? Никогда в жизни не слышал такой чепухи.

— В Кеблавике действовал согласно инструкции Слэйда и едва не оказался покойником, — начал терпеливо перечислять я. — Потом Слэйд послал за мной в Асбырги за посылкой Филипса. А как он узнал, что русские вместо настоящей перехватили подделку? Потом еще эпизод с кальвадосом. Наконец...

Он прервал меня взмахом руки.

— Не нужно повторять еще раз. А может, Линдхольму просто повезло, что он вышел на тебя там, где приготовили засаду? Ведь невозможно заблокировать все дороги вокруг Кеблавика. Что же касается Слэйда, то он не ехал за тобой в Асбырги. Ну, а кальвадос, — он развел руками, — у меня лишь твои слова.

— А кто ты такой, черт возьми? Прокурор, судья и присяжный в одном лице? Может, я уже приговорен, а ты лишь исполнитель?

— У тебя шалят нервы, — он устало вздохнул. — Я лишь стараюсь выяснить, сколько ты натворил дел. А что случилось после Асбырги?

— Я поехал по пустынным дорогам на юг. А затем появился Кенникен.

— Любитель кальвадоса? Тот, с кем ты столкнулся в Швеции?

— Тот самый. Мой старый знакомый, Вацлав. Ты не считаешь, Джек, что это чертовски удивительное стечение обстоятельств? Каким образом Кенникен мог узнать, по какой дороге преследовать меня? Разумеется, Слэйд об этом знал, он знал, куда я поехал после Асбырги.

Кейс внимательно посмотрел на меня.

— Знаешь, иногда ты говоришь очень убедительно. Я мог бы даже поверить в эту чушь, будь менее осторожным. Но все-таки Кенникен тебя не поймал.

— Я находился на волоске от этого. К тому же, еще проклятые янки...

Кейси насторожился.

— А у них что общего?

Я достал пропуск Флита и бросил ему на колени.

— Этот приятель прострелил мне шину с очень большого расстояния. А когда мне удалось оттуда выбраться, Кенникен находился за мной в десяти минутах езды.

Я рассказал ему о происшествии. Кейс поморщился.

— Сейчас ты уже переборщил. И начинаешь говорить, что Слэйд — агент ЦРУ, — заметил он саркастически. — Зачем американцам помогать Кенникену в охоте за тобой?

— Понятия не имею, — искренне признался. — Сам хотел бы знать.

Кейс рассматривал пропуск.

— Флит... слышал эту фамилию. Прозвучала она в прошлом году в Турции. Этот тип — револьвер ЦРУ. Очень опасный.

— В течение месяца его не следует опасаться: я разбил ему голову.

— Итак, что же случилось потом?

— Я мчался из последних сил, а Кенникен и его парни явно желали сесть ко мне на выхлопную трубу. На берегу одной маленькой речки произошла стычка, и я потерял его. Похоже, он шляется где-то поблизости.

— Посылка все еще у тебя?

— Но не при мне, Джек, — отреагировал я, — ее здесь нет, она недалеко отсюда.

— Она мне не нужна, — заверил он и прошел через комнату, чтобы взять у меня пустой стакан. — План изменился: ты должен доставить посылку в Рейкьявик.

— Как просто... А если не захочу?

— Не глупи. Тэггарт хочет, чтобы ты так сделал, и лучше не пытайся еще больше выводить его из себя. Тебе недостаточно, что ты погубил всю операцию, так еще и убил Филипса, и знаешь, что за это он может потребовать твою голову. Он приказал мне передать тебе: отвези посылку в Рейкьявик, и все будет забыто.

— Действительно, здесь происходит что-то серьезное, — согласился я и начал перечислять: — Я убил двух человек, третьему едва не перебил ногу, разбил две головы, а Тэггарт утверждает, что это все можно спокойно спрятать под ковер.

— Пусть русские и американцы сами беспокоятся о своей собственности и хоронят свои трупы, — грубо ответил он. — Но у нас лишь Тэггарт может оправдать твои действия. Убив Филипса, ты нарушил закон. Делай, что говорит Тэггарт, иначе он спустит на тебя всех собак.

Я вспомнил, что в разговоре с Тэггартом сам тоже употребил это выражение.

— Где сейчас Слэйд? — спросил я.

Кейс повернулся ко мне спиной, и я услышал, как звякнула бутылка о стакан.

— Не знаю. Когда уезжал из Лондона, Тэггарт пытался с ним связаться.

— Следовательно, возможно, он еще в Исландии, — медленно произнес я. — Мне это очень не по душе.

Кейс повернулся ко мне.

— По душе тебе или нет, не имеет сейчас никакого значения. Алан, какой бес в тебя вселился? Подумай, до Рейкьявика всего сто километров, и ты доедешь за два часа. Бери эту проклятую посылку и поезжай.

— У меня есть идея получше: ты ее отвезешь.

Он покачал головой.

— Невозможно. Тэггарт хочет, чтобы я вернулся в Испанию.

Я рассмеялся.

— Самый короткий путь в международный аэропорт Кеблавика лежит именно через Рейкьявик. Ты мог бы по дороге отвезти посылку. Какая же важная причина так неразрывно связала меня с посылкой?

Он пожал плечами.

— Такую получил инструкцию. И не спрашивай, почему: я действительно не знаю.

— Что в посылке?

— Этого тоже не знаю. И увидев, как проворачивается операция, не желаю знать.

— Джек, было время, когда я мог назвать тебя другом. А сейчас ты пытаешься кормить меня сказочками о необходимости возвращения в Испанию, но я не верю ни одному твоему слову. Однако верю, ты не знаешь, что за всем этим кроется. Думаю, что не знает об этом ни один участник операции, может, за исключением одного лица.

Кейс согласился, заметив:

— Тэггарт держит в руках все нити. Ни мне, ни тебе для выполнения задания нет необходимости знать.

— Я не имел в виду Тэггарта. Полагаю, и он не знает, что происходит. Может, он считает иначе, но в таком случае ошибается, — под-

нял голову. — Вся эта невероятная операция могла возникнуть только в извращенному мозгу Слэйда. Я работал с ним когда-то и знаю, чем набита его голова.

— Мы снова возвращаемся к Слэйду, — неохотно заметил Кейси. — Ты помешан на нем.

— Возможно. Во всяком случае, можешь передать Тэггарту хорошую новость: я отвезу эту проклятую посылку в Рейкьявик. Кому ее должен отдать?

— Сейчас ты начинаешь говорить дело.

Он посмотрел на мой стакан, я уже о нем позабыл. Подал его ему.

— Знаешь бюро путешествий Нордри?

— Да, там когда-то работала Элин.

— Я не знаю, но из того, что мне передали, известно, что кроме обслуживания туристов там находится магазин сувениров.

— Тебе правильно передали.

— У меня есть оттуда бумага, в которую они заворачивают покупки. Аккуратно завернешь посылку, войдешь внутрь и пройдешь к отделу по продаже шерстяных тканей. Там будет стоять человек с газетой «Нью-Йорк Таймс», держа под мышкой идентичный сверток. Скажешь как бы от нечего делать: «Здесь холоднее, чем в Штатах», а он ответит: «В Бирмингеме еще холоднее».

— Знаю этот текст, когда-то его применял.

— Отлично. После такого знакомства положить посылочку на прилавок, а он положит свою. Ну, а дальше произойдет обыкновенный обмен.

— И когда этот обыкновенный обмен должен произойти?

— Завтра в полдень.

— А если мне не удастся добраться туда вовремя? Можно допустить, что русские поставят сотню постов возле каждого километрового столба.

— Тот кто-то будет ждать тебя ежедневно в полдень.

— Как трогательно Тэггарт верит в меня. По словам Слэйда, Контора испытывает голод на работников, а Тэггарт, пожалуйста, какой расточительный! А что будет, если я не появлюсь и через год?

Кейс не улыбнулся.

— Тэггарт предвидел это. Если ты не появишься в течение недели, то тебя начнут искать, а я этого от всей души не желаю, потому что, несмотря на твое неприятное замечание о дружбе, не переставал хорошо к тебе относиться.

— Улыбнись, когда говоришь такие слова, незнакомец.

Он улыбнулся.

— А сейчас расскажи еще раз по очереди, начиная с приезда Слэйда к тебе в Шотландию.

Итак, я в очередной раз повторил весь свой перечень бед, обращая внимание на каждую деталь, все «за» и «против». Беседовали мы довольно долго, и наконец, Кейс серьезно сказал:

— Если ты прав и Слэйд на самом деле подкуплен, нас ждут большие неприятности.

— Не думаю, что его купили, — возразил ему. — По-моему, он с самого начала был русским агентом. Но есть еще кое-что, беспокоящее меня не менее, чем Слэйд: что во всем этом делают американцы? Не похоже, чтобы у них существовали тесные связи с людьми такого покроя, как Кенникен.

Кейс отмахнулся.

— Проблема с американцами касается лишь одного эпизода. А дело Слэйда — нечто другое. Он сейчас большая шишка, участвует в планировании политики. Если он влез в это дерьмо, придется реорганизовать всю

Контору. — Внезапно он махнул рукой. — Боже, о чем говорю! Еще чуть-чуть, и я бы во все поверил. Это полный абсурд, Алан!

Я протянул ему пустой стакан.

— У меня пересохло в горле после таких разговоров — налей еще.

Кейс потянулся за начатой бутылкой, а я продолжал.

— Посмотрим на все иначе: вопрос поставлен, а раз так, не может оставаться без ответа. Если ты повторишь Тэггарту мои обвинения против Слэйда, он должен будет предпринять соответствующие меры. Он не может позволить себе молчать. Разложит Слэйда под микроскопом, и я не думаю, чтобы тот выдержал основательную проверку.

Кейс кивнул.

— Есть лишь одно «но», — начал он. — У тебя должна быть полная уверенность, что ты не руководствуешься в отношении Слэйда предубеждением. Я знаю, почему ты ушел из Конторы, и хорошо знаю, почему так открыто не терпишь Слэйда. Ты не можешь быть объективным. Ты обвиняешь его во всех грехах, и если он выйдет из всего этого чище, чем первый снег, то ты окажешься в безрадостной ситуации. Слэйд потребует твою голову на подносе и получит ее.

— Тогда и будет иметь право требовать. Но до этого не дойдет. Он виновен, как сто чертей.

Моя тирада прозвучала довольно убедительно, но я сам не мог избавиться от навязчивого опасения в возможной ошибке. Замечание о моей предубежденности против Слэйда не было лишено оснований. Еще раз лихорадочно проанализировал все обвинения против Слэйда и не нашел ни одного слабого места.

Кейс посмотрел на часы.

— Половина двенадцатого.

Я отставил стакан с нетронутым виски.

— Уже поздно, мне нужно возвращаться.

— Я передам все Тэггарту, — заверил Кейс. — Расскажу ему также о Флите и Маккарти. Может, ему удастся что-нибудь выведать через Вашингтон.

Я вытащил нож из крышки туалетного столика и сунул его за носок.

— Скажи мне, Джек, ты действительно не знаешь, в чем здесь дело?

— Ни малейшего понятия. В первый раз об операции услышал, когда меня вызвали из Испании. Тэггарт был взбешен, и по-моему, были на это причины. Жаловался, что ты не хочешь иметь ничего общего со Слэйдом и что даже не захотел сказать ему, где находишься. Сказал еще, что ты согласился встретиться со мной в Гейсир. Я не кто иной, Алан, как мальчик на побегушках.

— То же самое Слэйд сказал обо мне, — мрачно заметил я. — Знаешь, мне уже осточертело бежать наобум, по уши сижу в этой гонке. Может, правильнее плюнуть на все и не двигаться с места?

— Я бы не советовал тебе, — предостерег Кейс. — Лучше послушайся приказа и отвези посылку в Рейкьявик.

Он надел пиджак.

— Я провожу тебя до машины. Где ты ее оставил?

— Недалеко от отеля.

Он уже открывал дверь, когда я сказал:

— Думаю, что ты не был со мной до конца откровенным, Джек, избегал, как мог, нескольких тем. Послушай, в последнее время происходят разные удивительные вещи, например, работник Конторы гоняется за мной с оружием в руках. Поэтому скажу тебе одно: вполне реально, что по дороге в Рейкьявик меня задержат, и если окажется, что ты имел к этому

отношение, несмотря на нашу дружбу, я доберусь до тебя. Надеюсь, ты все правильно понял.

Он улыбнулся.

— Ты воображаешь себе нереальные вещи.

Однако улыбка получилась принужденной, а в выражении его лица я подметил что-то, чего не мог определить и что вызвало у меня тревогу. Прошло много времени, прежде чем понял, что за этим крылось, но случилось это, к сожалению, слишком поздно.

VI

Мы вышли из отеля. Темнота, окружившая нас, была типичной для летней поры в Исландии. Ее можно назвать кошмарным полумраком. Воздух переполнял запах серы.

Кейс, пожалуй, тоже почувствовал беспокойство в атмосфере, посмотрел на стреляющие вверх гейзеры и прошептал:

— Что-то в этом есть, верно?

— Да, — коротко ответил я.

Мы шли, похрустывая подошвами ботинок, по дороге, покрытой обломками лавы, мимо длинной шеренги выкрашенных белых столбов, отделяющих дорогу от горячих источников. Оттуда доносились бульканье кипящей воды и все более сильный запах серы. В дневном свете источники отличаются разными цветами: одни белые и чистые, как джин, другие сверкают прозрачной голубизной или зеленью, но каждый близок к температуре кипения.

Даже в темноте я видел белые облачка пара, поднимающиеся в воздух.

Кейс заговорил:

— А если говорить о Слэйде, какое имело...

Я так никогда и не узнал, о чем он хотел спросить, так как возле нас внезапно выросли три плотные тени. Я почувствовал, как кто-то ухватил меня за плечо, и услышал шведскую речь:

— Стевартсен, стоять! Понятно?

Одновременно ощутил что-то твердое у себя в боку. Выполняя приказ, я остановился, но не совсем так, как того ожидали. Весь максимально расслабился, подобно Маккарти, когда ударил его палкой, подогнул колени и наклонился к земле. Я услышал приглушенный возглас удивления, и захват на моей руке моментально ослаб. Резкое движение в совершенно неожиданном направлении помогло мне освободиться также и от ствола пистолета, вдавленного в мое ребро. В тот момент, когда я оказался у земли, моментально развернулся на согнутой ноге, а другой, жестко выпрямленной, угодил изо всей силы в моего говорящего по-шведски неприятеля. Получив удар под колени, он растянулся во весь рост на земле. Пистолет у него был снят с предохранителя, и в момент падения раздался выстрел. Я услышал свист пули, пролетевшей рикошетом.

Я перевернулся и замер, повернув лицо к земле у одного из столбов. На фоне белой краски я мог бы броситься в глаза, поэтому отполз в темноту, доставая одновременно пистолет. Кто-то за мной крикнул: «Спешите!», на что другой тихо ответил: «Нет! Слушайте!» Я лежал, не двигаясь, и вскоре услышал глухое топанье ног кого-то, бегущего к отелю.

Только люди Кенникена могли обратиться ко мне, назвав по-шведски Стевартсеном, а их более поздние крики по-русски подтверждали предположение. Прижав голову к земле, я всматривался в сторону дороги,

пытаясь разглядеть, не появится ли там фигура кого-нибудь из моих преследователей, отчетливо выделяясь на фоне более светлого неба. Заметил вблизи непонятное движение, до меня донесся шорох шагов. Я выстрелил в ту сторону, вскочил и пустился наутек.

Идея очень рискованная: я мог в темноте на бегу упасть головой вниз в какой-нибудь бездонный источник с кипящей водой. Считая шаги, мысленно старался представить себе размещение гейзеров, которые часто видел в дневном свете в более подходящих условиях. Источники различались величиной, начиная с маленьких, насчитывающих каких-то жалких пятнадцать сантиметров, до гигантских, достигающих в диаметре пятнадцать метров. Вода, нагретая в них в результате подземных вулканических процессов, непрерывно вырывается наружу, создавая сеть горячих гейзеров, покрывающих всю местность.

Пробежав метров сто, остановился и опустился на одно колено. Передо мной поднималось облако пара, создавая густой белый заслон.

По моим подсчетам, я находился перед самим Гейзером. А это означало, что Строккур остался где-то сзади и немного левее. Я отдавал себе отчет, что должен держаться от него как можно дальше: пребывание слишком близко от Строккура грозило большими неприятностями.

Я оглянулся. Ничего не заметив, однако услышал звуки шагов, доносящихся с того места, откуда я прибыл. Справа также все ближе хрустели под ногами обломки лавы. Я не знал, отдавали ли себе отчет мои преследователи, но, сознательно или нет, они припирали меня к источникам, полным кипящей воды. Мужчина, подходивший справа, включил сигнальный фонарь, устройство, напоминающее прожектор. На мое счастье, он направил его на землю, более, чем мной, озабоченный возможностью превратиться в готовый гуляш.

Я поднял пистолет и трижды выстрелил в его сторону. Свет тотчас погас. Не думаю, чтобы попал в него, просто он понял, что включенная лампа представляет идеальную цель. Меня не беспокоило, что произвожу много шума, в моей ситуации шум мог только помочь. До этого раздалось лишь пять выстрелов, на пять больше, чем возможно в тихую исландскую ночь. Уже зажглись окна в отеле, и оттуда доносились чьи-то крики.

Мужчина за мной выстрелил два раза. Вспышка огня из дула показала, что он расположен не далее чем в десяти метрах от меня. Пули пошли веером: одна неизвестно куда, а другая угодила в зеркало Гейсира, подняв фонтанчик воды. Я не ответил огнем, а побежал влево, огибая источник. По дороге ступил в лужу горячей воды, к счастью, не глубже пяти сантиметров, и преодолел ее настолько быстро, что не получил никаких ожогов. При этом меня больше волновало, как бы шум хлюпающей воды под ногами не выдал моего нахождения.

Со стороны отеля слышалисьвсе более громкие крики и шум открываемых окон. Кто-то со скрежетом завел автомобиль, зажглись фары. Я не обращал на все это внимания, а бежал дальше, приближаясь к дороге. Тот, кому пришла в голову идея завести машину, не намеревался тратить время на игры. Описал круг и двинулся в сторону источников, осветив фарами всю местность.

Его попытка для меня оказалась очень удачной: она помогла мне избежать падения головой вниз в один из кипящих источников. Я вовремя увидел отражение света на поверхности воды и успел остановиться, балансируя на самом краю. Тут же почувствовал резкий рывок за рукав пиджака: пуля, посланная неожиданно с другого берега источника, отнюдь не помогла мне сохранить равновесие.

Но хотя я и оказался в свете фар этого проклятого автомобиля, мой нападающий находился в худшем положении, так как расположился между мной и машиной, и его фигура отчетливо выделялась на свету. Я выстрелил в него: он вздрогнул и пропал. Вскоре фары ушли дальше, а я, не ожидая их возвращения, быстро побежал вокруг источника. Мой же противник послал пулю в то место, где я недавно стоял.

Через минуту фары вернулись и замерли. И тогда я увидел его, как он отступает, бросая нервные взгляды во все стороны. Меня он не мог увидеть, потому что в тот момент я лежал, прижавшись к земле. Он медленно отступал назад, но внезапно попал ногой в неглубокую ямку, заполненную горячей водой. Испугавшись, он попытался отбежать, но опоздал: за его спиной поверхность источника вспучилась, как чудовище, выныривающее на поверхность, газовый пузырь, предвещающий водный взрыв Строккура.

Строккур взорвался внезапно. Перегретый пар, кипящий глубоко под землей рядом с раскаленной лавой, вынес на поверхность столб кипящей воды на высоту двадцати метров над поверхностью источника и начал падать вниз губительным дождем. Мужчина пронзительно крикнул, но его вопль заглушил рев Строккура. Он широко расставил руки и свалился в воду.

Я быстро поднялся и, описав широкий круг, чтобы удалиться от горящих фар, направился в сторону дороги. До меня доносился шум голосов, все больше автомобилей двигалось с места, чтобы осветить фарами место несчастного случая, а толпа людей бежала к Строккуру. Я подошел поближе к источнику и выбросил в него пистолет и запасные обоймы: тот, у кого в эту ночь нашли бы оружие, наверняка весь остаток своей жизни провел бы за решеткой. Наконец я добрался до дороги и смешался с толпой. Кто-то спросил:

— Что случилось?

— Не знаю, — ответил я. Махнув рукой в сторону Строккура, добавил: — Где-то там стреляли.

Он промчался мимо меня, жаждущий зрелища чужого несчастья: точно так он бежал бы с надеждой сунуть нос в обломки попавшего в аварию автомобиля. Я медленно отступил в темноту, выйдя из круга света от зажженных фар.

Затем двинулся по дороге в сторону припаркованного фольксвагена. Через сто метров обернулся и посмотрел назад. Там царило всеобщее возбуждение, длинные тени мелькали среди пара над горячими источниками, а вокруг Строккура собралась небольшая толпа. Люди окружили гейзер, но близко не подходили, зная, что тот взрывается каждые семь минут. Я с удивлением обнаружил, что с того момента, как Кейс и я наблюдали выброс Строккура, до того, как он поглотил одного из моих преследователей, прошло всего лишь семь минут.

И тогда я увидел Слэйда.

Он стоял, отчетливо вырисовываясь в свете автомобильных фар, и всматривался в сторону Строккура. Я пожалел, что выбросил пистолет, чувствовал, что сейчас мог бы его убить, невзирая на последствия. Его товарищ поднял руку и показал на что-то, а Слэйд рассмеялся. В этот момент знакомый повернулся, и я узнал его. Это был Джек Кейс.

Мое тело пронзила дрожь. Я тяжело поплелся по дороге в поисках фольксвагена. Он стоял там же, где его оставил. Я сел за руль, завел мотор и не двигался с места, ожидая, когда спадет охватившее меня напряжение. Мне неизвестен ни один человек, сумевший сохранить спокойствие после выстрела в него с близкого расстояния: об этом заботится нервная система.

Железы работают с повышенной нагрузкой, химические элементы насыщают кровь, мышцы напряжены, и вскоре начинает болеть живот. Но худшее наступает после исчезновения угрозы.

Я не мог совладать с дрожью рук, поэтому покрепче ухватил руль, и они вскоре успокоились. Начал приходить в себя. Успел переключить скорость, когда почувствовал на затылке кольцо холодного металла и услышал резкий, хорошо знакомый голос:

— Добрый вечер, герр Стевартсен. С приездом.

Я вздохнул и выключил мотор.

— Здравствуй, Вацлав, — ответил.

— Меня окружает банда поразительно тупых идиотов, — пожаловался Кенникен. — Весь их мозг умещается в пальце, которым они нажимают на спусковой крючок. В наше время было иначе, верно, Стеварсен?

— Меня зовут Стюарт.

— Да? Ну что ж, герр Стюарт, можешь завести мотор и ехать. А куда, я тебе скажу. Пусть мои некомпетентные ассистенты сами позаботятся о себе.

Толкнул меня стволом пистолета. Я повернул ключ зажигания.

— Куда? — спросил.

— Пока в сторону Лаугарватн.

Медленно и осторожно выехал из Гейсир. Не чувствовал уже пистолета на затылке, однако знал, что он в полной готовности: я настолько хорошо изучил Кенникена, чтобы выбросить из головы вздорные мысли о геройских поступках. У Кенникена возникло желание немного поболтать.

— Ты заварил крупную кашу, Алан. Однако сейчас у тебя есть возможность дать ответ на загадку, который я не знаю: что случилось с Тадеушем?

— А кто это, черт возьми?

— В тот день, когда ты приземлился в Кеблавике, именно он должен был тебя придержать.

— Значит, это был Тадеуш... Мне он представился как Линдхольм. Тадеуш был поляком?

— Русским. Но его мать, кажется, полька.

— Ей будет его не хватать.

— Ах, вот как...

Он помолчал, а затем продолжил:

— Бедному Юрию сегодня утром ампутировали ногу.

— Бедному Юрию не хватило ума, чтобы не размахивать пистолетом перед человеком, вооруженным карабином.

— Но Юрий не знал, что у тебя есть карабин. Ну, не такой карабин, во всяком случае. Это для нас большая неожиданность, — он цокнул языком. — Ты не должен был разбивать мне джип. Очень некрасиво.

Не такой карабин! Он знал, что у меня есть карабин, но ничего не знал о пушке Флита. Интересно, потому что, исключая оружие Флита, единственный карабин, который был у меня, это тот, что я забрал у Филипса, так откуда об этом мог узнать Кенникен? Только от Слэйда! Еще одно доказательство.

— Двигатель поврежден? — спросил я.

— Ты навылет прострелил аккумулятор. Полностью вывел из строя систему охлаждения. Вода вся вытекла. Твое оружие — неплохая игрушка.

— Согласен, — кивнул я. — Надеюсь еще не раз его применить.

Он хохотнул.

— Очень сомневаюсь. Твое последнее выступление принесло мне массу неприятностей. Пришлось в поте лица объясняться, чтобы как-то выпутаться. Несколько любопытных исландцев задали мне массу вопросов, на которые я на самом деле не хотел отвечать. И к тому же добавились хлопоты с Юрием.

— Да, я вам очень сочувствую.

— И сегодня ты снова выступил на глазах у всех. Что там, собственно, случилось?

— Один из твоих парней слегка поджарился, слишком близко приблизившись к гейзеру.

— Ну вот видишь. Я работаю с одними придурками. Можно подумать, что три на одного достаточный перевес, а? Но где там! Испортили всю работу.

На самом деле соотношение составляло три к двум, но что, в конце концов, случилось с Джеком? Он даже пальцем не пошевелил, чтобы мне помочь. Образ Джека, поглощенного разговором со Слэйдом, не переставал жечь меня раскаленными углями. Каждый раз получалось так, что те, кому я доверял, в итоге предавали меня, и эта мысль жгла изнутри, как кислота.

Я мог понять Бухнера, он же Грэхем, он же Филипс, — сотрудника Конторы, введенного Слэйдом в заблуждение. Но Кейс знал, в чем дело, знал мои подозрения и, несмотря на это, не сделал буквально ничего, чтобы прийти мне на помощь, когда на меня напали люди Кенникена. А через десять минут стоял, как лучший друг, болтая со Слэйдом. Создавалось впечатление, что вся Контора заражена противником, хотя, исключая Тэггарта, Кейс был последним человеком, которого я мог подозревать в измене. Мне пришла горькая мысль, что, может, даже сам Тэггарт внесен в платежную ведомость Москвы. В такой упаковке все находились бы на своем месте.

Голос Кенникена прервал мои размышления.

— Меня радует, что я тебя высоко оценил. Предвидел, что убежишь от тех придурков, с которыми я обречен работать, и поэтому устроил засаду в твоем автомобиле. Предусмотрительность всегда вознаграждается, верно?

— Куда мы едем?

— Тебе незачем точно знать. Будь внимателен за рулем. Поедешь через Лаугарватн с максимальной осторожность и, соблюдая все ограничения скорости, не пытайся предпринимать какие-либо действия, которые могли бы обратить чье-либо внимание. Никаких резких сигналов, например.

В тот же момент я ощутил холодную сталь на затылке.

— Ты понял?

— Да.

Внезапно мне стало легче. Я уже испугался, что Кенникен знает, где я провел последние двадцать четыре часа, и заставит меня сейчас ехать к дому Гуннара. Меня это даже бы не удивило. Кенникен, казалось, знал обо всем. Примером мог послужить сегодняшний день, когда он хитро притаился в Гейсир. Кровь застыла у меня в жилах, когда я представил Элин или Сигурлин в его руках.

Мы проехали через Лаугарватн, направляясь в сторону Тингветлир. Выехали на шоссе, ведущее в Рейкьявик, но через восемь километров Кенникен велел мне свернуть влево на проселочную дорогу. Я ориентировался и хорошо знал, что она идет вокруг озера Тингвадлаватн. Размышлял, куда, черт возьми, мы могли ехать.

Ответ не замедлил вскоре прийти — мы съехали с дороги, направляясь по ухабам в сторону озера и небольшого домика, в окнах которого горел свет. Одним из символов социального положения жителя Рейкьявика

является летний домик на берегу озера. Когда цены пошли вверх вслед за ограничением в строительстве новых домов, владение летним домиком над озером Тингвадлаватн представляет исландский эквивалент картины кисти Рембрандта на стене.

Я остановил автомобиль перед домом.

— Посигналь, — потребовал Кенникен.

Я нажал на клаксон, и на этот звук из дома показалась какая-то фигура. Кенникен снова приставил пистолет мне к затылку.

— Будь осторожен, Алан! — предостерег он. — Веди себя разумно.

Сам он предпринял далеко идущие меры предосторожности — меня ввел в дом, лишив малейшей возможности побега. Комната была обставлена в широко распространенном стиле, известном как шведский модерн, который в английском доме производит впечатление холодного и несколько искусственного, однако в Скандинавии выглядит уютно и естественно. В камине пылал огонь, что являлось для меня неожиданностью: в Исландии нет залежей угля, нет также и дерева для огня, поэтому вид естественного огня довольно редок. Много домов обогревается с помощью натуральных горячих источников, а остальные используют систему обогрева с нефтяным топливом. Но в камине Кенникена ярко пылали куски торфа, помигивая голубыми язычками.

Кенникен взмахнул пистолетом.

— Садись у камина и немного погрейся. Но сначала Ильич тебя обыщет.

Ильич оказался крепким мужчиной с широким плоским лицом. Его глаза чем-то напоминали азиатские, склоняя к предположению, что, по крайней мере, один из его предков жил за Уралом. Он тщательно меня обшарил, после чего повернулся к Кенникену и отрицательно покачал головой.

— Нет оружия? — подхватил Кенникен. — Очень разумно. — Он послал Ильичу милую улыбку и снова обратился ко мне. — Ну вот, сам видишь, Алан, какие идиоты меня окружают. Подними, пожалуйста, брюки на левой ноге и покажи Ильичу свой великолепный нож.

Я сделал, что он приказал. Ильич заморгал от удивления, а Кенникен здорово ему всыпал. Русский язык еще более богат ругательствами, чем английский. Таким образом, нож конфисковали, а Кенникен указал мне на кресло, которое Ильич с пылающим лицом поставил за мной.

Кенникен отложил пистолет.

— Что будешь пить, Алан Стюарт?

— Шотландское виски, если у тебя есть.

— А как же.

Он открыл буфет у камина и налил стакан виски.

— Чистое или с водой? Мне жаль, но содовой нет.

— Можно и с водой, — заверил я его. — Только сделай слабый напиток.

Он усмехнулся.

— Ну конечно. Ты должен сохранять здравый рассудок, — иронично заметил он.

Когда противник предлагает тебе выпивку, старайся пить слабые напитки.

Он долил воды в стакан и подал мне.

— Надеюсь, тебе понравится.

Я осторожно отпил из стакана и согласно кивнул. Если бы его содержимое оказалось чуть-чуть слабее, я не сумел бы даже отпить еще глоток. Кенникен вернулся к буфету и налил себе полный бокал исландской водки,

после чего одним глотком опустошил половину. Я с недоверием смотрел, как он не моргнув глазом вливает в себя почти чистый спирт: если уж он не скрывался с выпивкой, то это доказывало, что он быстро спивается. Меня удивило, что в Конторе об этом ничего не знают.

— В Исландии трудно достать кальвадос?

Он оскалился и поднял вверх бокал с алкоголем.

— Это моя первая рюмка за четыре года. Сегодня у меня большой праздник.

Сел в кресло напротив меня.

— У меня есть причина праздновать — в нашей профессии редко случается, чтобы встретились старые знакомые. К тебе хорошо относятся в Конторе?

Я отпил водянистое виски и поставил стакан на низкий столик рядом со своим креслом.

— Я не работаю в Конторе уже четыре года.

Он приподнял бровь.

— У меня другая информация.

— В этом случае ошибочная. Я ушел оттуда после возвращения из Швеции.

— Я тоже ушел. Это мое первое задание за четыре года. Я тебе многим обязан, — он говорил спокойным, ровным голосом. — Но ушел не по собственной воле. Меня послали выполнять бумажную работу в Ашхабаде. Знаешь, где это?

— В Туркмении.

— Вот именно, — он постучал себя по груди. — Я, Вацлав Викторович Кенникен, направлен прочесывать границу в поисках наркотиков и перекладывать бумажки на столе!

— Такова судьба больших людей в этом мире, — заметил я. — Значит, тебя вернули оттуда для этой операции. Тебе, наверное, приятно.

Он вытянул ноги.

— О да, особенно мне доставило удовольствие известие, что найду здесь тебя. Видишь ли, было время, когда я считал тебя своим другом, — он слегка повысил голос. — Ты был мне близок, как брат.

— Не шути, ты же знаешь, что у агента разведки нет друзей.

Я вспомнил Джека и с горечью подумал, что и я, как когда-то Кенникен, убеждаюсь в истинности этого правила на собственной шкуре.

Кенникен продолжал, словно я вообще ничего не говорил.

— Даже ближе, чем брат. Я был готов отдать жизнь в твои руки. Так в итоге и поступил, — он всматривался в бесцветное содержимое бокала. — А ты меня предал.

Резким движение поднял бокал и опустошил его.

Я насмешливо заметил:

— Успокойся, Вацлав, на моем месте ты поступил бы точно так же.

Он упорно смотрел на меня.

— Но я тебе доверял, — почти жалобно сказал он. — Вот что самое болезненное.

Он встал и подошел к буфету. Бросил мне через плечо:

— Ты же знаешь, что у нас в стране ошибок не прощают. Ну, и вот… — он пожал плечами. — Попал за стол в Ашхабаде. Уничтожили меня, — хрипло закончил он.

— Могло быть и хуже, — утешил его. — Тебя могли сослать в Сибирь, например, на Колыму.

Когда он вернулся на место, в руке снова держал наполненный бокал.

— Так чуть было и не случилось, — спокойно ответил он. — Но друзья помогли. Мои настоящие русские друзья.

Он с усилием вернулся к делам дня сегодняшнего.

— Не будем зря терять время. У тебя есть один электронный прибор. Он находится у тебя не по праву. Где он?

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

Он кивнул.

— Разумеется, я не ждал от тебя ничего другого. Но ты должен отдавать себе отчет, что все равно вернешь его. — Он достал портсигар. — Итак?

— Хорошо. Мы оба уверены, что он у меня. Нет смысла вилять: мы слишком хорошо друг друга знаем. Но ты не получишь его.

Он достал из портсигара длинную русскую папиросу.

— А я думаю, что получу. Скажу тебе больше: уверен.

Он отложил папиросы и принялся искать спички по карманам.

— Видишь ли, для меня это не простая операция. У меня много причин желать твоих мук, причин, совершенно не связанных с делом того электронного прибора. Я абсолютно уверен, что получу его.

Голос у него стал холодным как лед. Я почувствовал, как мурашки побежали у меня по спине. «Кенникен хочет угостить тебя кусочком острого ножа». Это слова Слэйда, а именно он сдал меня в руки Кенникена.

Кенникен что-то пробормотал, недовольный отсутствием спичек, после чего из-за моей спины появился Ильич с зажигалкой в руке. Кремень зажигалки высек искру, и Кенникен наклонил голову, чтобы прикурить. Снова посыпались искры, но пламя не появилось.

— Оставь ее! — сказал он раздраженно.

Он наклонился, взял листок бумаги, разжег его в огне камина и прикурил папиросу. Я с интересом наблюдал за Ильичом. Он не вернулся на свой пост за моим креслом, а подошел к буфету с алкоголем за спиной Кенникена.

Кенникен затянулся, выпустил облако дыма и поднял взгляд. В тот момент, когда он заметил отсутствие Ильича, в его руке появился пистолет.

— Ильич, ты что вытворяешь?

Пистолет в его руке не дрогнул. Ильич повернулся, держа в руках баллончик с газом.

— Заправляю зажигалку.

Кенникен надул щеки и закатил глаза.

— Прекрати заниматься чепухой! — резко сказал он. — Иди и обыщи фольксваген. Ты знаешь, что искать.

— Его там нет, Вацлав.

— Ильич проверит, говоришь ли ты правду.

Ильич поставил обратно в буфет баллончик с газом и вышел из комнаты. Кенникен не отложил пистолет в сторону. Но держал его сейчас как бы нехотя.

— Ну, и что я говорил? Мне выделили группу, собранную с бору по сосенке. Меня удивляет, что ты не использовал подвернувшуюся возможность.

— Не будь тебя, я бы все сделал как надо.

— Ну да. Мы хорошо знаем друг друга. Может, даже слишком хорошо.

Он положил папиросу в пепельницу и взял бокал.

— Я совсем не уверен, что работа над тобой доставит мне удовольствие. У вас, англичан, есть такая пословица: «Твоя боль — это моя боль», — он махнул рукой. — Может быть, впрочем, я плохо ее понял.

— Я — не англичанин, — возразил ему. — Я — шотландец.

— Я не вижу никакой разницы. Но вот что тебе скажу: ты в мою жизнь внес существенную разницу, — он сделал глоток из бокала. — А эта твоя девушка, Элин Рагнарсдоттир… ты ее любишь?

Я застыл.

— Она не имеет со всем этим ничего общего.

Он рассмеялся.

— Не беспокойся, у меня нет намерения ее обижать. У нее с головы волос не упадет. Не верю в Библию, но готов на ней поклясться, — в его голосе послышалась нотка иронии. — Могу даже поклясться на собрании сочинений Ленина, если ты считаешь замену равноценной. Ты веришь мне?

— Да.

Как ни странно, но я действительно ему верил. В этом он отличался от Слэйда. Тому не поверил бы, даже если бы он присягнул на тысяче Библий, но одного слова Кенникена хватило, чтобы я ему поверил так, как он когда-то верил мне. Я хорошо знал и понимал Кенникена и любил его стиль: он был насквозь джентльменом. Дикарем, но все-таки джентльменом.

— Итак, ответь на мой вопрос: любишь ее?

— Мы решили пожениться.

Он рассмеялся.

— Не совсем искренний ответ, но мне достаточно, — он наклонился ко мне. — Ты спишь с ней, Алан? Когда ты отдыхаешь в Исландии, вы ложитесь на землю под звездным небом и, сплетя ваши тела, любите друг друга так, что капли вашего пота сливаются в один ручеек. Шепчете друг другу ласковые слова и до последнего порыва страсти, пока взрыв экстаза не принесет вам спокойствия, после чего уходит, оставляя вас в состоянии разнеженности. Именно так все происходит? — В его голосе почувствовались нотки нежности. — Помнишь нашу последнюю встречу в сосновом лесу, где ты пытался меня убить? Мне жаль, что ты не выстрелил точнее. Врачи в Москве очень долго старались меня как-то залатать, но оказалось одно место, которое они не могли исправить. Именно поэтому, если останешься жив, а я еще не решил, как с тобой поступить, ты уже никогда не угодишь ни своей Элин Рагнарсдоттир, ни любой другой женщине.

— Я бы еще выпил.

— Приготовлю тебе более крепкий напиток. Он будет в самый раз, судя по тому, как ты выглядишь.

Он подошел взять мой стакан, после чего вернулся с ним к буфету с алкоголем. Не выпуская из руки пистолет, налил виски и добавил немного воды. Принес мне и сказал:

— Это поможет вернуть тебе румянец на щеки.

Я взял у него виски.

— Мне понятна твоя обида, но ведь солдат должен знать, что в него может попасть пуля: риск входит в профессию. Тебя действительно так трогает, что тебя предали? В этом все дело, верно?

— И в этом тоже.

Я попробовал виски: на этот раз оно оказалось значительно крепче.

— Ты ошибаешься при выборе лица, ответственного за происходящее. Кто в то время был твоим начальником?

— В Москве — Бакаев.

— А моим?

Он улыбнулся.

— Звезда британской аристократии, сэр Дэвид Тэггарт.

Я отрицательно покачал головой.

— Нет, его не интересовало наше дело, в то время его внимание привлекали более крупные хищники. Тебя предал твой собственный шеф,

Бакаев, в сотрудничестве с моим начальником, а я оказался простым орудием в его руках.

Кенникен залился смехом.

— Милый, ты начитался Флеминга.

— Ты даже не спросил, кто был моим шефом.

Не переставая трястись от смеха, он таки спросил:

— Ну, хорошо, кто?

— Слэйд.

Смех внезапно прекратился.

Я продолжал:

— Все было очень тщательно продумано. Тебя предали, чтобы Слэйду обеспечить прекрасную репутацию. Все должно было выглядеть правдиво и очень естественно. Поэтому ты ни о чем не мог знать. Взвесив все, я должен был признать, что ты не сдался без борьбы, но что поделаешь, тебе все время подрезали корни, потому что твой Бакаев постоянно информировал обо всем Слэйда.

— Полнейший вздор, Стевартсен, — решительно изрек он, но внезапно побледнел. Синий шрам на щеке резко контрастировал сейчас с белизной кожи.

— А поскольку ты проиграл, — продолжал я, — то должен был понести наказание, иначе все дело выглядело бы подозрительным. Ты прав, мы хорошо знаем, как у вас решают подобные дела, если бы тебя не сослали в Ашхабад или иное похожее место, мы могли бы заподозрить ловушку. И чтобы все уж совсем выглядело правдиво, ты должен был четыре года провести в ссылке. Четыре года перекладывать бумажки за безупречное выполнение своих обязанностей. Они уделали тебя, старик.

Он холодно глянул на меня.

— Я не знаю никакого Слэйда, — коротко ответил он.

— А должен. Этот человек отдает тебе приказы в Исландии. Ты, видимо, считаешь естественным, что кто-то другой будет возглавлять операцию. Известно, что у вас не доверяют кому-то, кто, как и ты, уже раз подвел. Кстати, ты сам разделяешь эту точку зрения. И сейчас, может быть, думаешь, что после удачного выполнения задания тебе удастся вернуть репутацию и честь, и кто знает, даже вернуть прежнее положение. — Я рассмеялся. — А тем временем кого тебе дают в руководители? Того самого типа, который подставил тебя в Швеции.

Кенникен встал. Пистолет по-прежнему был направлен мне в грудь.

— Я знаю, кто провалил операцию в Швеции, — сказал он. — И могу сейчас до него дотронуться.

— Я лишь выполнял приказы. Мозгом всей операции являлся Слэйд. Ты помнишь Джимми Биркби?

— Никогда о нем не слышал, — холодно ответил он.

— Конечно, ты знал его как Свена Хорнлунда, парня, которого я убил.

— Ах, да, британский агент, — вспомнил он. — Да, помню. Именно этот твой шаг и уверил меня, что могу тебе доверять.

— Это была идея Слэйда. Я не имел представления, кого убиваю. Потом убийство стало причиной скандала и моего ухода из Конторы, — я наклонился. — Все сходится один к одному, разве ты не видишь? Слэйд пожертвовал одним порядочным парнем, чтобы ты начал мне доверять. Ему безразлично, сколько наших людей погибнет. И, наконец, вместе с Бакаевым решили бросить на съедение тебя, чтобы таким образом заслужить еще большее доверие Тэггарта.

Серые глаза Кенникена выглядели сейчас как два булыжника. Лицо оставалось неподвижным за исключением рассеченного шрамом уголка рта, слегка подрагивающего от нервного тика.

Я откинулся в кресле и поднял стакан.

— Слэйд хорошо устроился. Сейчас в Исландии он проводит операцию на обе стороны. Боже мой, трудно придумать что-нибудь получше! Однако все начало выходить из-под контроля, когда одна из кукол не захотела прыгать на его нитке. Это его, пожалуй, очень испугало.

— Не знаю никакого Слэйда, — глухо повторил он.

— Нет? Тогда почему ты так нервничаешь? — я широко улыбнулся. — Скажу, что ты должен сделать. Когда в следующий раз будешь с ним говорить, спроси, как все случилось на самом деле. Это не значит, что ты чего-нибудь от него добьешься, Слэйд еще никогда никому не сказал правду. Но может на чем-нибудь проколоться при беседе с таким наблюдательным человеком, как ты.

Через задернутые занавески на окнах пробился свет фар, и я услышал шум подъехавшего автомобиля.

— Подумай о будущем, Вацлав, — продолжал я. — Вспомни все потерянные в Ашхабаде годы. Поставь себя на место Бакаева и задай себе вопрос: что важнее, операция в Швеции, которая в течение минуты может быть начата заново, или шанс внедрить своего человека на самую вершину британской разведки, на место настолько ответственное, что позволяет ему присутствовать на обеде премьер-министра Великобритании?

Кенникен беспокойно пошевелился, и я понял, что на этот раз в него попал. Он задумался, ствол пистолета несколько опустился.

— Итак, для интереса, — я подсыпал соли, — сколько времени у вас заняло создание другой группы в Швеции? Могу поспорить, что немного. Даже допускаю, что Бакаев располагал параллельной твоей организацией, которая вступила в дело сразу после вывода тебя из игры.

Я стрелял наугад, а попал прямо в цель. Ситуация напоминала сцену в казино: однорукий бандит исторг из себя главный выигрыш, колесики закрутились с гудением и треском, а звонок в голове зазвенел громко и отчетливо. Кенникен вздохнул и отвернулся. Он потупил голову и, вглядываясь в огонь, держал пистолет в опущенной руке.

Я весь напрягся, готовясь к атаке, и спокойно продолжал:

— Они не доверяли тебе, Вацлав. Бакаев не верил, что ты сможешь развалить собственную организацию, делая это вполне естественно. Мне тоже не доверяли, но меня предал Слэйд, один из членов твоей банды. С тобой же поступили иначе — ты получил пинок от своих. Скажи мне, как себя чувствуешь?

Вацлав Кенникен оставался агентом до мозга костей, молчал как рыба и ничем не выдавал себя. Повернулся и посмотрел на меня.

— Слушаю твою сказочку с большим интересом, — сказал глухим голосом. — Я не знаю этого, как его там, Слэйда. Ты придумал неплохую историю, но это не поможет тебе избежать неприятностей. Ты не будешь…

Дверь открылась, и вошли двое мужчин. Кенникен нетерпеливо глянул в их сторону.

— Ну, и что? — спросил.

Более крупный из новоприбывших начал по-русски:

— Как раз оттуда и вернулись.

— Вижу, — резко бросил Кенникен. Показал рукой в мою сторону. — Позвольте вам представить: Алан Стевартсен, лицо, которое вы должны были сюда доставить. Что на этот раз не сработало? Где Игорь?

Они посмотрели друг на друга, и потом более крупный сказал:

— Его забрали в больницу. Он сильно обжегся, когда…

— Прекрасно! — ядовито процедил Кенникен. — Великолепно…

Затем повернулся ко мне:

— И что ты скажешь на это, Алан? Мы здесь нелегально переправляем на борт траулера Юрия, а в то же время Игорь попадает в больницу, подвергая нас новым неприятностям! Что ты сделал бы с таким идиотом?

Я широко улыбнулся и спокойно ответил:

— Застрелил.

— Сомневаюсь, чтобы пуля пробила его медный лоб, — едко заметил Кенникен и неприязненно посмотрел на здоровяка.

— Зачем, скажи мне, вы принялись стрелять, наделав столько шума, словно началась революция?

Здоровяк беспомощно показал на меня.

— Он начал первым.

— Вообще до стрельбы не должно было дойти. Три мужика не могут справиться с одним, а?

— Их было двое.

— О! — Кенникен быстро глянул на меня. — А что случилось со вторым?

— Не знаю, убежал, — ответил здоровяк.

— И неудивительно, — вмешался я, стараясь говорить как можно более безразлично. — Это всего лишь случайный знакомый из отеля.

Внутри я весь кипел от злости. Так значит, Кейс просто-напросто сбежал, бросив меня на произвол судьбы. Ни полслова не скажу о нем Кенникену, но если удастся выбраться отсюда, я с ним посчитаюсь.

— Видимо, он и поднял тревогу в отеле, — заметил Кенникен. — Вы вообще на что-нибудь способны?

Здоровяк пытался протестовать, но Кенникен остановил его вопросом:

— Что делает Ильич?

— Разбирает на части автомобиль, — уныло ответил тот.

— Иди и помоги ему.

Они оба повернулись, но Кенникен резко сказал:

— Не ты, Григорий. Останешься здесь и будешь охранять Стевартсена.

Дал ему свой пистолет.

— Могу еще выпить? — спросил я у Кенникена.

— Почему бы и нет? Можно не опасаться, что ты станешь алкоголиком, не проживешь так долго. Будь осторожен с ним, Григорий.

Они вышли из комнаты, закрыв за собой дверь. Григорий стоял как раз напротив и таращился на меня пустым взглядом. Я очень медленно подтянул ноги и встал с кресла. Григорий поднял пистолет. Я улыбнулся ему, подняв пустой стакан.

— Ты слышал, что сказал шеф: у меня есть разрешение на последнюю выпивку.

Ствол пистолета опустился.

— Буду за твоей спиной, — предостерег он меня.

Я зашагал к буфету с алкоголем, не переставая говорить ни на секунду.

— Могу поспорить, что ты вырос в Крыму. Твой акцент трудно перепутать, Григорий. Я угадал?

Он промолчал, зато я говорил и говорил.

— Не вижу здесь русской водки, Григорий. Есть, правда, исландская, но это не одно и то же. Мне она не нравится. И вообще, водка, даже русская, мне не по вкусу. Мой любимый напиток — шотландское виски. Оно ведь и понятно, я же шотландец.

Позвякивал бутылками, чувствуя на затылке дыхание Григория. Налил в стакан виски и добавил воды. Повернулся, держа в руке стакан: Григорий стоял в метре от меня, целясь пистолетом прямо в живот. Я всегда говорил, что пистолет может быть очень эффектным оружием, а Григорий еще раз доказал, что тоже знает об этом. В помещении пистолет идеальное оружие для убийства. Если бы мне сейчас пришла в голову глупая мысль плеснуть алкоголем в лицо Григорию, он без труда перебил бы мне позвоночник.

Я поднял стакан выше.

— Твое здоровье! Как говорят в Исландии.

Возвращаясь на свое место, я по-прежнему держал руки высоко, так как в противном случае у меня из рукава выпал бы укрытый там баллон с газом. Передвигаясь так своеобразно, я, очевидно, выглядел довольно педерастично, ибо Григорий бросил на меня полный презрения взгляд.

Глотнул из стакана и взял его в другую руку. Когда я уже перестал вертеться, баллон оказался укрытым между накидкой и подлокотником кресла. Еще раз поднял тост за Григория и с интересом принялся вглядываться в огоньки торфа в камине.

На каждом газовом баллоне виднеется грозное предупреждение: «Внимание! Смесь очень огнеопасна. Не применять вблизи огня или пламени. Держать подальше от детей. Не прокалывать, не сжигать». Торговые фирмы не любят размещать на своих товарах грозные предупреждения, но обычно поступают так под нажимом закона, поэтому появление такого запрета неоспоримо доказывает его полную обоснованность.

Торф в камине горел ровным и веселым пламенем. Я понимал, что попытка забросить баллон в огонь может для меня закончиться двояко: либо баллон взорвется, как бомба, либо вылетит, как ракета, причем оба варианта меня устраивали. Единственной проблемой оставалось время, когда произойдет взрыв. Положить баллон в огонь представлялось простым делом, но я опасался, что кто-то, например, Григорий, может оказаться достаточно наблюдательным и сумеет его оттуда достать. Парни Кенникена вовсе не обязаны быть такими неудачниками, какими он их представлял.

Кенникен вернулся.

— Ты говорил правду, — сказал он, обращаясь ко мне.

— Я всегда говорю правду. Вся беда в том, что большинство людей этого не замечают. Так ты согласен со мной насчет Слэйда?

Он сморщил брови.

— Я не имел в виду твою глупую сказочку. Дело в том, что в автомобиле не нашли того, что искали. Где он?

— Я тебе не скажу.

— Скажешь.

Зазвонил телефон.

— Могу с тобой поспорить, что ничего от меня не узнаешь.

— Я не хочу здесь пачкать кровью ковер. Вставай!

Кто-то рядом поднял трубку.

— Могу ли сначала допить виски?

Ильич открыл дверь и позвал Кенникена.

— Будет лучше, если допьешь его прежде чем я вернусь, — сказал, уходя, Кенникен.

Он вышел из комнаты, а Григорий тотчас встал передо мной. Это несколько затрудняло реализацию моего плана, потому что, пока он торчал предо мной, я не мог бросить баллон в камин. Я коснулся лба и почувствовал, как покрываюсь испариной.

Кенникен вернулся вновь и глянул на меня испытующе.

— Ты, кажется, сказал, что мужчина, с которым ты был в Гейсир, случайный знакомый из отеля?

— Согласен.

— Что тебе говорит имя Джек Кейс?

Я безразлично смотрел на него.

— Абсолютно ничего.

Он грустно улыбнулся.

— И ты утверждаешь, что всегда говоришь правду, — он сел. — Похоже на то, что мои поиски потеряли всякий смысл… Говоря точнее, потеряли смысл для тебя. Догадываешься, что это значит?

— Со мной покончено, — ответил я и на самом деле так думал. Ситуация изменилась совершенно неожиданно.

— Я не остановился бы ни перед чем, чтобы вытянуть из тебя нужную информацию, но инструкция изменилась. Можешь не волноваться, Стевартсен, я избавлю тебя от мучений.

— Спасибо, — искренне ответил.

Он сочувственно покачал головой.

— Мне не нужна твоя благодарность. У меня приказ: убить тебя немедленно.

Снова зазвонил телефон.

Слова застряли у меня в горле.

— Почему? — хрипло спросил я.

Он пожал плечами.

— Ты мешаешь нам.

Я проглотил слюну.

— Ты должен подойти к телефону. Может, скажут, что приказ отменяется.

Он криво усмехнулся.

— Помилование в последний момент, да? Не думаю. Ты ведь наверняка догадываешься, почему сказал тебе о новой инструкции? Тебе хорошо известно, что обычно этого не делают.

Ясное дело, что знал, но не собирался ему в этом признаваться, чтобы не доставить еще больше удовольствия.

Телефон перестал звонить.

— В Библии есть неплохие места, — продолжал Кенникен. Например, «око за око, зуб за зуб». Я приготовил все к нашей встрече и искренне жалею, что не смогу реализовать свои планы в отношении тебя. Но хоть увижу, как ты потеешь от страха, вот как сейчас.

Ильич просунул голову в дверь.

— Рейкьявик, — сообщил.

Кенникена от злости передернуло.

— Иду.

Он поднялся.

— Подумай и попотей еще немного.

Я протянул руку.

— У тебя есть папиросы?

Он на полушаге остановился и громко рассмеялся.

— Великолепно, Алан! Вы, англичане, неотделимы от традиций. Разумеется, в соответствии с традицией ты имеешь право выкурить последнюю папиросу.

Он бросил мне свой портсигар.

— Может, еще что-нибудь?

— Да, — подтвердил я. — Хочу в новогоднюю ночь двухтысячного года оказаться на центральной площади Лондона.

— Глубоко сожалею, — подвел он итог разговора и вышел.

Я открыл портсигар, взял папиросу и принялся беспомощно обшаривать карманы. Затем очень медленно наклонился, чтобы взять лист бумаги.

— Хочу прикурить папиросу, — объяснил Григорию и наклонился в сторону камина, молясь в душе, чтобы русский оставался у двери.

Удерживая сложенный лист бумаги в левой руке, я наклонился вперед, а правую руку прикрыл телом. В тот момент, когда вытаскивал бумагу, одновременно бросил в камин газовый баллон, после чего вернулся на место. Помахивая бумагой, чтобы отвлечь внимание Григория от камина, приложил ее к папиросе и, затянувшись, выпустил облачко дыма. Специально ждал, пока огонь подберется к моим пальцам.

— Ай! — воскликнул я, энергично потряхивая рукой. Каждая уловка была хороша, только бы отвлечь его внимания от огня. Кстати, я сам изо всех сил старался не смотреть в сторону камина.

Щелкнула телефонная трубка, и появился величественно шагающий Кенникен.

— Дипломаты! — презрительно бросил он. — Будто у нас нет других забот.

Пырнул меня большим пальцем.

— Ну, хорошо, вставай!

Я поднял папиросу.

— А как быть с ней?

— Докуришь снаружи. У тебя будет много вре…

Взрыв баллона в закрытом помещении оказался оглушающе сильным, а взрывная волна разбросала по всей комнате кусочки торфяного жара. Я ждал того, что произошло и, конечно, среагировал быстрее, чем кто-либо из них. Не обратил внимания, что кусочек раскаленного торфа обжег мне шею, а вот полностью застигнутый врасплох Григорий не сумел справиться с горящим куском, который угодил ему на кисть руки, взвыл от боли и выпустил оружие.

Я метнулся через комнату, схватил пистолет и дважды выстрелил Григорию в грудь. Тут же развернулся, чтобы прихлопнуть Кенникена, прежде чем тот придет в себя. Он стряхивал с себя горящий торф, на звук выстрелов обернулся в мою сторону. Увидев нацеленный в него пистолет, схватил настольную лампу и изо всех сил швырнул в меня. Я уклонился, и поэтому пуля прошла мимо. Лампа пролетела над головой, угодив в лицо Ильичу, который как раз открыл дверь, торопясь на звуки выстрелов.

Это избавило меня от необходимости открывать дверь. Я оттолкнул Ильича и, спотыкаясь, выскочил в коридор, где с облегчением обнаружил, что входная дверь тоже открыта. Кенникен доставил мне несколько тяжелых минут, и я с радостью рассчитался бы с ним, но момент оказался неподходящим. Выскочив из дома, пробежал мимо лишенного всех четырех колес фольксвагена. Мимоходом послал еще на всякий случай пулю в сторону здоровяка, пытаясь этим аргументом убедить его не высовывать голову. Я вбежал в темноту, которая, к моему сожалению, оказалась не такой и темной, как бы желал, и направился в сторону пустыря.

На этой местности доминировала лава, испещренная морщинами извержений и покрытая толстым ковром мха со смутно вырисовывающимися кое-где карликовыми березками. Если бы я пересекал эту местность днем, то смог бы пройти за час не более полутора километров, не сломав при этом себе ноги в лодыжке. Передвижение в темноте требовало от меня громадных усилий, понимал, что перелом или даже вывих ноги означает для меня смерть на месте.

Благополучно преодолел метров четыреста и, прежде чем остановиться, оставил уже за собой берег озера, приблизившись к дороге. Оглянувшись, увидел окна комнаты, в которой был узником. Заметил какое-то мигание, а потом занавеси вспыхнули. Послышались отдаленные крики, какая-то фигура промелькнула возле окна, но ничто не указывало, что за мной организовали погоню. Пожалуй, они даже не знали, в какую сторону я побежал.

Передо мной высился массив застывшей лавы, за которым, как предполагал, должна проходить дорога. Я двинулся в ту сторону и начал подъем. Мне нужно было оказаться по ту сторону и исчезнуть с их поля зрения, прежде чем наступит уже близкий рассвет.

Передвигаясь на животе, я преодолел хребет возвышенности и очутился под заслоном массива. Поднявшись на ноги, увидел расплывчато маячившую впереди прямую, темную линию, которая не могла быть ничем другим, как дорогой. Хотел уже двинуться в ту сторону, как чья-то рука провела на мне удушающий захват, и одновременно правая кисть оказалась словно в тисках.

— Брось оружие! — хриплым шепотом по-русски приказал незнакомец.

Я выпустил пистолет и в ту же секунду полетел вперед от сильного толчка в спину, споткнулся и упал.

Подняв голову, наткнулся на слепящий свет фонаря, и в его блеске увидел ствол пистолета.

— О боже, это ты! — удивленно воскликнул Джек Кейс.

— Убери от меня этот проклятый свет! — крикнул я и принялся массировать себе шею. — Куда ты, черт возьми, исчез тогда в Гейсир?

— Мне очень неприятно. Когда я приехал в отель, он уже был там.

— А говорил…

Он прервал меня с ноткой раздражения:

— Ради всех святых, я же не мог тебе сказать, что он в отеле. Ты находился в таком состоянии, что разорвал бы его на куски.

— Вот и выяснилось, какой ты друг, — с горечью сказал я. — Но не время сейчас заниматься сведением счетов. Где твой автомобиль?

— Стоит здесь рядом, на шоссе.

Он спрятал пистолет.

Я быстро принял решение. Не мог сейчас доверять ни Джеку, ни комунибудь другому.

— Джек, можешь передать Тэггарту, что я отвезу посылку в Рейкьявик.

— Хорошо, но сейчас сматываемся отсюда.

Я подошел к нему ближе.

— Я не верю тебе, Джек.

Молниеносным движением всадил ему в солнечное сплетение три выпрямленных пальца. Он глубоко выдохнул и согнулся пополам. Я врезал ему ребром ладони по шее, и он упал у моих ног. В рукопашном бою мы с ним были равноценными партнерами, и не думаю, что мне удалось бы справиться с ним так легко, ожидай он моего нападения.

Где-то вдали заработал двигатель автомобиля, и справа по небу зашарили лучи фар. Я упал ничком на землю. Слышал, как машина поднимается вверх по склону и направляется в Тингветлир, откуда я недавно приехал в обществе Кенникена.

Когда шум мотора утих, я обыскал карманы Джека. Забрал у него ключи и пистолет. Оружие Григория чисто вытер и выбросил. Затем нашел автомобиль Джека.

Это был вольво, припаркованный рядом на дороге. Мотор ровно загудел, и я двинулся в путь, не включая фар. Меня ожидало долгое возвращение в Лаугарватн вокруг озера Тингвадлаватн, но, честно говоря, я готов был ехать еще дальше, лишь бы не возвращаться туда, откуда только что вырвался.

В Лаугарватн приехал около пяти утра. Автомобиль оставил рядом и, выходя из него, заметил за занавесками окна какое-то движение. Через минуту из дома выбежала Элин и бросилась мне в объятия.

— Алан! — крикнула. — У тебя лицо в крови.

Я дотронулся до щеки и почувствовал застывшую кровь, которая, по-видимому, какое-то время сочилась из рассеченной раны. Получил ее, наверное, во время взрыва баллона.

— Идем в дом, — ответил я.

В холле мы встретили Сигурлин. Она осмотрела меня с головы до ног и заявила:

— У тебя прожжен пиджак.

Я глянул на дырки в ткани.

— Да, — согласился. — Пожалуй, был неосторожен.

— Что случилось? — Элин подгоняла меня.

— Состоялась… состоялась беседа с Кенникеном, — коротко ответил.

Начала проявляться моя усталость. Однако пришлось взять себя в руки, времени на отдых не оставалось.

— У тебя есть кофе? — спросил у Сигурлин.

Элин схватила меня за руку.

— Что случилось? Что Кенникен?..

— Позже тебе расскажу.

Тут же подключилась Сигурлин.

— У тебя вид, будто не спал неделю. Наверху есть свободная кровать.

Я покачал головой.

— Нет, спасибо, я… мы… мы должны ехать.

Они посмотрели друг на друга, после чего Сигурлин сделала деловое предложение.

— Во всяком случае, кофе ты можешь выпить. Он уже готов. Мы всю ночь пили кофе. Идем на кухню.

Я уселся за кухонный стол и, не жалея, насыпал сахару в черный, источающий аромат кипяток. Никогда еще не держал во рту ничего более вкусного. Сигурлин подошла к окну и посмотрела на вольво, стоящий у дома.

— А где фольксваген?

Я скривился.

— Можешь поставить на нем крест.

Мне представился случай бросить на него лишь поверхностный взгляд, но и того короткого мгновения хватило, чтобы заметить: Ильич действительно разобрал фольксваген на части.

— Сколько он стоил? — спросил я и сунул руку в карман за чековой книжкой. Она остановила меня нетерпеливым жестом.

— Это может подождать, — в ее голосе зазвучала резкая нота. — Элин рассказала мне все о Слэйде и Кенникене.

— Ты не должна была этого делать, Элин, — спокойно заметил я.

— Должна же кому-то довериться, — взорвалась та.

— Нужно немедленно идти в полицию, — решила Сигурлин.

Я отрицательно покачал головой.

— Пока схватка носит частный характер. Ее жертвы — профессионалы, люди, которые идут на риск и отдают себе отчет в этом. Никого из невин-

ных зевак даже не царапнуло. И я хочу, чтобы так было и дальше. Каждый, кто захочет вмешаться, не зная, что происходит, нарвется на неприятности, независимо от того, носит он полицейский мундир или нет.

— Но ведь происходящее не может долго продолжаться, — возразила Сигурлин. — Пусть дело возьмут в свои руки политики, дипломаты.

Я вздохнул и откинулся в кресле.

— Когда приехал впервые в эту страну, кто-то мне сказал, что есть три вещи, которые исландец не в состоянии объяснить даже своему соотечественнику. Это политическое устройство Исландии, экономическая система, а также законы, регулирующие употребление алкоголя. Последнее сейчас ни к чему, а вот политика и экономика внушают мне тревогу.

— Не совсем понимаю, о чем говоришь, — вмешалась Элин.

— Я говорю о холодильнике, об электрокофемолке, — я указал на них пальцем, — и об электрическом чайнике, и о транзисторе. Вы все импортируете, а чтобы иметь возможность импортировать, должны экспортировать свои товары: рыбу, баранину, шерсть. Косяки сельди ушли на полторы тысячи километров в океан, а ваш флот бедствует на берегу. Ситуация уже сейчас достаточно угрожающая, так зачем ее усугублять?

Сигурлин наморщила лоб.

— Что ты имеешь в виду?

— В деле замешаны три государства: Англия, Америка и Россия. Предположим, что на дипломатическом уровне произойдет обмен нотами: «Перестаньте вести войну на территории Исландии». Ты думаешь, что подобную историю можно сохранить в тайне? В каждой стране есть политические авантюристы, и Исландия не является исключением, а уж они не преминули бы воспользоваться случаем.

Я поднялся из кресла.

— Люди, настроенные антиамерикански, поднимут крик о базе в Кеблавике, но и антикоммунисты получат прекрасный козырь. Возобновилась бы и «тресковая война» с Англией.

Я повернулся лицом к Сигурлин.

— Во время «тресковой войны» вашим траулерам запрещали входить в британские порты, и это оказало влияние на улучшение торговых отношений с Россией, которые вы и сейчас сохраняете. Что ты думаешь о России как о торговом партнере?

— Она очень хороший партнер, — ответила Сигурлин не задумываясь. — Русские очень много для нас сделали.

— Если ваше правительство, — решительно продолжал я, — окажется в ситуации, когда будет необходимо официально реагировать на происходящее, хорошие отношения могут оказаться под угрозой. Ты хочешь, чтобы так произошло?

Элин и Сигурлин беспомощно посмотрели на меня.

— Он прав, — согласилась Сигурлин.

Я знал, что прав. Под внешне спокойным обликом исландского общества крылись силы, которые лучше было не трогать.

— Чем меньше знают политики, тем лучше для всех. Черт побери, я люблю эту страну и не хочу здесь никаких беспорядков. — Взял Элин за руку и закончил: — Попробую все ввести в норму. Сейчас, пожалуй, я уже знаю как.

— Отдай им посылку, — настаивала она. — Я просила тебя.

— Хорошо, — согласился с ней. — Но сделаю это по-своему.

Оставалось обдумать еще много деталей, хотя бы проблему фольксвагена. Зная номера, Кенникен быстро разыщет владельца машины, а следовательно, наверняка появится здесь до конца дня.

— Сигурлин, — спросил, — ты не можешь взять пони и присоединиться к Гуннару?

Она испугалась.

— Зачем? — Но сразу поняла: — Фольксваген?

— Да. Могут появиться незваные гости. Ты должна исчезнуть.

— Вчера, после твоего отъезда, я получила известие от Гуннара. Его не будет еще три дня.

— Прекрасно. За это время все должно уладиться.

— Куда ты едешь?

— Не спрашивай, — предостерег ее. — Ты и так уже знаешь слишком много. Поезжай туда, где тебе никто не будет задавать вопросы. — Щелкнул пальцами. — Я должен еще переставить лендровер. Хочу его где-нибудь спрятать.

— Можешь оставить в конюшне.

— Это мысль! Я пока перенесу вещи из лендровера в вольво. Вернусь через пару минут.

Я вошел в гараж, достал электронный прибор, оба карабина и все боеприпасы. Оружие упаковал в кусок найденной неподалеку мешковины и спрятал в багажнике. Тут и появилась Элин.

— Куда едем? — спросила.

— Не едем, а еду.

— Я с тобой.

— Нет, поедешь с Сигурлин.

На ее лице появилось знакомое мне упрямое выражение.

— Мне понравилось, как ты говорил, — начала она, — что не хочешь никаких неприятностей для моей страны. Но это именно моя страна, и я могу бороться точно так, как и каждый другой.

Я чуть не расхохотался.

— А что ты знаешь о борьбе?

— Столько, сколько и каждый житель Исландии.

В этом она была права.

— Но ты даже не представляешь, что за этим всем кроется.

— А ты?

— Начинаю кое о чем догадываться. Как раз окончательно убедился, что Слэйд — русский агент, а Кенникена я зарядил, как карабин, и направил на Слэйда. Когда они встретятся, заряд, бесспорно, взорвется.

Я не хотел бы в тот момент оказаться на месте Слэйда. Кенникен принадлежит к поборникам активных действий.

— Что случилось вчера вечером? Было жарко?

Я закрыл багажник.

— Это были не самые счастливые минуты в моей жизни, — коротко ответил. — Собери и отнеси все вещи в дом. Через час здесь никого не должно быть.

Я достал и разложил карту.

— Куда ты сейчас едешь?

— В Рейкьявик. Но сначала еще хочу заехать в Кеблавик.

— В таком случае ты выбрал плохой маршрут. Сначала ты заедешь в Рейкьявик, разве что поедешь на юг, через Хверагерди.

— В том-то и загвоздка, — произнес медленно и скривился, глядя на карту.

Сеть дорог, которую я представлял, действительно существовала, но далеко не такая. Я не знал, насколько соответствовали истине кадровые проблемы в Конторе, однако имел возможность убедиться, что они не

относились к руководству Кенникена. До этого времени я насчитал в его окружении десять человек.

Один лишь взгляд, брошенный на карту, убеждал, что для полной блокады полуострова Рейкьянес от восточной части страны достаточно поставить людей в двух пунктах: Тингветлир и Хверагерди. Если бы я захотел проехать через один из тех городов на небольшой скорости, легко оказался бы обнаруженным. С другой стороны, езда на полной скорости вызвала бы еще больше подозрения. А радиотелефон, так необходимый мне совсем недавно, сейчас сработал бы против меня, и вскоре все они сидели бы у меня на хвосте.

— О боже! — простонал я. — Это просто невозможно.

Элин ласково улыбнулась.

— Туда можно добраться очень просто, — беззаботно бросила она. — Кенникен никогда не догадается.

Я глянул на нее с подозрением.

— Как?

— Морским путем, — она положила палец на карту. — В Вик живет мой старый приятель, который может перевезти нас в Кеблавик на своей лодке.

Я с сомнением посмотрел на карту.

— Вик лежит далеко отсюда и совершенно в другом направлении.

— Тем лучше. Кенникену и в голову не придет, что мы может туда поехать.

Чем больше изучал карту, тем более удачной казалась мне ее идея.

— Неплохо, — наконец согласился я.

Элин произнесла с невинным видом:

— Разумеется, мне придется поехать с тобой, чтобы представить тебя своему приятелю.

Она опять настояла на своем.

Перевод с польского Владимира Кукуни.

Окончание следует.

Елена ГОВОР

Белорусские анзаки

Каждый год 25 апреля по всей Австралии отмечается священный для австралийцев праздник — День Анзака. В этот день в 1915 году части Австрало-новозеландского армейского корпуса (АНЗАК) вместе с войсками союзников высадились под шквальным огнем турецкой армии на гористые берега полуострова Галлиполи у пролива Дарданеллы. Целью британских военных стратегов было не только захватить Дарданеллы, но и оттянуть турецкие войска с кавказского фронта и, таким образом, помочь одному из их главных союзников — России. Генералы мало считались с жизнями простых солдат, тысячи которых полегли при высадке и во время последующих кровопролитных боев. По существу, Галлиполийская операция стала поражением союзников, но в самосознании австралийской нации этот гористый берег, политый кровью тысяч ее сынов, занял особое место, и День Анзака так же священен для австралийцев, как для нас — День Победы.

По мере того как австралийская нация взрослеет, ее отношение к прошлому становится глубже и многомернее, и история легендарных анзаков наполняется новым содержанием. Но один компонент ее до недавнего времени оставался непоколебимым — само собой разумелось, что Австралия в то время была почти исключительно англо-саксонской нацией, таковой же была ее армия. И вот, просмотрев тысячи архивных дел, со статистикой на руках мне удалось доказать, что россияне на протяжении всей войны тоже были частью «легенды анзаков», причем в Австралийской армии бывшие русские подданные составляли самую большую национальную группу не англо-кельтского происхождения — около тысячи человек. О них я рассказала в книге «Русские анзаки в австралийской истории»[1]. Оговорюсь сразу, что «русскими» в то время в Австралии называли всех уроженцев Российской империи, независимо от их этнического происхождения. В память о тех временах и заблуждениях я и создала выражение «русские анзаки», открыв для австралийцев пласт истории, о котором они не подозревали. Я не вкладываю в это выражение никаких имперских амбиций, а, напротив, пытаюсь показать все многообразие тех, кого здесь называли «русскими» и стереотипно считали бунтовщиками и большевиками.

Среди австралийских солдат из Сиднея и Гандагая, Брокен-Хилла и Бендиго на том далеком галлиполийском берегу были и наши земляки — Павел Зиневич из Больших Лесковичей под Картуз-Березой, Устин Гловацкий из Жабинки под Брестом, Вильям Деонк из Лиды. Вот о вкладе уроженцев Беларуси в австралийскую легенду и — шире — в австралийскую историю и будет наш рассказ.

[1] Elena Govor, *Russian Anzacs in Australian History*, Sydney, UNSW Press, 2005. Книгу дополняет вебсайт автора Russian Anzacs http://russiananzacs.net/, в котором есть раздел «Белорусские Анзаки». На страницах, посвященных каждому из них, имеется список ссылок к документам из австралийских архивов. Многие из этих документов оцифрованы, и таким образом, эти источники можно просматривать, используя ссылки на сайте. Иллюстрации, публикуемые в очерке, предоставлены семьями анзаков, а также взяты из фондов Национального архива Австралии, Австралийского военного мемориала и «Queenslander Pictorial».

Тайна Вильяма Деонка

Сколько было уроженцев Беларуси, и тем более этнических белорусов среди анзаков, сказать с абсолютной точностью трудно. Ведь границы губерний Российской империи, откуда они приехали, отнюдь не совпадали с территориальными границами нынешней Беларуси, да и белорусская нация в современном понимании этого слова в то время еще только формировалась. Героями нашего повествования будут тридцать с лишним человек, родившихся на территории нынешней Беларуси и прилегающих районов, населенных белорусами. Треть из них были евреями, остальные — славянами: белорусами, русскими, поляками.

Часто провести разграничение между славянами, жившими в Беларуси и на прилегающих территориях, выяснить этническое происхождение человека и, что не менее интересно, его самоопределение, оказывается совсем не простым делом. При тех или иных условиях они могли называть себя и поляками, и русскими, для них было характерно дву- и трехъязычие. Здесь можно принять такую схему — если человек всю жизнь до эмиграции прожил в родной белорусской деревне, то его можно назвать белорусом в современном значении этого слова. Если же наш герой рано покинул свою деревню, местечко или город, обучаясь и живя в русском окружении, то в его самоидентификации может доминировать русская культура. Поэтому для выяснения того, кто был белорусом, приходится принимать в расчет и место рождения, и написание фамилии и имени, и имена родственников, и религиозную принадлежность, и круг контактов, и факторы, которые способствовали обрусению (например, служба в русской армии).

В начале двадцатого века, когда началась довольно значительная эмиграция жителей с территории нынешних Беларуси и Украины в Австралию, австралийцы считали их русскими или поляками, а сами эмигранты редко пытались исправить эту ошибку. В результате присутствие белорусов и украинцев в австралийском этносе на первых порах проходило незамеченным. Да и сами австралийские общины белорусов и украинцев, которые сформировались после Второй мировой войны, когда Австралия приняла десятки тысяч перемещенных лиц из Советского Союза, начинали отсчет присутствия своих наций в Австралии со своей, послевоенной, волны, не подозревая о героических земляках, которые сражались за эту страну уже в годы Первой мировой в числе легендарных анзаков.

Говоря с детьми белорусских анзаков, я все еще слышу отзвуки этой этнической путаницы. Когда я спросила Дороти, дочь Вильяма Деонка (Deonck) из Лиды, о родном языке ее отца, она сразу же ответила: «Русский». Но после моих дальнейших расспросов, когда я попыталась уточнить, был ли это действительно русский язык или польский, она поправила себя: «Ну, пожалуй, польский, потому что он называл себя поляком, а может, польско-русский или что-то такое». Впрочем, сама Дороти слышала из уст отца только английский. Дело еще больше запутывают семейные предания о том, что мать Вильяма Деонка, Мария, была ирландкой, которая переселилась в Польшу во время голода в Ирландии, а о его отце они слышали, что тот был капитаном на британском корабле во время Ютландского сражения. Уж не британцем ли он был? Но нет, Дороти припоминает, что настоящее имя ее отца было Тадеуш. А потом удается найти и факты: Вильям при вступлении в брак в 1919 году и при натурализации в 1940 году указал имя своего отца как Никода, а на свидетельстве о смерти Вильяма в 1961-м имя его отца указано как Никодемус, в форме, принятой в католических святцах. Учитывая, что Вильям и сам был католиком, в его польском происхождении не приходится сомневаться. Внешность Вильяма — смуглолицый и темноволосый — вполне могла объясняться наследием его матери-ирландки (о ее ирландском происхождении Вильям действительно пишет в натурализации). Что же до загадочной фамилии Deonck, то она могла быть сокращением фамилии Денковский или Дионисюк/Денисюк и их вариантов.

Франк, сын солдата с английским именем Александр Майк (Mike), помнит, что его отец «всегда говорил, что он был русским, и всегда говорил по-русски. Мы были поражены, когда в его документах о натурализации увидели, что в действительности он был поляком». Однако Александр не был ни русским, ни поляком. Вступая в австралийскую армию, он дал такой адрес своих родных, написанный на русском языке: «Минской губ., Игуменского уезда, Пуховичской волости, деревни Запиговской Слободы, получить Анне Г. Майко». Оказалось, что это Затитова Слобода в Пуховичском районе — деревня с белорусским населением. Дети Александра подтвердили, что его подлинная фамилия была Майко, среди его родственников были Поскребко — другая фамилия, распространенная в этой деревне. От них же я узнала, что Александр был православным. Все это дает основания считать его белорусом.

Вероятно, белорусом был и Петр с труднопроизносимой фамилией Вишкенлский (Wishkenlski) — так он писал ее, когда вступал в австралийскую армию, однако к концу службы она трансформировалась в Виселенский (Wiselenski). На мое предположение о том, что фамилия, вероятно, искажена, его дочь Маргарет пишет: «Мы многого не знаем о ранних годах жизни отца, в том числе и правильное написание его фамилии. Поскольку он не мог писать по-английски, он называл свое имя и все, что они там писали, он принимал. Он считал себя русским». Из служебного досье видно, что Петр родился в Слониме, его отца звали Адам, и это, как кажется, свидетельствует в пользу того, что он мог быть поляком с фамилией Вишневский, которая, впрочем, широко распространена и среди русских. Вполне возможно, что Вишкенлский — это была попытка передать какую-то более редкую польскую фамилию, например Wiszlański. Тем не менее, замечание Маргарет о том, что он считал себя русским, и его принадлежность к православной церкви (это он указал ясно, вступая в австралийскую армию) позволяют утверждать, что он был православным белорусом.

Лишь единицы среди белорусов делали попытку объяснить свое отличие и от русских, и от поляков. Барбара, дочь Устина Гловацкого, рассказывает о своем отце: «Я не знаю, говорил он по-русски или по-белорусски, но в глазах моей матери-польки он был крестьянином. Может быть, он не говорил по-русски так, как было должно говорить по-русски по ее мнению. И он не любил говорить по-польски. Он определенно не был поляком. Он гордился, что не поляк». Вполне возможно, что под «крестьянским» русским языком тут скрывается белорусский.

Мог белорусский язык скрываться под термином «диалект», что произошло, как кажется, в случае с Яковом Федоровичем Гречинским из Городни. Надеясь получить работу цензора в австралийской армии в 1917 году, он писал, что знает «русский, польский, язык Курляндской (губернии), один или два русских диалекта, а также французский и японский языки». В случае Курляндской губернии речь идет, по всей видимости, о латышском языке, а вот два «диалекта» могут быть украинским и белорусским языками, ведь Городня Черниговской губернии, где он родился, находится на границе нынешних Украины, Беларуси и России. Среди Гречинских в Городне бытовало предание, что их предком был греческий поп Яков, прибывший в Нежин при Екатерине II. Австралийского Гречинского, несмотря на знание им украинского и белорусского языков, все же следует считать русским по культуре, его отцом был врач Федор Павлович Гречинский (возможно, брат врача и литератора Василия Павловича Гречинского), и Яков получил прекрасное образование в русских учебных заведениях; вероисповедание его было православным.

Православное вероисповедание Фавста (Фауста) Павловича Леошкевича, родившегося в Соколке Гродненской губернии (ныне это территория Польши на границе с Беларусью), указывает на то, что он, несмотря на место рождения, не был поляком. Но и белорусом, несмотря на его белорусскую фамилию, его едва ли можно назвать. Он происходил из семьи полковника Павла Илларионовича Леошкевича (потомственного дворянина Виленской губернии), семья жила и в

Иван Матвейчик

Беларуси, и в Мариамполе (ныне на территории Литвы, недалеко от границы с Беларусью и Польшей), а после смерти отца мать Фавста оказалась в Ашхабаде (Туркестан); родными языками для Фавста были русский и французский. Так что в данном случае перед нами человек русской культуры, несмотря на польско-белорусско-литовское происхождение его предков.

Семен Сучков, напротив, несмотря на свою русскую фамилию, считал себя белорусом. Он был учителем в поселке Еремичи Гродненской губернии; за участие в первой русской революции был арестован и сослан в Сибирь. Из ссылки он, как и многие, бежал и в 1912 году прибыл в Австралию. В марте 1945 года, во время обсуждения ялтинских соглашений в австралийской печати, он выступил с большим письмом в защиту освобождения Западной Беларуси от власти Польши. «У меня есть право выступать по этому вопросу, — писал он. — Я белый русский (термин, который не имеет политического значения, а только историческое и этническое). Я жил в этой стране до 23 лет, я побывал почти в каждом уголке Белой Руси, или как ее теперь часто называют местные жители, Белоруссии». Как видим, даже в 1945 году понятие белорус требовало некоторых объяснений в австралийском контексте.

Православный Джон (Иван Владимирович) Матвейчик, который родился на территории нынешней Польши, может быть назван белорусом. При вступлении в армию он указал такой адрес своего брата: Grodnenskoy Gubernii, Woskovaskah Uezda, Ushkovkahy Wososki, derevnia Ushkov Grood. Этот адрес мне удалось расшифровать как: Гродненской губернии, Волковысского уезда, Юшковской волости, деревня Юшковы Груд (Juszkowy Gród). Тот факт, что ни свою фамилию, ни название деревни Матвейчик не написал по-польски, говорит в пользу его белорусской самоидентификации. В определении национальной принадлежности православного Федора Трофимовича Лейко из Збочно под Слонимом нам может помочь информация о белорусском писателе Кондрате Федоровиче Лейко, происходящем из той же деревни.

Для определения национальной принадлежности Лео Берка приходится прибегнуть к кругу его контактов. Он родился в Белостоке Гродненской губернии. Фамилия Берк была распространена среди евреев, немцев и, в небольшой степени, поляков. Тот факт, что он был католиком, указывает, как кажется, на его польское происхождение. Однако фамилия его замужней сестры, проживавшей в Белостоке, — Андрейчик, — и тот факт, что, эмигрировав в Брисбен с Дальнего Востока, он общался исключительно с русской, а не с польской общиной, позволяет говорить о преобладании русской и, возможно, белорусской культуры. В одном из документов он отмечал, что русский является его родным языком.

Здесь следует отметить значительный русифицирующий эффект, который оказывала служба в русской армии не только на белорусов, но и на поляков. Петр Сребел (Сребаль), католик, происходил из Виленской губернии и этнически, несомненно, был поляком. Однако, если мы ближе познакомимся с имеющимися о нем сведениями, то возникает несколько иная картина. Он прослужил два года в русской армии. Все его контакты в Австралии связаны с русской общиной — русскими были его друзья, и останавливался он в русских пансионах, а в австралийскую армию вступил, указав имя и отчество — Петр Антонович.

Лео Берк служил два года в артиллерии и участвовал в Русско-японской войне. Он приехал в Австралию через Дальний Восток, очевидно, оставшись там после войны. В Русско-японской войне участвовал и Матвейчик, также приехав-

ший в Австралию с Дальнего Востока. Когда, в 1942 году, он умер в одиночестве в Брисбене, государственный попечитель передал в военное архивохранилище две его русские медали вместе с австралийскими боевыми наградами. Таким же путем приехали в Австралию Устин Гловацкий, служивший в Сибирском пехотном батальоне в 1909—1912 гг., Андрей Иванович Жабинский, служивший в Сибирском батальоне саперов, Джордж (вероятно, Георгий) Гурасов, прослуживший четыре года в Маньчжурском кавалерийском отряде.

Заговорив о службе в армии, мы уже и затронули тему о том, как уроженцы Беларуси попадали в Австралию в те давние времена. Главный путь, как это ни странно, пролегал через Дальний Восток, который, с открытием Транссибирской железной дороги, стал для россиян своеобразным Клондайком. Для многих этот путь начинался со службы в армии. Отслужив срок, молодые люди не возвращались на родину, а искали новых дорог, и тут на помощь им приходили эмиграционные бюро, которые на льготных условиях, через Харбин и Японию, перевозили россиян в Австралию. Пользовались их услугами и те, кто, приехав в Сибирь или на Дальний Восток, оказались без работы, ведь Австралия накануне Первой мировой войны славилась как страна социальных реформ, «рабочее царство».

Некоторые белорусы попадали в Австралию через Канаду и Америку, как, например, в случае с Александром Майко.

Три Ганночки, или Вокруг света в поисках счастья

В 1937 году Александр Майко прибил к ограде своего земельного владения в Госфорде, что под Сиднеем, доску с надписью «Березина». Так называлась река его детства в далекой Беларуси, воспоминания о которой, сладкие и горькие, всегда были с ним. К этому времени он был отцом двух детей-подростков, которые и подарили ему эту доску на Рождество. Им незадолго до смерти он и продиктует историю своей жизни.

«Я родился 4 августа 1892 года в деревне Слобода на реке Березина в России, в 70 милях от Минска. Моего отца звали Григорий Майко, а мать — Анна. Когда мне было семь с половиной лет, мой отец умер, а через пять месяцев родилась моя сестра Анна. Через год после смерти отца мать снова вышла замуж за мужчину с шестью детьми по фамилии Поскрёбко. Жизнь для меня стала невыносимой, потому что он был очень плохим и жестоким человеком. (Александр не написал об этом, но дети помнят, что его тело было покрыто шрамами от побоев, полученных в детстве. — *Е. Г.*) Я ушел жить к бабушке, но когда мне было десять лет, она умерла. Мне пришлось вернуться в дом к матери, но я не мог там ужиться. Много раз я убегал из дома и спал в сараях. Моей матери и сестре тоже плохо жилось с отчимом. Она бы ушла от него, но к тому времени у нее появились еще дети, и она не могла их оставить. В двенадцать лет я получил свою первую работу в 8 милях от нашей деревни. Я пас овец и свиней, присматривая, чтобы они не потравили поле и чтобы их не зарезали волки. Хозяин одевал меня и кормил и за семь месяцев работы заплатил 11 рублей (25 шиллингов). На следующий год я работал на тех же людей — пахал и сеял. Летом я водил коней в ночное и спал под звездами. Мы обычно разводили костер, чтобы отпугивать волков и согреваться. За этот год работы я получил 1 фунт 16 шиллингов. (В Австралии в то время годовая зарплата составляла около 50-100 фунтов. — *Е. Г.)* На третий год я работал на другого человека в той же деревне. В этой деревне было только семь домов. За этот год я заработал 2 фунта 5 шиллингов. Работа была тяжелой — расчистка земли — и я ушел через восемь месяцев. Потом я работал в буше (австралийские слова органически вплетаются в его белорусское повествование: буш — это австралийский лес. — *Е. Г.)*, готовил бревна для сплава вниз по Днепру. Потом я нашел работу недалеко от тех мест, где родился. Здесь в первый год мой заработок был 30 рублей, а во второй год — 40 рублей с одеждой и едой.

В работу входило пахать, бороновать, косить и раз в месяц доставлять в Минск груз виски (водки)».

...Читая эти скупые строки, я могла легко представить то, о чем он не писал. Запах чабреца на песчаных пригорках среди молодых сосен. Какой благоухающий чай получался из его соцветий! Луговые цветы — сиреневые, желтые, розовые — вдоль извилистой речки, роса так и горит на них, когда косцы идут косить на восходе солнца. И картошка, испеченная в углях костра под звездами, со щепоткой сероватой крупной соли... Эта земля совсем не походила на Австралию, и все же, читая о жизни Александра в Беларуси, я постоянно вспоминала историю австралийца Берта Фейси, книга которого «Счастливая жизнь» стала символом повседневного героизма простого австралийского труженика. Их жизненные истории до удивления схожи. Они родились почти в одно и то же время, и тяжелые дни для обоих из них настали, когда им едва стукнуло по восемь лет. Это была жестокость их отчимов, жестокость, которая являлась частью семейных взаимоотношений в те дни. Оба они получат «лесное образование» (“bush schooling” назовет его Берт Фейси). Оба будут с точностью до мелочей вспоминать цифры своих первых заработков десятилетия спустя. И оба будут тяжело ранены на войне... Но вернемся к следующему периоду в жизни Александра Майко. В те годы, когда его австралийский двойник Берт начал свой путь, покинув места в Западной Австралии, где вырос, Александр тоже отправился в путь — на другой конец земли.

«Когда мне было семнадцать с половиной лет, я решил отправиться в Канаду, и тут возникла проблема денег. Чтобы добраться до Канады, надо было иметь 140 рублей и еще 50 требовалось предъявить при высадке. Я накопил 40 рублей и еще 100 получил, сдав в аренду землю, которую оставил мне отец, но достать последние 50 оказалось непростым делом. В конце концов мне одолжили эти деньги люди, у которых я работал, просто под честное слово. Я не мог получить паспорт, так как был еще несовершеннолетним, и отправился в путь без паспорта, с помощью агента. Я покинул дом 26 декабря 1909 года. Из нашей деревни вместе со мной отправились еще одна женщина и трое мужчин. Сначала мы добрались до Польши, где неделю прятались, а потом нас отправили дальше в вагоне со скотом. Из него мы вышли недалеко от границы и оттуда шли 5 миль по бушу, пока не оказались в Австрии. Неделю мы провели в Вене, а потом поездом поехали в Роттердам в Голландии. Там неделю ждали пароход, который довез нас до Галифакса. Оттуда поездом доехали до Торонто в Канаде.

В Торонто я нашел работу на сортировке старой бумаги и тряпья за 4 доллара 50 центов в неделю, за жилье и еду платил 3 доллара в неделю. Через полгода нашел работу по сортировке тряпья в другом месте за 6 долларов в неделю, но я там долго не задержался. Когда вернулся на свою первую работу, мне стали платить 7 долларов 50 центов в неделю. ...Моя следующая работа была у портного за 7 долларов в неделю. Мне там очень нравилось, и я проработал полгода, но заработок был небольшой, и я отправился в Америку. Это было в 1911 году. ...В Питсбурге я получил место на сталелитейной фабрике. Это была самая лучшая из моих работ! Я трудился у печи, нагревая железо, из которого делали костыли для железнодорожных рельсов... Потом работал на угольной шахте в Пенсильвании... Пробыл там около двух месяцев, пока большой камень не свалился мне на ногу, из-за чего пришлось ампутировать раздробленный большой палец. Я не сразу поправился, и все мои сбережения кончились. После этого работал на строительстве дороги, на ферме и развозил лед. Следующая работа была на пристани на озере Эри и на колесном пароходе на реке Огайо. ...В конце концов я решил вернуться в Канаду. ...У меня было только то, что надето на мне, так как в Питсбурге я потерял всю свою одежду. Я получил работу — извозчика с лошадьми — у своего старого босса, он платил 12 долларов за 60-часовую рабочую неделю, но вскоре меня уволили за участие в забастовке. Потом работал на ферме, но там плохо пришлось, и я нанялся развозить уголь. Это была тяжелая и грязная работа, и я перешел в отливочную мастерскую, но такая работа оказалась

мне не по силам. Я опять вернулся к старому боссу, и он дал мне работу получше — водить машину за 13 долларов в неделю. Вот тогда я и получил свои первые водительские права. Началась война, и босс срезал зарплату. Я попытался вступить в армию, но меня не приняли в танковый корпус, и я решил отправиться в Новую Зеландию.

Новая Зеландия мне не очень понравилась, и я нанялся на корабль, который шел в Австралию. Австралия мне тоже сразу не понравилась, но у меня не было денег, чтобы уехать отсюда, а на корабль можно было наняться только до Индии, перевозить лошадей. Это меня не устраивало, пришлось остаться тут и довольствоваться тем, что есть. Я нанялся строить железную дорогу в Ниммитабеле (у подножья Снежных гор) за 8 шиллингов в день, но там все время шел дождь или снег, и нам удавалось работать только три или четыре дня в неделю, а жить приходилось в палатках, так что я оставил эту работу и поплыл на корабле в Брисбен. Там дела были не лучше, сотни людей не могли найти работу. Я отправился внутрь страны в поисках заработка. Пройдя 60 миль, нашел работу на расчистке за фунт в неделю плюс содержание. Через 8 недель работа кончилась, и я нашел другую на молочной ферме. Там пробыл 3 месяца, а потом вернулся в Сидней и стал развозить молоко в Мосмане за 1 фунт 10 шиллингов в неделю плюс содержание».

Но кончилась и эта работа, и Александру ничего не оставалось, как вступить в армию. Заполняя документы, он тщательно вывел в графе «ближайший родственник» имя своей любимой сестры Анны. Ведь она была единственным светлым лучиком в его прежней жизни, который связывал его с родной землей.

Но Анна, Ганночка, была не только в судьбе Александра Майко. Маргарет, дочь Петра Виселенского из Слонима, вспоминает, что у отца «с родиной никаких связей не было, несмотря на попытки моей матери разыскать его родных. Камнем преткновения было то, что мы не знали, как правильно пишется его фамилия. Он уехал из дома очень рано, лет в двенадцать-тринадцать, и образования у него почти не было. Неизвестно, то ли его отвез на корабль отец, то ли он сам был вынужден покинуть дом из-за конфликта, так как, очевидно, не ладил с мачехой. Об одном он жалел — о потере связи со своей единственной сестрой Анной». Именно свою сестру, как и Александр Майко, Петр указал в графе «ближайший родственник», вступая в Австралийскую армию. Эту Ганночку помнят в далекой Австралии спустя столетие, и я надеюсь, что несмотря на все перипетии двадцатого века, теперь наконец-то удастся найти ее семью в Слониме... На мой вопрос, учил ли их Петр своему родному языку и пел ли он какие-либо песни, Маргарет ответила: «Он не учил нас своему языку, и песен на нем не пел. Я думаю, что и петь-то им было не о чем, жизнь там была очень тяжелая. Я только знаю, что когда на их маленьком наделе земли бывал неурожай, они едва могли прокормиться и выжить».

Александр Майко в Англии в 1917 году.

Была Анна в судьбе и Павла Зиневича из деревни Большие Лесковичи (Пружанский уезд Гродненской губернии). Его родственник, Леонид Корж из Березы, рассказывает, что в семье было пятеро детей, и когда Павел окончил Черняковскую двухгодичную церковно-приходскую школу, «денег на продолжение учебы не было, и он остался у родителей и пас скот у богатых людей. Перед Первой мировой войной завербовался на работу, как тогда говорили, в Америку. За годы его отсутствия было получено два письма, которые не сохранились». Сестра Павла Анна помнила о нем до самой смерти и, умирая, завещала своим родным узнать о его судьбе.

Выполнить просьбу этой Ганночки удалось только сейчас, когда я разыскала его родных в Беларуси.

Павел Зиневич и Петр Виселенский, как и Александр Майко, покинули родину почти одновременно, за несколько лет до Первой мировой войны, отправившись искать счастья в Канаде и Америке, а потом перебрались в Австралию.

Было среди уроженцев Беларуси и несколько моряков — уже упомянутые Вильям Деонк и Фавст Леошкевич, а также кочегары Мариан Адамцевич из Минска и Прокофий Пашкевич из Борисовки (Кобринский уезд Гродненской губернии). Все они попали в Австралию в начале войны.

Петр Виселенский

Пути миграции пятнадцати евреев, которые были среди белорусских анзаков, сложились несколько по-другому. Для многих из них это была двухступенчатая эмиграция — еще в детстве или в юности они покидали родные края и отправлялись в Англию, а уже оттуда перебирались в Австралию. Такой путь прошел, например, Исаак Прусов из Городка на Витебщине — в пятнадцать лет, в 1900 году, он отправился в Лондон, где освоил ремесло столяра и женился, перебравшись с женой и детьми в Австралию накануне войны. Некоторые совершали сходное путешествие через Южную Африку или Аргентину, а несколько человек попали в Австралию через Палестину.

«Стать солдатом — это мой долг перед Австралией»

Судьбы еврейских анзаков дают интересную пищу для размышлений об отношении этого поколения эмигрантов к своей родине, к прошлому. Некоторые евреи-анзаки выросли, не имея никаких связей с Беларусью, и о своем русском подданстве они вспоминали лишь когда нужно было заполнять документы. Например, Соломон Розенберг покинул ее в девять лет, жил в Глазго, в Англии, потом в Аргентине. Когда ему пришла пора подавать документы на натурализацию, он не знал даже, где родился, и лишь у отца выяснил, что происходит из Брест-Литовска. Однако вопрос национальной принадлежности для еврейских, как, впрочем, и для других анзаков, значил иногда гораздо больше, чем формальная запись в армейских аттестационных документах. Намного больше...

И здесь мы познакомимся с одной из богатейших семей Австралии — Майерами, основателями крупнейшей сети универсальных магазинов «Майер Эмпориум». Происходят эти австралийские мультимиллионеры из белорусского городка Кричев. Основатели династии, братья Элкон и Симча Баевские, приехали в Австралию еще в конце XIX века. Начав с нуля, ко времени Первой мировой войны они были уже крупными торговцами. Вскоре взяли имена Элкон и Сидней Майер (Myer). Во время войны занимались поставками для австралийской армии. В 1915 году Элкон Майер, будучи уже немолодым человеком, вступил в английскую армию и прослужил до конца войны. Но эта семья дала австралий-

ской армии еще двух солдат. За несколько лет до войны они пригласили в Австралию своих молодых племянников Самуила Эттингова и Наума (Нормана) Майера из местечек Ляды и Татарск под Могилевом. Юноши получили здесь хорошее образование и выросли, отождествляя себя с австралийской, а не с русской или еврейской культурой. Оба вступили в австралийскую армию. Но когда Самуилу надо было принять присягу, он наотрез отказался делать это как русский подданный и обратился к австралийским властям с просьбой о натурализации с тем, чтобы он мог принять присягу как австралиец. «Я считаю, что стать солдатом — это мой долг перед Австралией, страной, которая усыновила меня, — взывал он к австралийским властям. — Я хочу вступить в армию именно как британский австралийский солдат, а не как русский. Я считаю себя евреем, а не русским, и принадлежу к британскому народу, чувства и убеждения которого полностью разделяю и в чьей цивилизации был воспитан».

И хотя для вступления в австралийскую армию русские не нуждались в австралийской натурализации, да и кроме того, австралийские власти в это время наложили полный запрет на натурализацию молодых россиян, для Самуила сделали исключение — ему срочно была оформлена натурализация, и он принял присягу как австралиец вместе со своими однокашниками из Мельбурнского университета, которые тоже вступали в армию. К сожалению, жизнь его трагически оборвалась еще до отправки на фронт — он погиб, когда его мотоцикл столкнулся с трамваем.

История двоюродного брата Самуила — Нормана Майера — дает, казалось бы, этой семейной саге счастливый конец. В австралийской армии юноша прошел путь от рядового до лейтенанта. Он унаследовал «Майер Эмпориум» и под конец жизни стал кавалером одного из высших английских орденов (Knight Bachelor) с титулом сэр. Но и у него был свой счет к белорусскому прошлому, о котором никогда не говорил. Его дочь Памела узнала, что ее отец родился в России, только когда ей пришла пора заполнять анкеты для получения паспорта. И никто в семье Нормана не знал, что в Израиле все эти годы жила его мать, которую он всю жизнь финансово поддерживал. Его внук, мельбурнский журналист Род Майер, пишет в своем очерке: «Отец Наума умер, когда ему было 6 месяцев. Его мать, чтобы поддержать семью, должна была снова выйти замуж. Ее муж был так жесток, что мальчик часто убегал из дома и прятался в лесу, пока холод и голод не заставляли его возвращаться. Спасение пришло в виде билета в Австралию от Сиднея и Элкона Майеров». Отныне прошлое осталось в прошлом. Он будет молчать о нем, как и его белорусский сверстник Александр Майко, которого так же жестоко истязал отчим совсем недалеко от тех мест, где провел детство Наум.

Но вот Хаим Самойлович Платкин сделал другой выбор. Он родился в Рогачеве, в той же Могилевской губернии, откуда происходили и Майеры. Как и они, покинул родину в молодости, еще в конце XIX века, и прожил 20 лет в Англии, где стал театральным антрепренером, известным под именем Эдвард Платт. Под этим именем и приехал в Австралию в 1914 году в качестве импресарио молодых музыкантов Чернявских. В австралийскую армию он решил вступить под своим подлинным именем Хаим Самойлович Платкин — из патриотических соображений, как знак солидарности с воюющей Россией. Он еще не знал, какую цену ему придется за это заплатить...

С горечью вспоминал о своей родине и Семен Сучков. Когда в 1922 году власти потребовали от него подписать документ об отречении от прежнего гражданства (эту формальную процедуру проходили все иммигранты при натурализации в Австралии), Сучков написал об этом глубоко личные слова: «Что до отречения от моего прежнего гражданства, я могу только сказать, что в душе я это сделал давным-давно, и сделать это на бумаге мне не составит труда».

Я принимаю и уважаю выбор каждого из них — Эттингова и Сучкова, Майера и Платкина. Ведь это был наш жестокий двадцатый век, который заставлял делать такой выбор.

В сознании россиян великой войной стала Великая Отечественная, которую на Западе называют Второй мировой. Но у Запада была тоже своя Великая война — так здесь традиционно именуют Первую мировую. В нашем сознании значимость, трагизм и символизм той далекой войны затмили обрушившиеся вскоре на страну революции, гражданская война, голодомор, сталинизм и, наконец, беспрецедентная трагедия Великой Отечественной войны. Но, пожалуй, двадцатый век, мандельштамовский век-волкодав, начинает свой отсчет именно с Первой мировой, которая стала концом поступательного, рационального развития предшествующих столетий.

Когда заходит речь об участии русских в составе австралийской армии в Первой мировой, неизбежно возникает вопрос — почему они вступали в эту, в общем-то, чужую им армию? Ответы тут будут разными, как разными были и судьбы анзаков. Евреи, родившиеся в Российской империи, но выросшие в Англии или Австралии — «британцы по духу», — вступали в армию в числе первых, побуждаемые патриотизмом и стремлением выполнить долг перед империей. Франк Дворецкий из Слонима, приехавший в Австралию с родителями в детстве, после первой неудачной попытки вступить в армию зайцем пробрался на военный корабль, отправлявшийся с войсками в Египет, и там добился приема в армию. В четырнадцать лет приехал в Австралию и Джон Голдберг из Гродно; в то время как большинство евреев оседали в городах, он стал настоящим «бушменом», т. е. жителем «буша» — отдаленных внутренних районов страны. Гандагай, Аделонг, Бурова, Даббо — места, где он работал, — выступают в сознании австралийцев как олицетворение глубинки, пронизанной узами братства. Неудивительно, что Голдберг, ставший частью этой земли, стремился вступить в армию. Когда его отчислили из-за слабого здоровья, он вступил снова, но на фронт не попал, тяжело заболев по дороге в Англию. Бернард Ремез из Могилева, участник Русско-японской войны, работавший оптометристом в австралийской глубинке, на митинге вскоре после начала войны говорил, что хотя россияне и критикуют свое правительство, они никоим образом не поддерживают немцев; сам он дважды попытался вступить в армию. Патриотизмом были полны и племянники Майеров, с которыми мы уже познакомились.

Не чужды были идейные соображения при вступлении в армию и белорусам. Например, на вступление в армию Семена Сучкова повлиял тот факт, что четыре его брата вступили в русскую армию с началом войны. Годы спустя он писал: «Я был готов отдать свою жизнь за эту страну, принявшую меня, как своего сына, когда она во мне нуждалась». У Лео Берка два брата тоже вступили в русскую армию и погибли на войне. Уже после войны он уверял, что он и его товарищи «пошли на фронт не за 6 шиллингов, а чтобы отдать свои жизни в борьбе за Россию и ее союзников в этой великой мировой войне за демократию и мир».

Но 6 шиллингов, которые платили австралийским солдатам за день службы, тоже были немаловажным стимулом — ведь многие иммигранты в то время занимались тяжелым физическим трудом — на шахтах, на рубке сахарного тростника, на строительстве железных дорог. С началом войны началась безработица, причем иностранцев увольняли в первую очередь. Барбара, дочь Устина Гловацкого, вспоминает: «Отец добрался до Рокхемптона на корабле зайцем и стал подумывать, что лучше бы как-то вернуться в Россию, но у него не было денег. И тут он услышал, что набирают солдат в Дарданеллы, тогда говорили, что войну эту закончат очень быстро, и он подумал: “Я сяду с ними на корабль, мы кончим войну, а оттуда недалеко и до дома в Жабинке дойти”. Получилось-то все совсем не так». К этой истории из семейного фольклора можно добавить, что в армию Гловацкий вступил с целой группой россиян, в том числе с белорусом Андреем Жабинским из Борисова и Иосифом Рудецким из-под Киева. Рокхемптон — городок на севере Квинсленда, который окружают поля сахарного тростника. С окончанием сезона рубки тростника русские и записались в армию.

Особую группу составляли моряки. Иногда, с началом войны, корабли интернировали или капитан, решив, что продолжать плавание дальше невыгодно

и небезопасно, рассчитывал всю команду. Бывало, россияне дезертировали со своего корабля. Так, например, произошло с Фавстом Леошкевичем, прибывшим в Австралию с грузом досок из Либавы. Его сын Леон рассказывает: «Пришвартовавшись, они узнали, что разразилась мировая война, и тогда они с Васей Грешнером сбежали с корабля. Капитан обратился в полицию, чтобы те нашли его дезертиров. Их нашли, но полицейский дал каждому по полкроны и посадил в дилижанс, который отправлялся на запад, в городок Колэк. Наверно, это был неофициальный способ заполучать иммигрантов для Австралии!» Через несколько месяцев, помыкавшись без работы, Леошкевич вступил в армию. Подобную историю помнит и внук Вильяма Деонка: «Дед был русским торговым моряком, приплыл сюда на корабле, и как все хорошие мальчики, оставил корабль, гулял в городе, а корабль тем временем ушел. Тогда австралийские власти его поймали как нелегального иммигранта и сказали ему: “Вот тебе выбор — или мы тебя вышлем в Россию, или отправим в Европу, сейчас там завязалась маленькая война, так, месяца на три”. И он подумал: “Ну что ж, вступлю в армию, повоюю три месяца в Европе, и я свободен, они должны будут вернуть меня сюда и уже ничего не сделают за то, что я сбежал с корабля”. Но ему и в голову не пришло, что придется пройти всю войну от начала до конца».

Галлиполи

Хотя Австралийская армия начала комплектоваться со дня объявления войны в августе 1914 года, но пороху австралийским солдатам по-настоящему довелось понюхать только начиная с апреля 1915 года, с высадки в Галлиполи. Символом героизма австралийцев в Галлиполи стали не громкие боевые победы, а повседневный героизм простого австралийского солдата Симсона, служившего в медицинской части. В первые дни после высадки, когда потери были колоссальными и царила общая неразбериха, он нашел где-то заблудившегося ослика и, пробираясь с ним на передний край, где лежали раненые, вывозил их вниз к морю, в медсанбат. За свое бесстрашие, презрение к смерти и верность воинскому долгу, а вернее, долгу товарищества (он работал самостоятельно, на свой страх и риск), Симсон, «парень с осликом», стал легендой еще при жизни. А жизни было ему отпущено после высадки чуть больше трех недель. В конце концов его сразила пулеметная очередь. Ныне статуя этого удивительного паренька с осликом приветствует посетителей у входа в Австралийский военный мемориал в Канберре — самом святом месте для австралийцев.

…Когда я начинала собирать материалы об анзаках, казалось, что это часть далекой легендарной истории, что между нею и настоящим — глубокая пропасть. Но внезапно зазвучали голоса наших анзаков.

«Как-то зимой мы сидели дома вокруг стола и ели горячую картошку, — вспоминает Барбара, дочь Устина Гловацкого, — и я говорю: “А нам сегодня в школе весь урок рассказывали об одном замечательном человеке, герое Галлиполи Симсоне”. И тут мой отец покраснел и как закричит: “Об этом идиоте! Да он погубил больше людей своим дурачеством, чем спас! Он, бывало, несет носилки, а как завидит турок, начнет дразнить их, прыгать туда-сюда и покрикивать “Вот я где!”, а те в это время раненого, которого он нес, и добьют. Сколько же осликов и раненых погибло из-за его дурости. Мне довелось поработать санитаром, и когда был мой черед идти с ним в паре, я притворялся, что у меня колики, только бы не оказаться вместе. Ничего не было опаснее, чем идти с ним”».

История жизни самого Устина Гловацкого была полна необычайных приключений. Бывший студент, замешанный в политике и поэтому бежавший из России, и в то же время правнук, если верить семейному преданию, крупного землевладельца с тремя тысячами крепостных, Устин начал свою карьеру в австралийской армии в качестве повара. «На корабле его назначили ординарцем: смотреть за

офицерами и чистить им обувь, — рассказывает его дочь. — Те видели, что он джентльмен и знает, что такое культура». В Галлиполи его направили в группу санитаров-носильщиков, т. к. парень был невысокого роста. Однажды он вынес из боя тяжелораненого офицера. Когда того переносили на санитарный корабль, он спросил имя спасшего его санитара. Позже оказалось, что офицер был родственником Франка Савери, впоследствии ставшего британским послом в Польше. Франк Савери не раз будет помогать Устину Гловацкому в дальнейшем и в конечном итоге спасет его семью в годы Второй мировой войны, но не будем забегать вперед и вернемся в Галлиполи. Кстати, что до ослика и Симсона, то мне пришлось разрушить семейную легенду — оказалось, что Гловацкий высадился в Галлиполи к тому времени, когда Симсон уже погиб. Впрочем, и на его долю выпали другие «Симсоны» и другие ослики...

Устин Гловацкий

«Отец как-то рассказывал, какой страх они испытали, когда оказались в Галлиполи и увидели происходящее, — а это уже голос Дороти, дочери Вильяма Деонка, — и я подумала: ого! Моего отца не так-то просто напугать, должно быть, это было что-то действительно ужасное. В составе 17-го батальона он находился в Галлиполи с августа 1915 года и одним из последних покинул пост». Деонк удостоился специальной награды за мужество в Галлиполи — Военной Медали. Его командир, лейтенант-полковник Е. Т. Мартин, писал о нем: «В качестве гранатометчика на Квин Пост, где обстрел был исключительно интенсивным, Вильям Деонк проявил себя надежным, горячим и энергичным бойцом. Нельзя переоценить влияние его поведения на его товарищей — он никогда не унывал, как ни тяжела была обстановка». Это была удивительная характеристика, особенно в отношении иностранца, для которых командование редко находило хвалебные слова. Камнем преткновения становилось, конечно, непонимание ими команд на английском языке. «А как же его английский? — спросила я Дороти, зачитав ей этот документ. — Ведь он едва знал его». — «Это отца не беспокоило. Он говорил на ломаном английском, но мог общаться с кем угодно, такая уж у него была натура».

Всего же в галлиполийской операции участвовало шесть уроженцев Беларуси, причем Зиневич присутствовал при знаменитой высадке 25 апреля 1915 года. Три месяца спустя он был ранен в локоть, его эвакуировали в госпиталь на Мальте. После лечения наш земляк снова вернулся в свой батальон на Галлиполи. В августе-сентябре из Австралии пришло подкрепление, в числе других были и наши знакомые — Деонк, Гловацкий и Жабинский. Последним высадился Давид Робин из Гродненской губернии. В конце декабря командование решило вывести войска союзников с Галлиполи, где сложили свои головы тысячи солдат...

На Западном фронте

После переформирования австралийских войск в Египте в начале 1916 года их стали перебрасывать на Западный фронт — во Францию и Бельгию. Александр Майко, который в конце 1915 года остался без работы в Сиднее, оказался среди новых подкреплений. Его рассказ об армейской службе звучит прозаически, это та же работа, к которой он привык с раннего детства, разве что пейзаж другой, но и на него Александр смотрит глазами крестьянина: «В январе 1916 года я вступил в армию, начал жизнь солдата и отбыл из Австралии в марте.

Мы зашли по пути в Коломбо и Аден, а затем через Суэцкий канал в Порт-Саид. Оттуда нас перебросили в Тель-эль-Кебир. Там мы были три недели. Вокруг была пустыня, песок и больше ничего, днем было очень жарко, а ночью — холодно. Мне не давали увольнительной, и я на свой страх и риск отправился на денек посмотреть Каир, к счастью, меня за это не оштрафовали. Из Тель-эль-Кебира нас отправили поездом в Александрию. Земля вокруг была славная, и благодаря орошению, рос хороший урожай. Из Александрии нас на корабле повезли через Гибралтар в Плимут в Англии. Мы прожили три месяца в лагере около Салсбури. Стоунхедж был недалеко от нас. Я получал увольнительную три раза и ездил в Лондон, а потом нас отправили во Францию. Где-то в ноябре 1916 года наши пополнения присоединились к батальону в Армантьере, а через 12 месяцев я получил 10-дневный отпуск в Англию».

И ни слова о кровавой мясорубке, что творилась вокруг него на Западном фронте. А потерь тут было много. Хотя участок фронта в районе Армантьера, где их первоначально разместили, считался относительно спокойным (солдаты называли его «детским садом»), артобстрелы противника привели к первым жертвам. 16 апреля 1916 года, едва прибыв на фронт, от тяжелых шрапнельных ран скончался ветеран Галлиполи Давид Калмен Робин (Рабинович) из Белостока в Гродненской губернии. Он приехал в Австралию в юности, еще в 1903 году, натурализовался, занимался торговлей сначала в Перте, а затем в Сиднее, побывал в Новой Зеландии и Америке. Незадолго до начала войны он женился на австралийке. Вероятно, он был из тех, для кого Австралия стала домом, и они пошли на войну из чувства долга перед этой страной. Хотя он был евреем, вступая в армию, он сделал прочерк в графе «религия». Он стал таким же, как его австралийские собратья по армии, и вместе с ними во время короткой передышки в Египте сбежал из лагеря погулять в городе, — австралийские солдаты славились своей бесшабашностью, — за что и был оштрафован, но хорошо, что у него были хоть эти беззаботные дни... Австралийцы чтят Робина как первого австралийского еврея, павшего на Западном фронте. Мы можем добавить, что он был и первым павшим там нашим земляком, уроженцем белорусско-польского пограничья. Вскоре получил перелом черепа и Петр Зиневич, однако он поправился, вернулся в строй и был назначен капралом.

Чарльз Бин, автор многотомной «Официальной истории Австралии в Первой мировой войне», пишет о том, что пришлось испытать солдатам, находившимся под непрерывным обстрелом в открытых траншеях во время боев за Позьер осенью 1916 года. Он, в частности, рассказывает о «русском из 9-го батальона», который «во время бомбардировки... рыл землю, как терьер, голыми руками, стоя на коленях, временами скуля, в отчаянном стремлении спасти своих товарищей, засыпанных землей. Когда его, наконец, самого засыпало землей и он был откопан, он бросился бежать прочь с передовой». Не об Устине Гловацком ли он писал? Здесь во время взрыва засыпало землей его друга Андрея Жабинского, он был тяжело контужен и отправлен в Англию. Барбара, дочь Устина, вспомнила один из его рассказов, который, возможно, и относится к тем страшным дням битвы за Позьер: «Как-то мы сидели все вместе после обеда, и мама почему-то сказала: “Ты, должно быть, был очень смелым на войне”, и он ответил: “Я не хочу, чтобы ты думала, что я был смелым. Однажды нас вызвали в атаку, а я не мог заставить себя выбраться наверх из окопа. Я обхватил голову руками, чтобы ничего больше не слышать...”»

Андрей Жабинский

Огромное напряжение, испытанное участниками этого сражения, имело трагические последствия

и после того как их подразделения отводили с передовой. Такой стала судьба Вячеслава Ковальского. Вступая в армию, он указал местом своего рождения Москву, но вполне вероятно, что это не соответствовало действительности и он был белорусом. Он приехал в Австралию в 1912 году с волной русских дальневосточных эмигрантов и работал здесь разнорабочим. Первая его попытка вступить в армию не увенчалась успехом, но в июле 1915 года его наконец-то приняли. Его боевым крещением стал Позьер. После битвы за Позьер его зрение стало резко ухудшаться, его отправили в Англию и в ноябре, почти слепого, демобилизовали в Лондоне. Через три дня после Рождества он покончил с собой. В полицейском донесении говорилось, что «в этой стране у него не было друзей». Никого не было у него и в Австралии, кроме девушки по имени Джин Пауер из Тувумбы. Его имя не значится среди имен австралийцев, погибших в войнах и выбитых на стенах Австралийского военного мемориала, да военные и не пытались записать его имя правильно — в одних документах он назван Вачалаф Ковальский, в других — Вачелар Кавольский...

Здесь, в Позьере, мы снова встречаемся с бесстрашным Вильямом Деонком, которого перевели во взвод гранатометчиков. Во время боев за город он был ранен в плечо, контужен и отправлен в Англию. Свою высокую награду за мужество, проявленное в Галлиполи, Военную медаль, он получил уже находясь в Англии на поправке.

В начале 1917 года в боях за Лагникур был ранен Джон Матвейчик, а несколько месяцев спустя отравлен газом Лео Берк. В строй они уже не вернулись и были эвакуированы в Австралию. Оба они происходили с территории белорусско-польского пограничья.

Одним из важных сражений 1917 года стала Мессинская операция, в целом успешная. Здесь был ранен в ногу Осип Рынкевич. Вступая в армию, он указал, что родился в Витебске, однако, вернувшись с войны, он натурализовался как уроженец Томска. В Томской губернии, в районе станции Болотное действительно жил его отец Иван Рынкевич, переселившийся туда во время Столыпинской реформы из Режицкого (ныне Резекне) уезда Витебской губернии. Их, учитывая русскую, а не польскую форму имен, которую использовал Осип, можно считать белорусами или обрусевшими поляками. Осип Рынкевич, судя по почерку, неплохо образованный молодой человек, приехал в Австралию в 1913 году с волной русских переселенцев. Однако, в отличие от других россиян, которые оседали преимущественно в Квинсленде, он поколесил по всей Австралии — работал в Сиднее, в Порт-Пири, где было рудоплавильное производство, а затем добрался до Дарвина на Северной территории, а оттуда с группой русских он отправился работать на скотобойне в Уинхаме, в одном из самых отделенных районов Западной Австралии. Однако через несколько месяцев он вернулся в Дарвин и вступил в армию вместе с Джоном Гуральским — поляком, долго прожившим на Дальнем Востоке.

После завершения Мессинской операции началось крупное наступление у Ипра. Григорий Кунин из Воложина погиб здесь вместе с девятью другими солдатами 19 сентября 1917 года, накануне наступления. Они находились на дозорном посту и погибли при прямом попадании бомбы. Его командир писал: «Я отправился к месту взрыва с тремя солдатами, и мы откопали тела Кунина, Кокса и Норткота, а также неузнаваемые останки других, которых разорвало на куски». Их похоронили всех вместе, поставив крест над братской могилой, хотя Кунин был евреем. Бен Гоффин, другой еврей из Подолии, который вступил в армию и служил вместе с Куниным, писал: «Он был невысоким смуглым парнем, крепко сложенным, с темными вьющимися волосами. Он был моим закадычным другом». Товарищи называли его Рэшер (Rasher), вероятно, по ассоциации со словом Russian. Даже будучи в армии Кунин помогал своей сестре Лие, жившей в Мельбурне, а в Воложине у них осталась мать. В досье Кунина, хранящемся в архиве, есть несколько страничек послевоенной переписки его матери, Баси Кункиной, с

военными властями, которые уточняли ее адрес для пересылки медалей. Сквозь скупые строки ее письма, искаженные многократным переводом — с еврейского на польский, а потом на английский, — слышится неизбывное материнское горе: «Я хочу иметь что-нибудь на память о нем, потому что он сын мой. Вы спрашиваете, можете ли вы хранить медали, но я хочу иметь память о нем».

Революции 1917 года в России — сначала февральская, а потом октябрьская — привели к массовому братанию на русских фронтах и выходу России из войны в начале 1918 года. В результате немцы смогли передислоцировать значительные силы на Западный фронт и 21 марта начали крупное наступление в районе Аррас и Сент-Квентин. Они прорвали оборону Британской армии, расположенной в этом секторе, и заняли территории, где шли кровопролитные бои в 1916 и 1917 годах. Австралийские войска во время этого кризиса сражались бок о бок с англичанами на различных участках фронта. Особенно жаркими были бои 5 апреля, где австралийские войска защищали участок фронта около Дернанкурта, близ Амьена. Немцы прорвались через австралийскую оборону, и хотя они были в конце концов остановлены, австралийцы понесли большие потери. 47-й батальон Семена Сучкова, который прибыл во Францию всего за месяц до этого сражения, оказался в центре удара противника. Сучков, как и многие его соратники, попал в плен. В немецком плену им пришлось голодать, и поскольку у него не было родных в Австралии, заботу о нем взял на себя австралийский Красный Крест, в то время как его превосходное знание немецкого языка оказало неоценимую помощь его товарищам по несчастью.

Незадолго до этого сражения был отравлен газом Фавст Леошкевич, он был эвакуирован в Англию, немного поправился и снова вернулся на передовую, где попал в газовую атаку во второй раз. Для него это был конец войны — вместе с другими ранеными его, наконец, отправили в Австралию. 19 мая 1918 года в бою под Корби был тяжело ранен Александр Майко. Кусок шрапнели застрял у него в груди. В своих воспоминаниях он был, как всегда, краток: «12 недель я пролежал в госпитале во Франции, потом полгода в госпитале Хэирфилд в Англии. Я еще был лежачим больным, когда меня привезли на госпитальном корабле в Сидней, и меня сразу отправили в госпиталь в Рэндвике. В общей сложности я провел в госпиталях 17 с половиной месяцев, и после всего этого госпиталь стал казаться мне домом». Эти месяцы на чистой больничной койке были первым периодом в его жизни, когда он не работал, когда о нем заботились. Неслучайно в его армейском альбоме сохранились именно госпитальные снимки.

Осип Рынкевич (слева) с русскими сослуживцами Николаем Кива и Василием Аверковым вскоре после вступления в армию.

Уже в самом конце войны, в сентябре 1918 года, в битве за Перон был тяжело ранен Осип Рынкевич. На этот раз он получил ранения в голову и в левую

Александр Майко в госпитале (в нижнем ряду в центре).

руку во время бомбежки. Как и Майко, он был эвакуирован в английский госпиталь, а потом в Австралию. Его внучка Мари рассказывает, что Осип никогда не говорил о войне. Только раз, в ответ на ее вопрос, он сказал: «Война ужасна», — и рассказал ей о траншеях, полных крови и частей человеческих тел. Помолчав, он добавил: «Никогда не отпускай на войну своих сыновей».

11 ноября 1918 года война была закончена. Горстку белорусов, которые еще оставались на Западном фронте — Виселенский, Прусов, Тарасов, Мирский, Пашкевич, Гурасов, Вольфсон, Тортсан, Майер, — отправили в Австралию. К ним присоединился и Семен Сучков, освобожденный из немецкого плена.

Двое наших земляков — Робин и Кунин — навсегда остались на полях сражений, третий — Самуил Эттингов — умер в Австралии, не успев попасть на фронт. Имя каждого из них увековечено на стене Австралийского военного мемориала в Канберре. Имя одного — ослепшего Вячеслава Ковальского, покончившего с собой в Лондоне, — не попало в ряды героев.

Уроженцы Беларуси служили во многих подразделениях Австралийской армии. В своей службе они редко поднимались выше чина рядового, что было связано с их слабым знанием английского языка. Неудивительно, что большинство из них служили в пехотных батальонах; Виселенский и Пашкевич попали в саперные подразделения — рыли окопы, подвозили на лошадях снаряды. Мирский работал пекарем в полевых кухнях. Тем не менее несколько из них служили в «элитных» частях. Жабинский и Тортсан стали пулеметчиками. Вильяма Деонка, когда он из-за ранения не смог вернуться на передовую, определили служить в военную полицию — редкая честь для россиянина в Австралийской армии, — и присвоили чин капрала. Прусов освоил профессию механика в авиационном отряде. Но самую блестящую карьеру сделал Норман Майер: начав службу 20-летним студентом в чине рядового, он закончил ее лейтенантом, командующим колонной амуниции.

Да, белорусы служили в Австралийской армии так же, как и австралийцы. Превозмогая страх, они поднимались в атаки как пехотинцы, рыли окопы и туннели как саперы, выносили с поля боя раненых как санитары, доставляли боеприпасы под огнем противника как погонщики лошадей... Процент потерь среди них был такой же, как по Австралийской армии в целом. И все же их ноша была порою тяжелее, чем у их австралийских соратников, тяжелее на неизмеримую величину — быть чужаком среди австралийцев.

Продолжение следует.

Искусство суждения

Марина АММОН

Он придет в полночь...

Современная белорусская фантастическая литература в контексте массовой культуры

Традиционно под массовой культурой понимают совокупность продуктов творческой деятельности человека, которые ориентированы на неквалифицированного зрителя, читателя, не обремененных необходимостью рефлексий по поводу художественной природы того или иного произведения, и поэтому когнитивно упрощенные. В изящной словесности данное явление именуется массовой / популярной / тривиальной литературой / паралитературой и зачастую воспринимается как антипод оной.

Активное развитие массовой литературы началось не позднее XIX века и было непосредственно связано со значительным расширением читательской аудитории, коммерсализацией и профессионализацией писательской деятельности и другими известными на сегодняшний день явлениями издательского мира. При этом очевидна определенная преемственность между паралитературой и более ранними формами народного, низового вербального искусства и литературного фольклора. Примечательно, что аксиологический потенциал массовой литературы раскрывается, как заметил еще Ю. Лотман, только через ее противопоставление элитарному искусству, диктующему нормы и представления, с точки зрения которых эта литература оценивается как «плохая», «грубая» или по какому-либо другому признаку отверженная, апокрифическая. Противоречивая оценка паралитературы также связана с ее стремлением к интеллектуальной и эстетической универсальности, отказом от выработки новых изобразительных средств, выходом за рамки жанрового канона, переосмыслением литературной и культурной ситуации и др.

Среди распространенных нареканий в адрес современной белорусской литературы можно отметить недостаток в ней так называемой «массовости», ориентации на многочисленного читателя путем обращения к стандартным сюжетам и образам. Несмотря на своеобразную «суррогатность» такого искусства, оно, тем не менее, свидетельствует о достаточном развитии изящной словесности, прочном закреплении в нем традиции.

Отечественная фантастическая литература определяется двояким подходом к рецепции достижений массовой культуры. С одной стороны, в свет выходит большое количество текстов, не отягощенных глубоким идейным содержанием и в первую очередь ориентированных на моделирование увлекательного и динамичного сюжета (практика, характерная для большинства молодых писателей). В другом случае читательской аудитории предлагаются произведения, где внешняя формульная заданность сочетается с сильным философским началом. Последний вариант свидетельствует о стремлении белорусских авторов определенным образом переосмыслить жанрово-стилевые установки массовой культуры и в итоге представить качественную в художественном отношении литературу.

Так, интенция на создание интеллектуальной прозы наблюдается на страницах фантастического романа Л. Дайнеко «Человек с бриллиантовым сердцем», что обусловило его чрезвычайно сложную идейно-тематическую и композицион-

ную структуру. В произведении можно выделить две основные сюжетные линии, намеренно ориентированные на различные читательские аудитории. Основу первой истории составляет острое и динамичное развитие действия, сосредоточенное вокруг тайны происхождения Великого Ужаса и последующего путешествия героев на планету Синяя Звезда с целью спасения одного из них. Стремительность и непредсказуемость развертывания фабулы, отсутствие детализированного психологизма, довольно частое использование автором мотивов похищения, преследования и пр., а также латентная установка на счастливое разрешение всех сюжетных коллизий — явное свидетельство присутствия в тексте элементов приключенческого жанра. Тем не менее, немаловажное место в романе занимает попытка проспективного анализа писателем наиболее актуальных проблем сегодняшнего дня. С этой целью Л. Дайнеко рисует далекое будущее — время, когда человечество сумело построить Великую Эру Плюрализма. Представленное автором общество опирается на принцип эгалитаризма (равенства) и легитимности сосуществования многочисленных интересов, идей, взглядов, социальных институтов. Демократия в самом абсолютном ее понимании стала результатом многовековой борьбы людей с природой и своими инстинктами: они «научились смотреть через металл и камень, поселились на океанском дне, победили рак, начали оживлять мертвых». Сотни открытий постепенно приближали человека к статусу единого повелителя Вселенной. Но прогресс остановил обычный метеорит, который упал на южно-африканский ядерный реактор. В результате цивилизация вынуждена была отказаться от инноваций, минимизировать уровень использования робототехники и нанотехнологий, сосредоточив свое внимание на внутреннем мире личности.

Как известно, многие писатели-антиутописты главную причину невозможности достижения идеальной модели социума видят в недостаточном уровне морально-этического развития каждого конкретного индивида, его неспособности к духовному самосовершенствованию. Развивая эту мысль, Л. Дайнеко моделирует обратную ситуацию, когда человечество нашло в себе силы отказаться от превалирования в своей жизни достижений научно-технической революции, достигнув, таким образом, гармонии с природой. Однако и этот путь, по мнению автора, не может подарить миру надежду на абсолютное счастье. В романе лейтмотивом звучит идея ответственности каждого человека за грехи своих предков, невозможности отказаться от прошлого. Последнее не просто мертвый груз, а активное начало, способное подчинить себе современность. Символом вчерашнего дня в произведении выступает Старая Цивилизация — самый жестокий и кровожадный враг людей будущего. Борьба общества с персонифицированным в орду отвратительных существ историческим опытом не имеет конца. Данный сюжетный прием ставит под сомнение возможность каждого индивида искренне и всецело осмыслить как собственные, так и общечеловеческие ошибки. Ни наивысшая степень технократии, ни самые яркие научные открытия, никакое бриллиантовое сердце, как справедливо замечает О. Шинкаренко, не могут освободить «человека от болезни антропоцентризма, изуродованного и неправильного понимания феномена прогресса, исторического беспамятства». Вариантом решения данной проблемы в романе стало отрицание людьми своей физической оболочки, к чему, кстати, и пришел один из героев романа, приняв внешний вид пчелы.

В произведении также подчеркивается необходимость обращения человека к своим корням, первооснове, поиска путей преодоления тотального отчуждения индивидуума и природы. Однако реализация этой идеи в пределах смоделированного писателем общества имеет довольно иллюзорный характер. Компромисс между искусственным миром и исконным, естественным началом нашел свое отражение в стандартном возгласе гражданина индоевропейской Конфедерации — «Живет Солнце и Кислород!». Стремление представленного социума

к гармонии с окружающей действительностью привело к параллельному, но только внешне бесконфликтному сосуществованию двух миров: цивилизации со всеми ее научно-техническими достижениями и природы. Данная ситуация проявляется, например, на бытовом уровне: «Зазвонил, а точнее, забекал телефон. Сегодня он подделывал голос молодого барашка, у которого только что прорезались рожки». Еще один красочный пример — имена главных персонажей: Гай Дубрович, Пуща, Березка, Клен.

Своеобразным символом поиска людьми своих корней, достижения единства с природой выступает Зеленый Образ. Найти его — значит понять ошибки прошлого, стать на путь духовного самосовершенствования, что, кстати, и делает один из героев. В тексте также представлен альтернативный вариант репрезентации этой проблемы. Так, двойником Земли в романе является Синяя Звезда, чье утилитарное отношение к живому вызывает невольные ассоциации с сегодняшним экологическим состоянием планеты. Эксперимент ради эксперимента — главная цель инопланетян. Такое общество подчиняет все своим интересам. Именно встреча с ним и является толчком к переоценке героями сущности научно-технической революции.

Примечательно, что представленный Л. Дайнеко мотив космического путешествия, в котором персонажи сталкиваются с более сильным в техническом отношении иноземным оппонентом, выступает очевидным атрибутом жанра космической оперы. В белорусской советской литературе упомянутая разновидность фантастики довольно активно разрабатывалась В. Шитиком. Основной причиной популярности космооперы у массового читателя является отсутствие в ней четкого научного обоснования происходящего (технические аспекты, как правило, играют роль антуража) в угоду масштабности, многоплановости и колоритности рассказа.

Помимо рассмотренного нами романа, описанию сложной и опасной жизни за пределами Земли посвящены такие произведения, как «Дикие кошки Барсума» Г. Авласенко, «Он придет в полночь» и «Муары Лидлу» А. Бычковского, «Игрушки для младших» Сержа Минскевича и др. В художественном отношении примечателен именно первый роман, где смоделированная автором реальность сконцентрирована вокруг двух основных проблем. Первая из них — условная, направленная на развертывание непредсказуемой и интригующей фабулы, — связана с раскрытием главными героями тайны планеты Аграполис, на которой были найдены останки неизвестной внеземной экспедиции. Что за цель руководила агентами-исследователями в небольшой фермерской стране, одинаково неинтересной для всех ее мощных космических соседей; где находится загадочный Барсум (очевидна аллюзия на «Барсумскую серию» о Марсе Э. Барроуза) и действительно ли он является убежищем для могущественных амазонок; в чем заключается суть политики Фирмы, гигантской межгалактической организации, способной влиять на судьбы как отдельных людей, так и целых солнечных систем — эти и некоторые другие вопросы, безусловно, способны до последней страницы держать читателя в наивысшем напряжении.

Однако для заядлого любителя приключенческой фантастики очевидным выступает наличие в произведении Г. Авласенко второго, не менее существенного, по сравнению с занимательностью, компонента — спроектированности романа на современное общество. Имеется в виду такая многоаспектная проблема сегодняшнего дня, как социальная самоидентификация женщины, реализуемая в тексте посредством показа жизни двух кардинально отличающихся друг от друга планет — Барсума и Аграполиса. Первая из них предстает чрезвычайно загадочной: короткие полуфакты-полусплетни рассказывают о чудесной стране, где живут всемогущие женщины-воины, своеобразные космические потомки мифических амазонок. Они действуют под руководством своей царицы, не терпят рядом с собой мужчин и только

с целью продолжения рода вступают на короткий срок в связь с последними. Рожденных в результате таких отношений мальчиков ждет незавидная судьба рабов или даже смерть, девочки же остаются в этом военном государстве и воспитываются как новые валькирии. Кардинально противоположные радикальному феминизму Барсума порядки царят на планете Аграполис. Слово «жена» на ней безраздельно существует с определением «рабочая», что объясняется специфическим статусом женщины в аграрном обществе. В первую очередь, она является «инструментом» для работы, объектом купли-продажи, лишенным прав и любых проявлений самостоятельности: «Рабочие жены не разговаривают. Никогда, ни при каких обстоятельствах. Точнее, они как умные в какой-то мере существа могут отвечать на вопросы, они с полуслова понимают все приказы и распоряжения своего мужа и всегда стараются выполнить эти приказы быстро и точно». Покорность «спутниц жизни» обеспечивается со стороны Фирмы, которая в ходе развертывания событий оказывается огромной трансгалактической корпорацией, специализирующейся на торговле женщинами.

Как раз между молотом и наковальней оказались главные герои романа, которые вынуждены решать извечный вопрос взаимоотношений между женщиной и мужчиной в необычайно экстремальных условиях. Так, бывший космический десантник Свенсон и сотрудник Фирмы Холин пытаются понять, почему четыре «рабочие жены» сумели восстановить свою память и выйти из-под контроля, демонстрируя нечеловеческую силу и небывалые военные способности; а молодой фермер Аграполиса Николя Сарджен разрывается между двумя женщинами — сильной и беспощадной амазонкой Морганой и нежной и любящей женой Мэри, по странному стечению обстоятельств заточенными в теле одного человека. Следует отметить, что у Г. Авласенко убедительно индивидуализированными получились как главные, так и второстепенные персонажи. Достаточно лишь вспомнить одного из жителей планеты земледельца О'Нила, образ которого представлен в эволюции — через многочисленные ретроспекции-отсылки к прошлому героя — от способного к состраданию и возвышенным чувствам человека к бездушному и не обремененному умом нелюдю, который единственным средством разрешения конфликтов выбрал физическую силу. Или неудачливого локального руководителя Фирмы Скрайфа, склонного к самоанализу и рефлексии, но слабого волей персонажа, уверенного в бесчеловечной природе своей организации и при этом не способного к изменению существующих порядков. Либо тихую и послушную рабочую жену Холина, тайно лишенную рабского ярма, но до последнего момента переполненную желанием найти причину остаться рядом с мужем.

Несмотря на относительно счастливое завершение основных сюжетных коллизий, финал романа далек от характерного для приключенческой фантастики «хеппи-энда», что, безусловно, определенным образом свидетельствует о невозможности окончательного адекватного решения феминистского вопроса в современном писателю обществе. И хотя роман Г. Авласенко «Дикие кошки Барсума» так и не дал читателю панацею от исконных ментальных «болезней» человечества и даже не представил их с кардинально нового ракурса, сам факт его появления в современной белорусской литературе является явно положительным признаком дальнейшего успешного развития отечественной фантастики.

Еще одной отличительной особенностью современной белорусской литературы является отказ ряда авторов от наукоцентрических настроений нового времени в пользу мифологического начала. Особый интерес представляют тексты, характеризующиеся активным вмешательством писателей в привычные мифологические сюжеты, а также созданием оригинальных художественных продуктов, аналогичных или тождественных мифам. При этом степень мифологизма в произведениях разнится: от проявления отдельных мотивов или образов

в реалистическом повествовании до репрезентации авторами своей уникальной системы мифологем. Примечательно, что в современном вербальном искусстве разные типы художественного мифологизма редко существуют в изолированном виде. Наоборот, очевидна интенция на их объединение как между собой, так и с другими видами образного отражения мира. Ярким примером тому является дальнейшая интеграция мифа и фантастики, развернувшаяся еще в эпоху античности. Очевидная же эволюция классической формы реалистического романа и последующее осваивание мастерами слова новых жанровых модификаций свидетельствуют об успешности отмеченных тенденций.

В данном контексте белорусская массовая литература демонстрирует широкий интерес к поэтике фантастического, что нередко разворачивается в пространстве фольклорных и этнически самобытных пластов белорусского бытия и сознания, где еще живы элементы мифологического миросозерцания. Основу такого подхода составляет мифологическое ощущение времени, главными особенностями которого, согласно А. Лосеву, являются «всеобщая взаимопревращаемость вещей внутри замкнутого космоса, необходимая ввиду того, что здесь всякая единичность содержит в себе любую обобщенность и наоборот»; «нераздельность причин и следствий во временном потоке, поскольку сам временной поток мыслится в мифологии как нераздельная в себе цельность, которая сама для себя и причина, и цель»; «чудесно-фантастический характер каждого мгновения, поскольку оно неотличимо от вечности».

Одним из ярких проявлений мифологического начала в сегодняшней отечественной фантастической литературе выступают многочисленные обращения писателей к славянской народной демонологии, немаловажную роль в которой играет мотив оборотничества. Идея вовлечения далеких предков белорусов в тайны физической трансформации тела с помощью сверхъестественных средств идет корнями в эпоху античности, о чем свидетельствует Геродот в своей «Истории»: «Эти люди, видимо, колдуны. Скифы и те, эллины, которые живут среди них, по крайней мере, утверждают, что каждый невр ежегодно на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик».

Интерес к упомянутой тематике в книжной традиции перманентный (достаточно только вспомнить анонимное «Слово о полку Игореве» или «Шляхтича Завальню» Я. Барщевского). И если сначала история преобразования человека в животное демонстрировала явную зависимость от установленных в фольклоре сюжетных схем и стратегий, то XX век привнес некоторые изменения в ее интерпретацию. С одной стороны, наблюдается преемственность в репрезентации авторами характерного для современной массовой культуры стереотипа оборотничества как опасной неконтролируемой болезни (териантропии). Такой подход, правда, иногда приобретает специфическую национальную окраску. Например, в рассказе А. Бычковского «Потомки невров» на основании мифической генеалогии белорусов делается попытка создания мистического детектива об исконном противостоянии охотников и вервольфов. При этом представлена довольно интересная трактовка необычного дара охотника в любых обстоятельствах почувствовать и найти кровожадного монстра: «Эта способность объясняется присутствием в ДНК своеобразного гена, присущего только потомкам далеких невров и оборотням». Нетрадиционность показа образа перевертыша связана также с перенесением действия произведения в городской антураж. С другой стороны, характерный для белорусского фольклора вариант прочтения мотива оборотничества предлагает А. Наварич в повести «Травля большого зверя», где телесное преобразование человека воспринимается как метафорическое воплощение отчужденности индивида в обществе.

Особая роль в рецепции и интерпретации мифологических мотивов и образов принадлежит фэнтези. К сожалению, на сегодняшний день в науке нет четкого определения этого культурного феномена. Обобщая большое количество гипотез,

можно отметить, что фэнтези трактуется учеными в двух основных направлениях: в широком смысле как вид фантастической литературы (или литературы о необычном), основанный на сюжетном допущении иррационального типа, или же в качестве нового жанра. Примечательно, что очевидная незавершенность научной трактовки фэнтези в литературоведении ничуть не умаляет богатства его репрезентации в литературе. Среди очевидных признаков жанра выделяют: моделирование «иного» мира с подробной разработкой хронотопа вымышленной страны (при довольно частом создании узнаваемых реалий конкретной исторической эпохи); обращение к сверхъестественности разных уровней (магии, мистике, религии и т. д.) как средства идентификации героя; художественную игру с «чужим текстом» (от использования определенных фольклорных и мифологических сюжетов до работы с известными примерами фэнтези). Принципиальным отличием фэнтези от научной фантастики выступает тот факт, что фантастическое в нем представлено в качестве «нормы», имманентного свойства окружающего мира и не вызывает никакой особой реакции ни со стороны героев, ни со стороны читателя.

Очевидно, что одна из главных задач жанра во многом сводится к переработке и интерпретации уже готовых семиологических систем, когда на базе сказочно-мифологического наследия народов мира создаются литературные вторичные миры. Однако если вторичное мифотворчество здесь воспринимается в качестве нормы, то дословное заимствование писателями образно-сюжетных схем известных текстов-канонов (Дж. Толкина, Дж. Роулинг и др.) может стать настоящей преградой для дальнейшего полноценного развития фэнтези в вербальном искусстве. Возможно, именно по этой причине сам жанр зачастую получает самые низкие оценки со стороны критиков и безапелляционно относится к паралитературе. Специфическая ситуация моделируется на пространстве славянской изящной словесности, для которой «игра» с западными вариантами нередко превращается в компилятивное повторение элементов чужеродной культуры.

Приведем, к примеру, творчество русскоязычной писательницы из Минска О. Громыко, чья проза нередко демонстрирует активное заимствование основных атрибутов фэнтези на формальном и содержательном уровнях. Так, в романах «Профессия: ведьма», «Верные враги» и др. присутствует детальная разработка географии и истории вымышленной страны Белории. Несмотря на очевидность находящейся в ее названии аллюзии на конкретное государство, протагонистами произведений довольно часто выступают персонажи западноевропейской мифологии: тролли, эльфы, гномы, дриады, мантихоры и т. п. Время от времени автор обращается к некоторым сюжетным моментам всемирно известной эпопеи о Гарри Поттере. Например, главная героиня трилогии о девушке-волшебнице Ольха Вредная получает образование в Старминской школе Чародеев, Пифий и Травниц. Кроме того, тексты О. Громыко довольно близки по стилю к Р. Асприну, одному из известных представителей юмористического фэнтези. Сходство усиливается по причине использования писательницей отдельных строк из книг американского фантаста в качестве эпиграфов, характерной интенции на разработку образов традиционно отрицательных героев мировой культуры в качестве центральных вместе с ироническим переосмыслением их сущности. Тем не менее, следует отметить бесспорный талант отечественной Дж. Роулинг в моделировании исключительных комедийных ситуаций.

В связи с развитием собственно белорусского фэнтези стоит также упомянуть достаточно оригинальный в жанровых отношениях роман Ники Ракитиной «Гонитва». Во-первых, хронотоп данного произведения соответствует основному требованиям жанра — подробной разработке вымышленного мира в темпоральных и географических отношениях: события в книге происходят в таинственной стране Лейтаве в 70—80-е гг. XIX века. Автором также предоставляются исчерпывающие сведения по истории, этнографии, экономическим, политическим,

социальным и культурным аспектам функционирования данного государства. Во-вторых, в отличие от многих литературных вариаций европейского постмифологического творчества, произведение Ники Ракитиной ориентировано на обработку древних белорусских и балтийских религиозных представлений, что определенным образом роднит его с традицией Я. Барщевского. Именно поэтому на страницах «Гонитвы» действуют необычные для общепринятого понимания жанра фантастические существа: богиня Морена со своей стаей слепых волков, кровожадные Навьи, бессмертный Лесной Король, крылатый пес Семаргл и т.д. В-третьих, несмотря на тот факт, что сконструированный писательницей мир существует в качестве своеобразного допущения (его местоположение относительно нашей реальности почти не детерминировано), нельзя не заметить его тесной связи с белорусской историей времен Великого Княжества Литовского. Подтверждением тому являются многочисленные, иногда фонетически видоизмененные, топонимы (Лейтава, Омель, Менеск, Двайна, Нямунас), имена легендарных деятелей и названия известных дворянских родов, также трансформированные и завуалированные (Новеград-Северский князь Егарий, студенты Вильнюсского университета Тумаш Занецкий и Игнат Домейко, семьи Радзивиллов и Чарторыйских), разнообразные наименования белорусско-литовской предметно-бытовой лексики и т. д.

Перечисленные причины подтолкнули некоторых критиков к пониманию данного романа как криптоистории (разновидности фантастической литературы, основанной на презумпции потери человечеством реальных представлений о событиях давно минувших дней). Тем не менее, «Гонитва» выступает не столько попыткой более полного отражения белорусского прошлого через показ неизвестных, якобы скрытых до определенного времени фактов, сколько попыткой репрезентации альтернативного варианта истории конкретной страны. Своеобразной точкой бифуркации в произведении, моментом, когда развитие восточных славян, а вместе с тем и жителей Великого Княжества Литовского пошло по другому пути, является непринятие в 988 г. Киевской землей христианства. Как вспоминает один из персонажей романа майор Дрогичинского егерского полка Никита Батурин, «<...> Егорий, князь Новеград-Северский, презрев свою рыдающую на забороле Ефросинью, стал строить амуры юной Кончаковне, скрашивающей ему тяготы половецкого плена. Кончаковна оказалась девицей ушлой, быстро окрутила Егория законным браком и отправилась в Балткревию на крупе его коня. Впрочем, до Новеграда ни она, ни ее приданое не доехали. Отмытая от дыма половецких костров, но ничуть не утратившая своей первозданной дикости, молодая княгиня наповал сразила стареющего Владимира Хоривского. Егорию предоставили на выбор место в великокняжьем порубе или возвращение к старой жене, где он через некоторое время и скончался. Кончаковна же, пододвинув Рогнеду-полочанку, сочеталась уже вторым законным браком».

Красивая и умная от природы женщина оказалась способной не только повлиять на определенные политические решения, но и кардинально изменить ход истории. Так, страшная судьба постигла несчастную гречанку Анну, кузину цареградского императора, выбранную князю Владимиру в качестве новой жены, и приход христианства в Балтокревию отдалился на пару сотен лет. Отсрочка принятия новой, монотеистической религии, привела к еще большему усилению имманентной связи литвинов с природой, своими предками. И нарушить ее запоздалый Новый Завет был уже не в силе. Именно поэтому ксендз одного из местных храмов растерянно замечает: «Мой Господь распадается на осколки. И у каждого свое имя, и каждый требует веры и обещает чудеса. Не где-то там потом, в загробном раю». По этой же причине по бескрайним просторам Лейтавы несется, не зная страха, Гонитва, воплощение мистических сил, карающих всех, кто осмелился нарушить Узор — порядок Вселенной, «стража ткачей» (прозрачная аллюзия на общеизвестные образы древнегреческих Мойр — богинь

судьбы). То, что для иностранных народов осталось в далеком прошлом, среди наивных предрассудков и поверий, для жителей созданной Никой Ракитиной страны воспринимается таким же реальным, как и много лет назад. Волшебные силы являются не только перманентным свойством представленного писательницей мира — они действуют системно, как законы природы, регламентируя все аспекты жизни человека.

Как справедливо замечает сама автор, «Гонитва» — это эхо дикой охоты В. Короткевича. Действительно, история вымышленной Лейтавы, основанной на легендах и преданиях Великого Княжества Литовского, языческих верованиях восточнославянских и балтийских народов, чрезвычайно напоминает альтернативную «богушевичской» модели Беларусь — романтическую, воинственную, таинственную и непокорную, такую, какой подарил ее читателю известный белорусский классик XX века. Кроме того, достаточно удачное использование писательницей законов и приемов детективного жанра также приближает упомянутый роман к короткевичской традиции. Примечательно также, что оба автора обращаются к поэтике так называемого «готического детектива». Так, Ника Ракитина, как и В. Короткевич в свое время в повести «Дикая охота короля Стаха», значительную часть повествования посвящает процессу расследования необычного происшествия с целью выяснения его обстоятельств и раскрытия тайны. Представленная автором ситуация отличается своей «гипердетерминированностью», и это не случайно, ведь мир детектива гораздо более упорядочен, чем реальная жизнь. Читатель последовательно снабжается всем необходимым фактическим инструментарием для ведения самостоятельного расследования. Весь антураж произведения просто переполнен классическими для романтического «черного романа» образами и мотивами: древнее родовое поместье, где происходят необычные убийства, витают мистические призраки, царит атмосфера страха, предчувствия ужасного и пр.

Но все-таки фэнтези в чистом виде — довольно редкое явление для современной белорусской массовой литературы, ведь она, как и все отечественное вербальное искусство, тяготеет к синтетическому роману — мультижанровому художественному образованию. Именно поэтому среди фантастических произведений довольно часто появляются так называемые гибридные жанры, возникшие, например, на стыке научной фантастики и фэнтези. Так, в романе Сержа Минскевича «Сад замкнутых гор» наблюдается сочетание сказочно-мифологического и сциентистского начал, что говорит о наличии в произведении признаков научного фэнтези. В основу сюжета автор положил классический квест — историю путешествия героя-избранника к определенной цели через преодоление трудностей. Писателем достаточно подробно продумана структура своего мира, представляющего собой бесконечный лабиринт подземных коридоров и подвалов, каждая ступень которого заселена определенной расой. Главный персонаж романа Далешорзах происходит из племени низшего уровня и должен проложить для своего народа, а в перспективе и для всего человечества, путь наверх. В ходе своих путешествий герой проходит через целый ряд стран, обретает любовь и познает горечь предательства, попадает в большое количество экстремальных ситуаций и даже на некоторое время умирает. К жизни его возвращают сверхъестественные силы: «У нас есть древний обычай: каждого новорожденного отдают на три дня волхвам-учителям. Они выполняют над ребенком обряд спирального заговора. Во время смертельной опасности в моей голове начинает раскручиваться тот заговор и тело как бы цепенеет, делается невредимым». Элементы волшебной сказки прослеживаются также при встрече героя с рядом персонажей, которые советом или с помощью волшебных вещей способствуют решению персонажем тех или иных задач (мудрец-отшельник, карлик-предсказатель).

Достижение Далешорзахом конечного пункта своей миссии, что для фэнтези традиционно означает быстрое завершение всех сюжетных коллизий, подводит

читателя к неизбежности рациональной трактовки действительности. На формальном уровне переход рассказа в кардинально другую плоскость происходит через смену хронотопа, который, сохраняя свою внешнюю замкнутость, из вертикально-динамической модели превращается в горизонтально-статическую. При этом очевидно апеллирование писателя к библейской символике, что выразилось в довольно оригинальной интерпретации мифа о грехопадении и изгнании людей из Рая (образы сада, сторожа, яблока и др.). Последнее способствует дальнейшему развертыванию сюжета в русле постапокалиптической тематики, а также научному объяснению всех сверхъестественных явлений в романе. Рисуя уцелевший после колоссальной катастрофы мир, автор, тем не менее, отказывается от подробной разработки эсхатологической проблематики, сосредоточив свое внимание на решении локальных конфликтов.

Неожиданным в данном контексте выступает финал романа, который не следует из естественного хода событий, а вызван вмешательством извне (появление в Саду странствующего мыслителя и ученого Оярет-Су). Однако использование автором широко распространенного приема deus ex machina (лат. «Бог из машины») вместе с очевидным присутствием в произведении большого количества жанровых клише, стилистической разнородности воспринимается не столько как признак «низкой» литературы, сколько сознательная интенция Сержа Минскевича на литературную игру, презентацию пародийного текста.

Еще одним примером удачного взаимодействия фантастики с другими формами массовой культуры является повесть Л. Рублевской «Дети гомункулуса», идентифицированная самой писательницей как мистический детектив. Закономерность такой диффузии следует из самой природы указанных жанров, основанных на постепенном нагнетании сюжета посредством привлечения все большего и большего количества фактов с целью достижения кульминации. Представленная автором история построена вокруг серии загадочных происшествий, постигших главную героиню Вику в одном из приморских городов во время командировки, и ее попытках выяснения истины. Героиня лишена характерных для классического детектива глубоких аналитических способностей и богатого жизненного опыта, однако наделена природным любопытством и наблюдательностью. Специфика выбранного автором образа обусловила и соответствующий характер развития действия: расследование в произведении приобретает черты принудительной каузальности, нередко опираясь на случай, стечение обстоятельств, поддержку случайных знакомых. Динамизм действия достигается путем широкого использования классических приемов массовой литературы: резкого деления действующих лиц на положительных и отрицательных, психологической упрощенности, введения в текст мотивов загадочного исчезновения, преследования, похищения, спасения от смерти.

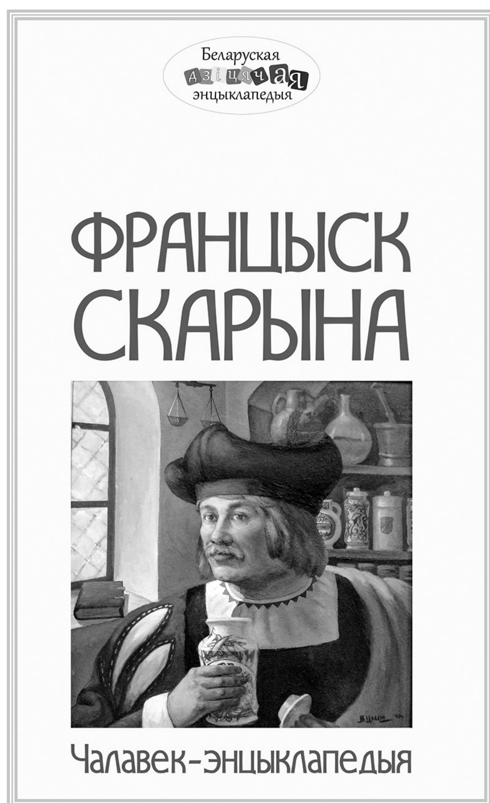
Мистическое начало в повести раскрывается через многие формы ужасного, роль и экспрессивный потенциал которых усиливаются по мере развертывания повествования. Атмосфера напряженности и необъяснимой тревоги создается с помощью соответствующего пейзажа (плотный туман; тяжелый, йодистый запах воздуха; серые силуэты зданий и др.), портретной характеристики персонажей (отечные, бледные лица местных жителей, вялость, замедленность их поведения и т. д.). Обращение писательницы к приему сновидения, с одной стороны, раскрывает психологическое состояние героини, с другой — выполняет четкую проспективную функцию, предсказывая дальнейший ход событий: «<...> снились мне чудовища, глазастые и губастые, они противно смеялись, квакали, касались меня холодными липкими лапами, похожими на человеческие руки так же, как гроб похож на коляску». Немаловажную роль в тексте играет образ моря, представленный в духе романтической эстетики. Он незримо присутствует почти в каждом эпизоде на уровне интуитивного ощущения, запаха, звука, однако предстает перед читателем только после успешного решения всех сюжетных колли-

зий. Существенное внимание уделяется также исторической тематике, сконцентрированной вокруг легенды о пане Твардовском, философе и алхимике времен короля Сигизмунда Августа, и его монстре — гомункулусе. Упомянутый образ получает в произведении несколько интерпретаций: мистическую (ментальный вампиризм), рациональную (результат болезни из-за недостатка в организме йода) и символическую (воплощение чрезмерных потребительских интенций сегодняшнего общества).

Подводя итоги вышесказанному, осмелимся сказать, что в современном белорусском вербальном искусстве есть сегмент, который уверенно развивается в контексте массовой культуры, о чем свидетельствует активное обращение ряда авторов к таким популярным жанрам и жанровым разновидностям, как приключенческая фантастика («Человек с бриллиантовым сердцем» Л. Дайнеко), космическая опера («Дикие кошки Барсума» Г. Авласенко), мистический детектив («Дети гомункулуса» Л. Рублевской), фэнтези (проза В. Громыко, Ники Ракитиной), научное фэнтези («Сад замкнутых гор» Сержа Минскевича). Упомянутым произведениям присущи ориентация на образец, упрощенность психологической характеристики персонажей, динамизм и занимательность действия. При этом очевидным является высокий аксиологический потенциал отечественных текстов, где внешняя формульность нередко обусловлена не столько прямолинейным копированием, сколько стремлением к переосмыслению заимствованного в новой художественно-эстетической парадигме, репрезентации определенных философских проблем максимально широкому кругу читателей. Показательным в данном плане выступает жанр фэнтези, развитие которого происходит в двух основных направлениях. Первый подход связан с активным освоением авторами уже готовой западноевропейской фольклорно-мифологической модели, широко транслируемой через многочисленные тексты-шаблоны признанных мастеров жанра. Другой вариант актуален при обращении писателей к уникальным национальным культурным кодам, что приводит к созданию чрезвычайно интересных примеров собственно белорусских фантастики и фэнтези, свидетельствует о новом этапе развития славянского фэнтези в целом.

С точки зрения рецензента

Трилогия о Франциске Скорине



«Беларуская дзіцячая энцыклапедыя» — так называется новая серия издательства «Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі». В прошлом году в ней вышли три книги «Францыск Скарына», написанные заместителем директора Национальной библиотеки Беларуси по научной работе и издательской деятельности, культурологом Алесем Сушей. Каждая из них имеет собственное название. Книги рассказывают о жизни и деятельности белорусского и восточнославянского первопечатника Франциска Скорины, отмечают то большое влияние, которое он оказал на развитие всей общественной и культурной жизни не только своего, но и последующих столетий.

Поскольку эти книги, прежде всего, адресуются читателям среднего и старшего школьного возраста, то и оформлены они соответствующе. В издательстве постарались сделать все для того, чтобы знакомство с ними превратилось в настоящий праздник. Это возможно, конечно, при условии, что сам текст будет дополнен соответствующими иллюстрациями, которые позволят живо представить себе эпоху, в которой жил и работал Скорина. А изображение скориновских мест в их сегодняшнем виде, ко всему, и ощущение связи времен.

Это чувствуется сразу же, когда открываешь первую книгу «Чалавек-энцыклапедыя». Она позволяет убедиться, насколько многогранен был талант Скорины. Воочию увидеть, как, благодаря этому, он успешно работал в самых различных направлениях. Целый разворот занимают репродукции страниц одного из изданий первопечатника. Помещена также гравюра, изображающая Полоцк XVI столетия. Еще на одной из них — учителя и студенты того, уже такого далекого для нас времени. Можно увидеть и Софийский собор таким, каким он предстал взору Наполеона Орды. А вот изображение дворика нынешнего Полоцкого университета, через несколько страниц — дворик Падуанского университета и т. д.

Шаг за шагом происходит углубление в тот огромный мир, название которому СКОРИНА: «Студэнт», «Доктар у навуках», «Лекар», «Каралеўскі садоўнік», «Сакратар трох каралёў», «Сакратар віленскага біскупа»… А это уже отдельные стороны таланта славного сына Полоцка: «Перакладчык», «Стваральнік літаратурнай мовы», «Духоўны пісьменнік», «Філосаф»… И конечно же, «Кнігавыдавец», «Першадрукар». Так называются в книге главы. А еще и «Прадпрымальнік». Это уже совсем по-современному. Но иначе и быть не могло, ибо Скорина во многом опередил свое время. Не только на годы, но и на десятилетия, столетия. Поэтому он и «паўстае як энергічны прадпрымальнік, які пастаянна займаўся самаўдасканаленнем, шукаў новыя шляхі і новыя сферы дзейнасці. Ён імкнуўся не толькі даць людзям святло ведаў, але і шукаў магчымасці для матэрыяльнага самазабеспячэння і заробку». Скорина стал и первым белорусским поэтом, автором стихотворений на белорусском (старобелорусском) языке.

Все это, безусловно, важно. Однако не менее важно и то, что, как отмечает А. Суша, «праз асобу Францыска Скарыны Беларусь была ўключана ў агульнаеўрапейскую і сусветную культурную прастору». Об этом разговор идет во второй книге «Чалавек сусвету». Несомненно, что среди школьников могут оказаться и начитанные ребята. Предвидя это, исследователь поясняет: «[…] уласна Беларусі ў тыя часы не існавала, як не існуе сёння ні адной краіны, дзе некалі жыў і працаваў наш асветнік. Хаця лёс беларускага першадрукара быў знітаваны з многімі дзяржавамі 16 (так в книге. — *А. М.*) стагоддзя, родным яму было Вялікае Княства Літоўскае. Гады яго вучобы звязаны з Польскім Каралеўствам і Венецыянскай Рэспублікай. У Чэшскім Каралеўстве ён ажыццяўляў сваю выдавецкую дзейнасць і праявіўся ў якасці таленавітага батаніка. Як вучоны і дыпламат ён быў вядомы ў Прускім Герцагстве. Асобныя крыніцы сведчаць пра магчымае знаходжанне і працу Францыска Скарыны ў Дацкім Каралеўстве, Папскай Вобласці, Вялікім Княстве Маскоўскім, Саксонскім Курфюрстве і Аўстрыйскай Манархіі».

О каждой из этих стран и рассказывается в главах второй книги. Одновременно говорится и о том, какие связи были с ними у Скорины. В отдельных случаях насчет этого высказываются предположения, как относительно Московии: «Многія даследчыкі лічаць, што ў 1520-х гадах Францыск Скарына наведваў Маскву. Гістарычныя крыніцы кажуць, што ў гэты час нейкі выдавец «рускіх кніг» наведаў Маскву з мэтай распаўсюджвання там сваіх выданняў. Верагодна, гаворка ідзе пра Скарыну, бо іншых выдаўцоў «рускіх кніг» тады яшчэ проста не было. Некаторыя спецыялісты выказваюць меркаванне, што ў Маскву накіроўваўся не сам першадрукар, а яго віленскі апякун і мецэнат Багдан Онкаў, аднак гэта версія выглядае менш верагоднай».

Третья книга «Чалавек-легенда» в сравнении с первыми двумя несколько опоздала. Ничего не поделаешь: у издательского процесса свои законы. Зато, не сомневаюсь, это в какой-то степени пошло даже на пользу. Читатели, успевшие познакомиться с книгами «Чалавек-энцыклапедыя» и «Чалавек свету», с нетерпением ожидали и эту, заключительную. Наконец, состоялась долгожданная встреча.

В ней Алесь Суша в какой-то степени пошел путем, избранным Анатолем Клышкой при написании книги «Францыск Скарына, альбо Як да нас прыйшла кніга». Выбор этот сделан продуманно. Молодой исследователь нисколько не повторяет своего опытного предшественника. Просто, как и А. Клышка, он прекрасно понимал, что, говоря о Скорине, ни в коем случае нельзя не принимать во внимание всего, что связано с одним из самых значимых человеческих открытий — книгопечатанием.

Поэтому вполне оправдано, что первый раздел третьей книги так и называется — «На шляху да беларускага кнігадруку». Он — как бы своего рода книга в книге. Отдельные же главы воспринимаются интересными

документально-художественными рассказами.

Каждая страна по-своему проходила этот сложный путь. Наша страна — не исключение, ибо, как точно замечает А. Суша, «Беларусь — гэта не толькі краіна замкаў, не толькі край, дзе цудоўна захавалася народная песенная і танцавальная традыцыя, дзе дасягнула росквіту рыцарская, гарадская і манастырская культура. Беларусь — гэта яшчэ і краіна кнігі». Как и везде, свой путь она начинала с рукописей.

Об этом рассказывает глава «Рукапісная кніга». Юному читателю, безусловно, будет интересно узнать, что большинство известных деятелей культуры древней Беларуси так или иначе были связаны с книгами. Называются имена Евфросинии Полоцкой, Кирилла Туровского. Отмечается, что «адной з самых старажытных кніг усходніх славян з'яўляецца знакамітае Тураўскае Евангелле 11 стагоддзя — верагодна, найбольш даўні рукапіс, які захоўваўся (а можа, і ствараўся) на землях сучаснай Беларусі і збярогся да нашага часу». Рассказывается о том, что было характерно для белорусской рукописной книги. Какое влияние оказала рукописная традиция Великого Княжества Литовского на перевод Библии, осуществленный Скориной.

Заслуги же Франциска Скорины — нелишне повторить — в первую очередь как первопечатника. Поэтому вполне понятно, что Алесь Суша углубился также в истоки книги. Так появилась глава «Узнікненне кнігадрукавання», где автор делает различные уточнения для школьников. В том числе объясняет, что печать — это технология размножения большого количества экземпляров какого-либо текста или изображения. Безусловно, у детей большой интерес вызовет то, что «ідэя друку была закладзена яшчэ ў старажытнасці, калі пачалі выкарыстоўваць кляйменне жывёлы».

Главы «Ёган Гутэнберг — заснавальнік еўрапейскага кнігадрукавання», «Заходнееўрапейскія інкунабулы», «Чэшскія першадрукі», «Швайпольт Фіёль і першыя выданні кірылічнага шрыфту» — это уже история книгопечатания, приподнесенная через наиболее значительные личности, имевшие отношение к этому делу в разных странах.

А. Суша глубоко и обстоятельно затрагивает все, что связано с деятельностью славного сына белорусского народа, в этой же книге он говорит о том, о чем в предыдущих двух говорилось мало или это затрагивалось вскользь. В результате появились разделы «Выданні асветніка» и «Тэхналогія стварэння цуду». Если о книгах, изданных Скориной, писалось (да и пишется) немало, то куда реже говорится о самом процессе книгопечатания. Разве что в специальных научно-исследовательских изданиях этому делу уделяется достаточное внимание. Поэтому, думаем, школьники с удовольствием прочитают о том, как был освоен процесс получения бумаги, создавались первые печатные станки. Да и о многом ином, без чего невозможно было появление книги.

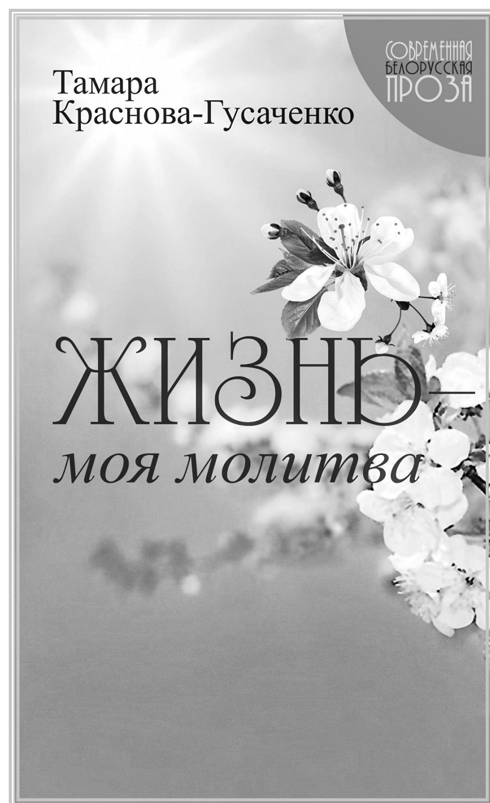
В прошлом году, ставшем подготовительным к празднованию 500-летия белорусского книгопечатания, появилось немало книг, посвященных жизни и деятельности Скорины. Еще больше их выйдет в нынешнем, когда юбилейные мероприятия достигнут своей кульминации. Это, конечно, отрадно. Как и то, что готовится новое, дополненное издание энциклопедического справочника о Франциске Скорине. Исследовательская же трилогия А. Суши, а именно так нужно воспринимать три его книги «Францыск Скарына», хотя и адресована детям, не только не теряется среди прочих изданий, но и занимает свое достойное место.

Алесь МАРТИНОВИЧ

С точки зрения рецензента

Что нужно для счастья?

Поэт переходит на прозу… Меня этот процесс всегда интересовал и волновал. Что лежит в его основе: поэт разочаровался в возможностях рифмованного слова, исчерпал свои поэтические резервы или, говоря словами Пушкина, года к суровой прозе клонят? Хочется исследовать реальность глубже, детальнее, магический кристалл поэзии сменить на суровое увеличительное стекло.



Передо мной сборник прозы известной поэтессы Тамары Красновой-Гусаченко «Жизнь — моя молитва». Две повести, несколько рассказов и три замечательных эссе. Читаю и понимаю, что однозначного ответа на поставленный вопрос не получу. В этой книге, как отмечает в предисловии секретарь правления Союза писателей России Николай Иванов, от первой строки до последней — поэзия в прозе.

Именно так: поэзия в прозе. И этот вывод можно проиллюстрировать несколькими примерами.

«Она стояла на холме, с которого когда-то открывался вид на ее деревню — великолепную, огромную, с утренними вверх подымающимися пышными высокими столбами дыма, похожими на соцветия гигантских роз или георгин, эдакими бело-сине-розовыми бутонами над трубами. Деревня… Летом утопающая в садах, бушующих пеной цветущих вишен, черешен и яблонь, в урагане сирени, накрывающем гигантским свои кружевным крылом цветения дома, улицы, заборы…»

Эти неожиданные и точные образы: дым как соцветие гигантских георгин, ураган сирени, который накрывает своим кружевным крылом цветения дома, улицы — все это, право же, чистая поэзия.

Или в другом месте, где автор описывает первые ощущения деревенского пейзажа:

«Высоко-высоко заливалась, пела переливами небесной красоты какая-то птаха, пела, разговаривала, уговаривала, и так нам понятна была эта песня из детства: «Чьи вы? Чьи вы? Чьи вы?»

А вот как увиделся наблюдательному глазу, неравнодушному сердцу этот

же пейзаж уже вблизи, при детальном рассмотрении:

«А еще дома с блестящими под луной крышами. Ну почему они так блестят, соломенные крыши, словно игрушки на сказочной елке, усыпанные блестками, и в памяти еще горят окна, словно тающие свечи в сугробах, и оплывающие с крыш одеялами голубые, синие, сиреневые снега».

Так увидеть прозу деревенской жизни может только поэт.

Впрочем, достоинство книги не в одной только поэзии, которой насыщены ее страницы. Очень важны философские раздумья автора о главных, насущных проблемах бытия, о нравственных императивах нашей сегодняшней жизни.

Скажем, о судьбе родной деревни. Когда-то в ней было четыреста с лишним дворов. На три километра тянулись эти дома, выстроенные вдоль укатанной, обрамленной сочной травкой-муравкой дороги и речки. Были хоть и небогатые, но добротные, чистенькие, ухоженные. Все с садами и непременно палисадниками, пленяющими всякого живого человека своими дивными флоксами, мальвами, георгинами и золотыми шарами…

Много бед пережила деревня: революцию, две войны, ледяные, опустошающие ветры репрессий. Однако, как подтверждает время, все эти беды оказались не страшнее «демократической» перестройки. В итоге родной деревни не стало. Сегодня в ней не наберется и четырех десятков домов, в которых доживают свой век старики и старухи.

«Да что деревни? — горестно восклицает автор. — Страны не стало. Могучей, казалось, вовек непобедимой державы не стало в один миг…» И лишь одним штрихом, одним маленьким эпизодом раскрывается вся нелепость, вся бесчеловечность содеянного.

«Мы ехали из Украины… Везли гостинцы от матери: абрикосы, орехи, домашнее вино, варенье, все свое, из отчего сада. Но, оказалось, уже нельзя было этого делать! Не положено! На таможне уже действуют новые порядки и уставы.

С какой же болью высыпались на обочину заботливо собранные руками старенькой свекрови орехи, выливалось сделанное ею по особому рецепту домашнее вино… Другая страна за межой, и сад родной теперь стал заграничным».

Сколько в этом небольшом, эмоциональном эпизоде любви и боли. Любви к некогда великой стране, боли за поруганную ее чистоту и свет, за пришедшие хамство, мздоимство, бандитизм и нищету, безнравственность и духовную пустоту — все то, что буйным цветом обычно растет и процветает там, где начинается разруха.

А ведь когда начиналась приватизация, многие, очевидно, начитавшись заказного чтива, надеялись вырастить у себя доморощенных «великодушных» заводовладельцев, которые и о людях рабочих своих позаботятся, и государству будут отчислять много-много, а себе оставлять столько, сколько надо человеку для жизни, а много ли ему надо-то? Всего-то одна чистая, светлая, незапятнанная душа, чтобы жить было нетяжко с нею на земле…

Увы! И невольно вслед за автором восклицаешь-вопрошаешь: «Нет сил постичь психологию новоявленных капиталистов. Не слепы же они, чтобы не видеть, что вокруг происходит? Не безумны же они, чтобы не понимать краткости человеческого бытия?»

«Когда же началась вся эта канитель?» — терзается горькими мыслями герой повести «Александра» Иван. Они, эти мысли, буквально причиняют ему физическую боль. Как получилось, что начало глобальной разрухи никто не предсказал, не почувствовал, не поднял тревогу? Ведь перед землетрясением даже звери стараются покинуть то место, где оно должно произойти. Перед грозой закрываются цветы, чтобы сохранить хрупкий бутон во время бури.

А тут приватизировалось внаглую, почти задаром, без законов и правил, — все. Разрушались, останавливались гигантские производства,

рушились моральные, нравственные устои общества, и в стране, самой могущественной в мире, самой приспособленной для благополучной, счастливой жизни, не нашлось специалистов и преданных людей, чтобы остановить, предупредить…

Чрезвычайно важен итог этих горестных размышлений. «Но теперь… — убежден Иван. — Скоро все изменится. Мы наберемся сил. Мы вернем своей Родине былую славу и могущество».

Вместе со своим героем убеждена в этом и автор книги. Почему? Потому что на свете людей добрых всегда больше, чем злых. Терпеливых, трудолюбивых, скромных, любящих Бога и живущих по Божьим законам. Труд ежедневный, тяжелый и вместе с тем радостный труд на благо своей семьи, труд, который давал хлеб на стол, одежду на плечи, крышу над головой, не давал сердцам озлобиться и развратиться.

Какая чистая, здоровая душа у трудового человека! Люди, которые ценят свое дело, судят все по справедливости и чести, никогда не станут торговать своей Родиной. Ни за какие «сребреники» не продадут они душу свою дьяволу соблазна. Вот почему основой и крепостью всей нашей жизни являются именно люди труда. Те, кто живет для семьи, а значит, и для Отечества. Ибо это неразделимо.

Книга Тамары Красновой-Гусаченко «Жизнь — моя молитва» читается на одном дыхании. Этому во многом способствует откровенно-доверительное, глубоко эмоциональное повествование, основанное на личностном, нередко драматическом опыте, а также тот органичный сплав поэзии и философии, о котором сказано в самом начале. Причем философские размышления автора отнюдь не претенциозны, они не грешат излишней усложненностью, фальшивой патетикой. Они просты и естественны, вытекают из, казалось бы, обыденных, незначительных жизненных наблюдений.

Вот одно из них.

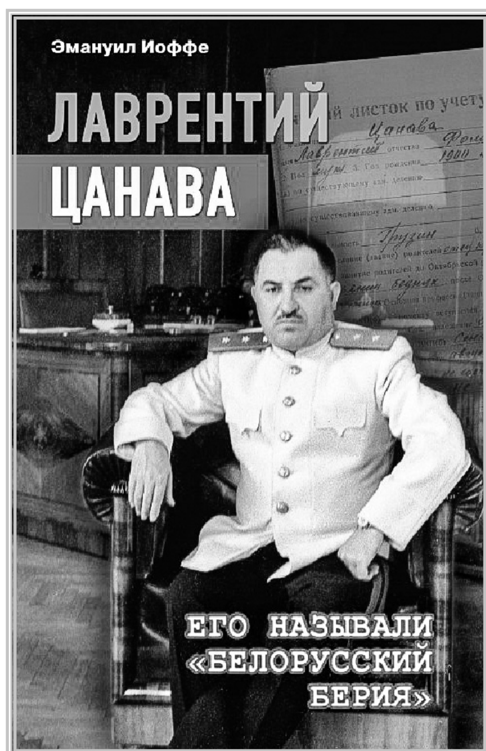
«По шершавой коре ствола узкой дорожкой спускаются муравьи, до самого узла корней, выступающих, словно сцепленные жилистые руки, из сухой, осевшей и потрескавшейся земли, и — вниз по холму, по одним только им известным дорожкам к себе домой!

Не прервать мне, так мало понимающей, да и не могущей понять их стежек-дорожек, путаных-перепутаных, на мой взгляд, а для них — единственно правильных, их неспешный ход, их зыбкое и все же вечное счастье — жить, трудиться неустанно, тащить огромное бревно — былинку на своих хрупких плечах и еще более огромные, в два-три раза больше их по размеру, белые градины яиц. Не наступить на них! Вот это и есть основа земного счастья: не нарушить, не навредить».

Зиновий ПРИГОДИЧ

С точки зрения рецензента

Вверх по лестнице, ведущей вниз



Э. Г. Иоффе — не новичок в жанре исторического портрета. Те, кто интересуются советским периодом истории Беларуси, хорошо знают его работы, посвященные выдающимся политикам, военным, ученым. Книга, посвященная восхождению и бесславному концу Лаврентия Цанавы, потребовала от маститого белорусского историка больших усилий, как в связи со значительным объемом проработанных первоисточников, так и имея в виду прочно устоявшуюся негативную окраску личности портретируемого. Учитывая все это, надо отдать должное смелости автора монографии, который взялся за подобное исследование и нашел свой угол зрения на личность «белорусского Берии» и на ту историческую эпоху, в которой он жил.

Книга «Лаврентий Цанава: его называли “Белорусский Берия”» (Минск: Адукацыя и выхаванне, 2016. 520 с.), как следует из ее названия, посвящена белорусскому периоду жизни ее героя. Монография состоит из семи глав, введения, заключения, а также списков использованных источников, литературы и сокращений.

Первая, самая объемная глава посвящена деятельности Л. Ф. Цанавы на посту наркома НКВД БССР в 1938—1941 гг. Она начинается эффектным эпизодом, когда начальник «Колхидстроя» Лаврентий Джанджгава, по совету своего друга Лаврентия Берии, перед отправкой в Минск берет новую, более произносимую для славян фамилию — Цанава. В этой главе на документальной основе показана репрессивная политика, осуществлявшаяся под его непосредственным руководством в отношении жителей БССР, депортации из Западной Белоруссии, расстрелы военнослужащих польской армии, подавление польского патриотического подполья. Только в первый год деятельности Л. Ф. Цанавы на территории Белоруссии по политическим обвинениям было арестовано 27 тыс. человек. Заканчивается глава выводом о том, что накануне войны «…Л. Ф. Цанава, другие руководители республики проявляли нерешительность, ждали указаний сверху… информацию о приготовлениях вермахта на советско-поль-

ской границе расценивали как дезинформацию нацистских спецслужб».

Во второй главе автор проследил жизнь и деятельность своего героя в 1941—1945 гг. Первые дни войны застали Л. Ф. Цанаву в Минске. Он руководит строительством убежища для руководства республики, спешной эвакуацией своего наркомата, расстрелами заключенных. Находясь уже в Могилеве, создает истребительные батальоны и группы самообороны. С июля 1941 г. по март 1943 г. бывший нарком занимает должность начальника особого отдела Западного фронта, который противостоял группе армий «Центр». Он организовывает диверсионно-разведывательную работу в тылу противника, контрразведывательные мероприятия в советском тылу, проверку красноармейцев, выходящих из окружения. Кроме этого Л. Ф. Цанава в годы войны являлся заместителем начальника управления особых отделов НКВД СССР, руководителем оперативно-чекистской группы НКВД СССР по БССР, уполномоченным НКВД по II Белорусскому фронту и вновь наркомом госбезопасности БССР. На этих должностях он занимается организацией и засылкой на оккупированную территорию спецподразделений НКГБ, участвует в ликвидации гауляйтера В. Кубе (и одновременно дискредитацией минского подполья), руководит борьбой с национальными вооруженными формированиями на территории Белоруссии.

Третья глава книги названа автором «Л. Ф. Цанава после Великой Отечественной войны» и охватывает заключительный этап белорусской части биографии его героя протяженностью в шесть лет (1945—1951 гг.). Эти годы жизни наркома, а с 1946 г. — министра госбезопасности БССР, были наполнены, прежде всего, борьбой с «изменниками Родины», проживавшими на временно оккупированной немцами территории, представителями белорусской национальной интеллигенции, «космополитами». Перед читателем проходит целая галерея сломанных человеческих судеб: поэтессы Л. Гениюш и подпольщика М. Гебелева, наркома просвещения П. Саевича и академика А. Жебрака. Отдельный раздел главы посвящен роли Л. Ф. Цанавы в убийстве национально-культурного лидера советского еврейства С. Михоэлса. Всего за этот период в республике было репрессировано более 50 тыс. человек.

В четвертой главе монографии, названной «Общественная деятельность Л. Ф. Цанавы», показана работа наркома госбезопасности на различных избираемых партийных и советских должностях. Речь идет преимущественно о рутинных проверках предприятий и объектов различных отраслей народного хозяйства республики. Оставшиеся три главы, значительно уступающие по объему предыдущим, посвящены заключительному, московскому периоду жизни Л. Ф. Цанавы, занявшему кабинет заместителя министра госбезопасности СССР, его бесславной смерти в Бутырках, а также личностным характеристикам и правительственным наградам.

Как мне представляется, Э. Г. Иоффе удалось дать свою собственную оценку и Л. Ф. Цанаве, его деяниям и той эпохе, внутри которой все это происходило.

Не со всеми оценками автора монографии можно согласиться, некоторые из них сразу вызывают у меня возражения и побуждают к спору, а порой даже и вызывают неприятие, но от этого они не перестают быть интересными для читателя этой книги. Впрочем, нужно отдать должное автору, он и не претендует на вынесение окончательной исторической оценки герою своего исследования. Но при этом акцентирует внимание на том обстоятельстве, что многие действия Л. Ф. Цанавы были обусловлены суровой действительностью жестокого XX столетия.

С моей точки зрения, вся деятельность «белорусского Берии» в нашей республике должна быть охарактеризована как преступление перед обществом и перед конкретными людьми. Характеризуя идейные убеждения (а точнее, их отсутствие) деятелей типа Цанавы, хорошо знавший их лично

А. Г. Авторханов в книге «Загадка смерти Сталина» писал: «Это люди с эластичной совестью и бездонным властолюбием. Сталинцы впервые в истории нашли рецепт органического синтеза партийной политики и уголовщины. Согласно этому рецепту, все моральные категории и общепринятые нормы человеческого поведения находятся в постоянной диалектической трансформации: зло может превратиться в добродетель, бесчестье — в честь, долг — в предрассудок, подлость — в подвиг, и наоборот. И весь этот свой "моральный кодекс" сталинцы применяют не только в борьбе с врагами вне партии, но и в борьбе за власть между собой, внутри самой партии, причем побеждают наиболее ловкие, прибегающие к еще никем не использованным новинкам политической подлости». Вся биография Цанавы — цепь таких подлостей. Однако, у автора книги на предмет исследования свой взгляд, который можно передать, перефразируя знаменитые слова Мефистофеля: «…я часть той силы, что вечно хочет блага, но совершает зло». И Эмануил Григорьевич, безусловно, имеет на нее право.

Среди отличительных характеристик книги: всестороннее раскрытие темы, оригинальность сюжетных линий, введение в научный оборот уникальных архивных материалов. Рассматривая тот или иной шаг Л. Ф. Цанавы, логику его действий, приводя аргументы «за» и «против» с помощью многочисленных документов, автор дает возможность читателю формировать собственное отношение к всемогущему наркому либо корректировать уже сложившуюся позицию.

Монография, естественно, не свободна от недостатков.

Первое, что бросается в глаза при прочтении книги, — это ее перегруженность приведенными полностью архивными документами, а также пространными цитатами других авторов. По объему они превышают авторский текст, что временами превращает монографию в документальный сборник либо хрестоматию. В ряде мест автор ссылается на газетные статьи, написанные нашими современниками-журналистами без отправки к первоисточникам, что, конечно, снижает достоверность описываемых событий и фактов (с. 23, 43, 211 и др.). Научную ценность работы также несколько снижает отсутствие во введении историографического обзора. В тексте имеются досадные противоречия. Скажем, как высокопоставленный сотрудник НКВД мог обладать «особым умением в точности выполнять приказы вышестоящих руководителей» (с. 7) и одновременно быть «смелым в борьбе с несправедливыми решениями» (с. 13)? Наконец, двусмысленно звучит пожелание автора контролирующим органам Республики Беларусь использовать в своей работе приемы и методы из арсенала «белорусского Берии» (с. 440).

Итак, новая книга Э. Г. Иоффе вносит существенный вклад в изучение феномена сталинизма и выстроенной Сталиным репрессивной системы в Советской Белоруссии. Хочется надеяться, она вызовет новый всплеск интереса к отечественной истории XX века, будет стимулировать изучение тех ее аспектов, которые, по справедливому замечанию автора, до настоящего времени остаются неисследованными.

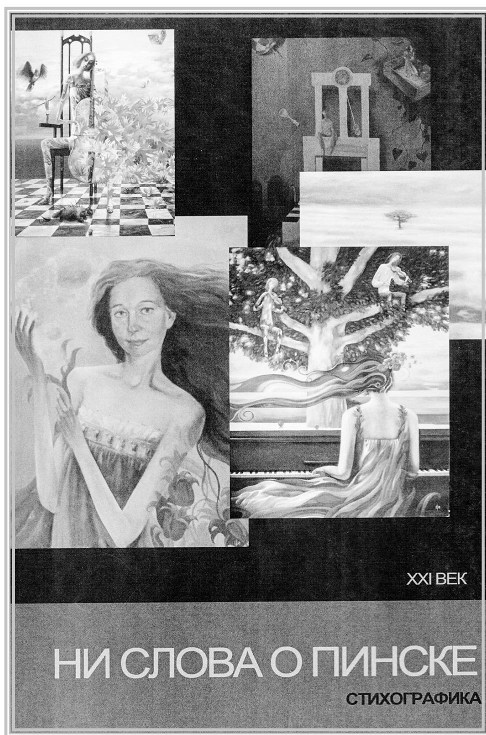
*Александр **ГУЖАЛОВСКИЙ***

С точки зрения рецензента

Ощущение чуда: стихографика

«Ни слова о Пинске» — так называется книга двух пинчан, поэта Феликса Чечика и художника Изи Шлосберга. У книги есть подзаголовок, анонсирующий ее содержание, — «Стихографика. XXI век».

Об этой книге можно написать большой трактат. По ней можно сделать солидную кандидатскую, а то и докторскую диссертацию. А можно ограничиться и двумя строчками. Уверен, будет достаточно, чтобы люди, читающие и знающие современную живопись, поняли уникальность (ценность) этой книги. Она уникальна уже даже и тем, что издана в США, а на английском в ней — только выходные данные; вступительная статья же и стихи поданы по-русски. Ну, а у живописи, как известно, язык один — краски.



Книга «Ни слова о Пинске» сделана людьми яркими, щедро наделенными от Бога. Художник и поэт Сергей Слепухин свою статью-вступление к книге «Ни слова о Пинске» назвал «Предощущение чуда». А предощущение, как известно, нередко более живо, более ярко откладывается в душе и памяти, чем собственно явление того, чем оно было вызвано. Правда, в данном случае и чудо — встречи со стихами Феликса Чечика и графикой Изи Шлосберга — вызывает не меньше приятных ощущений, эмоций, переживаний.

Меня будильник не вернул с того
на этот свет,
и звон, переходящий в гул,
почти сошел на нет.
— Поторопись, — сказал отец, —
иначе навсегда
ты здесь останешься, глупец,
до Страшного суда.

«Здесь, в этом удивительном сборнике, все, все о Пинске…» — пишет Сергей Слепухин. И это при том, что среди нескольких десятков стихотворений Чечика я нашел только одно, где сквозной канвой проходит слово «Пинск», да и то — в воспоминаниях, точнее, даже в видениях поэта. Сон, видения — это воспоминания, по сути то, что сегодня и связывает авторов книги с Пинском. Немного? Нет, это как раз и есть убедительное доказательство того, что творчество поэта Феликса Чечика, художника Изи Шлосберга в большой степени — оттуда, из Пинска. Память о городе детства и

молодости — неиссякаемый источник их творчества. А еще это — ярчайшее свидетельство того, что значит для каждого из них город Пинск.

Ты задержался и теперь — одна, всего одна,
и та полузакрыта дверь, ведущая из сна.
Я помогу тебе, но ты, имей в виду, сынок:
вернувшийся из темноты смертельно
одинок.
И в этом нет ничьей вины.
Ты сам того хотел…
И ангел голосом жены «Шма Исраэль»
пропел.

Пинск, в конце концов, их и объединяет как Художников. Причем не только конкретно в этой книге, а вообще — в жизни творческой и, если хотите, духовной. Думаю, живя еще в Пинске, в силу немалой разницы в возрасте — 11 лет — они не особо-то и знали друг друга. Впрочем, в Пинске до года 1991-го все, почти все пинчане друг друга знали. Хотя бы немного. Ну, а люди творческие, уверен, знали и по именам, знали и кто чем занимается, кто, строго говоря, чего стоит…

Больше о книге говорить не буду. Да это и необязательно. Книгу эту хорошо бы иметь. Держать в руках, читать стихи, смотреть (и видеть!) живопись, думать.

Покуда в городской пыли
Дышал, как рыба, я,
Прогнулось небо до земли
Под тяжестью шмеля.
И от гудения его
Июльский день оглох.
И ничего. И никого.
И шмель летит, как Бог.

Приведу биографические справки каждого из авторов. «Феликс Чечик, родился в 1961 году в городе Пинске (Беларусь). Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор шести поэтических книг и многочисленных журнальных публикаций. Лауреат «Русской премии» за 2011 год. С 1997 года живет в Израиле».

От себя добавлю. Феликс Чечик после школы работал токарем на Пинском судостроительно-судоремонтном заводе, служил в СА в Забайкалье. После армии поступил в Литинститут и до 1997 года жил, учился и работал в Москве. Много пишет и широко публикуется в литературно-художественных изданиях России и Русского зарубежья. А начинал печататься, будучи школьником, в пинской газете «Полесская правда». Потом были публикации в Бресте и Минске, в частности, в журналах «Рабочая смена» и «Родник». Его стихи отличают легкость и прозрачность. Они легко читаются и так же легко запоминаются.

«Изя Шлосберг известный художник. Основатель творческого союза «Shiva-club». Выставлялся в Беларуси, России, Украине, Польше, Германии, Испании, Венгрии, Израиле и США. Более 300 картин художника находится в частных коллекциях и музеях. Родился в 1950 г. в Пинске (Беларусь), с 1994 г. проживает в США».

Изя Шлосберг в 1973 году окончил факультет машиностроения Белорусского института механизации сельского хозяйства, до 1994 года работал на инженерных и руководящих должностях на предприятиях Пинска. В 1981 году окончил Московский институт искусств. Выставляется с 1973 года. В конце 80-х (XX столетия) стал одним из вдохновителей и создателей группы пинских художников «АртФакт», в составе которой выставлялся в Пинске и других городах БССР и суверенной Беларуси, за рубежом. Много выставляется. Его работы находятся в лучших музеях мира, в частных коллекциях по всему свету. Пишет стихи и прозу, статьи по искусству и живописи. Автор книг, многочисленных публикаций в литературно-художественных журналах, альманахах и Сети. Популяризирует творчество белорусских художников. Стихографика — это изобретение Изи Шлосберга. Художник и поэт, он, тем не менее, к своим работам стихи не пишет. И поэты, как правило, специально не пишут стихи к его картинам. Художник приглашает к участию поэтов, стихи которых созвучны его творчеству, и соединяет их по ассоциации. Получается, считает художник и поэт Изя Шлосберг, новая вещественность, новый эстетический продукт со стихоживописным эмоциональным контекстом.

Валерий ГРИШКОВЕЦ

Имена

Институт Мальдиса

В сравнении с многими странами народов Европы, Азии, мы, белорусы, не так уж и богаты в культурном отношении. И нечего здесь спорить или проливать слезы. Продуктивнее — определить дальнейшие пути развития и идти вперед, усваивать новое, укреплять добытое и осмысленное предшественниками. На великое белорусское счастье, есть у нас личности, стоящие особняком.

Мальдис Адам Иосифович — из таких духовных богатырей, чей талант и уникальное трудолюбие, чья харизматичная энергетика помогали белорусской науке и культуре сделать очередной шаг вперед.

А путь ученого был непростым, как и у многих его сверстников. Родился он в деревне Рассолы — нынешний Островецкий район. В школу пошел только в 1945-м, имея за плечами уже 13 лет. Правда, сразу в 5-й класс. До сей поры с помощью отца, простого крестьянина Осипа Людвиковича, занимался самообразованием. Закончив в 1951 году Островецкую среднюю школу, Адам поступил на отделение журналистики Белорусского государственного университета.

Уже в студенческие времена начал выступать в печати с рецензиями. Сам Адам Иосифович началом своей профессиональной литературной деятельности считает рецензию на роман Пилипа Пестрака «Сустрэнемся на барыкадах» — «Недостатки хорошего произведения», опубликованную в газете «Літаратура і мастацтва» 1 сентября 1954 года. Уже само название говорит о попытке сказать правдивое слово. С этих — середины 1950-х годов — публикаций и начинается Адам Мальдис как исследователь.

Три года в районной газете в Радошковичах также многое привнесли в жизнь, в самосознание будущего ученого. Во-первых, опыт ответственного секретаря пускай себе и небольшой по объему газеты — это опыт организационного характера, что в начале жизни чрезвычайно существенно. Во-вторых, работать выпало на Молодечненщине, богатой традициями и культурой. Какое из молодечненских селений ни возьми — всюду «культурные гнезда»!

Затем — аспирантура Института литературы имени Янки Купалы. С 1963 года, когда Адам Мальдис защитил кандидатскую диссертацию, — научное старательство в Академии наук: младший, старший научный сотрудник, заведующий сектором взаимосвязей литературы, а с 1981-го — заведующий отделом белорусской дооктябрьской литературы. Докторскую — «Закономерности развития белорусской литературы переходного периода (Вторая половина XVII—XVIII вв.)» — защитил в 1986 году. Все, как говорят, по плану. Возможно, впереди должны были быть и членство в Академии наук, и действительного академика чин… Но уже с самого начала пути стало видно, что приоритеты, избранные Мальдисом, направлены в сторону иных ценностей. Не конъюнктурные были это приоритеты… И не было необходимости декларировать свою цель, она оказалась на виду: Мальдис «собирает Беларусь». Поэтому со временем и пришел к созданию Национального научно-исследовательского центра имени Франциска Скорины, поэтому и вел по непростому общественному, жизненному течению этот «корабль надежд» аж семь лет (!). К сожалению, вскоре корабль прибился к берегу, не оставив никаких надежд, что в таком масштабе снова кто-то в ближайшие годы осмелится на собирание белорусики в культуре, искусстве, просвещении. Да и следов сейчас того

движения, того пути становится все меньше…

…Уже первая книга Адама Мальдиса — «Творческое побратимство: Белорусско-польские литературные взаимосвязи в XIX веке» (Минск, 1966 год) — вызвала большой интерес. Появились рецензии в журнале «Полымя», газетах «Літаратура і мастацтва», «Чырвоная змена», а также в «Советском славяноведении», белостокской «Ніве»… И авторы не случайные: Владимир Казберук, Микола Прошкович, Степан Миско!.. И уже тогда было понятно, что только литературных интересов Адаму Мальдису мало. Ученый внимательно следит за всем, что связано с наследием уроженцев Беларуси, сам участвует в открытии забытых имен наших соотечественников. Ученый-литературовед становится культурологом, историком отечественной культуры.

…1967 год. В журнале «Полымя» выходит рецензия Адама Мальдиса на книгу переводов поэзии Владислава Сырокомли на белорусский язык. На страницах «Маладосці» ученый рассказывает об Игнатии Домейко. «Літаратура і мастацтва» помещает статью «Пионер белорусской фольклористики» — к 120-летию со дня смерти легендарного Яна Чечота. В этой же газете — рецензия на книгу исследователя Казахстана, Центральной Азии Адольфа Янушкевича «Дневники и письма из путешествия по казахским степям», изданную в 1966 году в Алма-Ате. Адам Мальдис стремился видеть все, что связывало Беларусь с миром.

Внимание к судьбам наших соотечественников через некоторое время вылилось в многие и многие публикации. А еще пришла и новая тема — свидетельства, мемуарные источники о нашем Отечестве из уст путешественников разных эпох. Так родилась книга «Дороги вели через Беларусь», которую Адам Иосифович написал в соавторстве с Валентином Петровичем Грицкевичем. Рядом с ней стоит и труд «Беларусь в зеркале мемуарной литературы XVIII века».

С 1980-го по 1990 год ученый издал восемь книг. И на этот же период приходится защита докторской диссертации. Тогда же инициируется работа над многотомным справочником «Белорусские писатели» (шесть томов его увидели свет в 1992—1996 гг.) К сожалению, эти тома не получили достойной государственной награды. По своему значению работа эта как никакая другая достойна Государственной премии. Между тем, внимание Мальдиса к белорусской библиографии — тема для особого разговора, которую давно пора вести в университетских аудиториях. А что касается краеведческой библиографии, то сделанное, найденное, подсказанное ученым стоит еще не одной докторской мантии… И из года в год — множество публикаций в периодической печати. Мальдисовские 1980-е годы мне видятся самыми напряженными. Следующее десятилетие должно было стать еще более насыщенным, и соответственно, более продуктивным. Но книг стало меньше… Мальдис стал организатором в науке, в культурологических проектах, стал руководителем, инициатором работы и плодотворной деятельности коллективов многих других старателей. И у меня, признаться, к такому проявлению его творческой биографии двойственное отношение. С одной стороны, замечательно: и в Скориновском центре, и в комиссии Белорусского фонда культуры «Возвращение», и в Международной ассоциации белорусистов Адам Иосифович — личность незаменимая. Но представьте себе, каких усилий стоили все эти первые роли! Да, другая сторона моего отношения, извините, критическая: Адам Иосифович за эти годы мог бы написать еще не одну книгу, поработать на увеличение собственного творческого актива… Но, наверно, в том и исключительность личности такого масштаба, что она сама определяет приоритеты, сама устанавливает цену и оценку сделанному.

…Несколько лет назад я прочитал у Дмитрия Лихачева: «Есть большая разница между экологией природы и экологией культуры, и довольно принципиальная.

До определенной межи потери в природе возобновляются… Иначе складывается дело с памятниками культуры. Их потеря невозвратима, потому что памятники культуры всегда индивидуальны, всегда связаны с опреде-

ленной эпохой, с конкретными мастерами. Каждый памятник разрушается навечно…

Чтобы сохранить памятники культуры, необходимые для «моральной оседлости» людей, мало только платонической любви к своей родине, любовь должна быть действенной.

А для этого нужны знания, и не только краеведческие, а и более глубокие, которые можно объединить в особенную научную дисциплину — экологию культуры».

Вот и мне литературовед, историк культуры Адам Иосифович Мальдис видится настоящим «экологом культуры». Его работа по сохранению памятников отечественной культуры просто уникальна по многогранности. Выступления на заседаниях комиссии «Возвращение» Белорусского фонда культуры, многочисленные инициативы, обращенные к министерствам, к правительству страны, а еще и формирование общественного мнения в этом направлении, выступления в печати, подготовка и издание сборников «Возвращение» — все это фундамент к сегодняшним и завтрашним достижениям. И начиная с середины 1980 годов, многие статьи Адама Мальдиса как раз и были направлены на решение этих проблем: в «Голасе Радзімы» — «Программа комиссии «Возвращение». В журнале «Памятники истории и культуры Беларуси» — «Возвращение», в правительственной газете «Республика» — «А что в хранилищах России?» (о духовных и материальных ценностях, которые находятся в архивах, музеях и библиотеках России). И там же — «Куда исчезли могилевские коллекции?» (о том, что случилось во время Великой Отечественной войны с ценностями, которые хранились в Могилевском областном государственном историческом музее). И опять в «Республике» — «Скарбы минского музея. Где они? Следы ведут в западном направлении» (о трагической судьбе коллекции Минского историко-художественного музея). Название и подзаголовок одной из статей Адама Мальдиса говорит и о позиции автора в сложном вопросе реституции — «Потеряно. Но есть надежда…» (о возвращении и совместном использовании духовных и материальных ценностей, которые находятся у наших соседей). Ученый не раз озвучивал свою позицию именно таким образом: надо знать, где и что белорусское находится, и если невозможно вернуть, то надо хотя бы ввести в обиход белорусской национальной культуры, истории информационно, через описание, копирование, каталоги и т. д.

В этом прежде всего и проявляется глубина научного таланта Адама Мальдиса — его представление о просторах белорусской культуры, его, основанное на огромном багаже знаний, убеждение в исключительности, ценности национального, его роли в формировании духовных приоритетов. Фактически Мальдис работает за целый институт. И это не просто образ. Сегодня уже не пересчитать тех ученых, журналистов, литераторов, которые пользовались и пользуются его щедрыми консультациями и советами.

Адам Иосифович во все годы был и остается Краеведом с большой буквы. Родом с Островетчины, он всегда помнит о ней, и его всегда притягивает к себе этот, казалось бы, небольшой уголок Родины. В 1977 году отдельным книжным изданием увидел свет очерк «Островетчина, край дорогой…». Книга вызвала широкий резонанс не только на Гродненщине. В «Літаратуры і мастацтве» рецензиями откликнулись на это издание такие неутомимые путешественники по родной стране, как Геннадий Кохановский и Евгений Сахута. На фоне многих книг и книжечек типа серии историко-экономических очерков о городах Беларуси «Литературно-краеведческое путешествие по Островетчине» оказалась ярким примером, как знакомить читателей с родной стороной, какие богатства можно найти буквально везде.

Порубежному белорусско-литовскому краю повезло: у него есть искренний и заботливый летописец, защитник исторических, культурных особенностей. Повезло и всей Беларуси — у нее в лице Адама Мальдиса есть неспокойный и настойчивый защитник родной культуры. И слава Богу, что плоды его достижений и сегодня востребованы.

Алесь КАРЛЮКЕВИЧ

Перевод с белорусского Олега ПУШКИНА.

Авторы номера

ПОПОВА Елена Георгиевна. Родилась в г. Лягтца (Польша). Училась на факультете журналистики Белорусского государственного университета, окончила Литературный институт им. М. Горького. Драматург, прозаик. Автор множества пьес, поставленных театрами разных стран. Произведения переведены на английский, немецкий, японский, польский, белорусский языки, включены во многие зарубежные антологии. Победитель Первого Европейского конкурса пьес. Включена в энциклопедию «2000 выдающихся европейцев XXI столетия». Живет в Минске.

РУБЛЕВСКАЯ Людмила Ивановна. Родилась в 1965 г. в Минске. Окончила Минский архитектурно-строительный техникум, филологический факультет Белорусского государственного университета, училась в Литературном институте им. М. Горького. Поэт, прозаик, журналист, литературный критик. Автор более 20 книг поэзии и прозы. Лауреат конкурса драматургии «Купалавы даляглядны», премии «Залаты апостраф» журнала «Дзеяслоў» и премии Франтишка Богушевича. Живет в Минске.

ПОДКАТИК Елена (Копыток Елена Сергеевна). Родилась в 1972 г. в поселке Крупский Минской области. Окончила Могилевский библиотечный колледж имени А. С. Пушкина и Белорусский государственный университет культуры и искусств. Печаталась в журнале «Верасень». Автор книги прозы «Точка». Живет в Борисове.

ГУРИНОВИЧ Федор Федорович. Родился в 1950 г. в д. Кривичи Солигорского района Минской области. Окончил Белорусский государственный университет. Автор многих книг поэзии и прозы. Лауреат Литературной премии имени Янки Мавра. Живет в Солигорске.

ОРЛОВ Владимир Александрович. Родился в 1938 г. в Баку (Азербайджан). Окончил Белорусский государственный театрально-художественный институт. Кинорежиссер, писатель. Автор книг «Магия белого экрана», «Их портрет с обреченным императором», «Пересечения в пространстве и времени», «Ускользающие сюжеты» и др. Живет в Минске.

ШТОРМ Люба (Аладьева Любовь Сергеевна). Родилась в 1996 г. в Минске. СтуденткаБелорусского государственного университета. Печаталась в журналах «Качели», «Рюкзак», «Бярозка», «Маладосць», газете «Літаратура і мастацтва». Живет в агрогородке Самохваловичи Минского района.

ПИТКЕВИЧ Полина Александровна. Родилась в 1994 г. в Минске. Окончила Институт журналистики Белорусского государственного университета, сейчас учится в магистратуре. Печаталась в республиканских периодических изданиях. Живет в Минске.

КУПРИЯНЕЦ Татьяна Александровна. Родилась в 1993 г. в Минске. Окончила физический факультет Белорусского государственного университета. Печаталась в журнале «Белая Вежа». Автор поэтического сборника «Отзвуки памяти». Лауреат ряда литературных конкурсов, победитель Республиканского конкурса молодых поэтов Беларуси-2015 в номинации «Что помнит мир спасенный?». Живет в Минске.

МИКУЛИЧ Борис Михайлович. Родился в 1912 г. в Бобруйске. Учился в Минском государственном педагогическом институте, на литературных курсах в Москве. Автор нескольких книг прозы. В 1936 г. арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы, повторно арестован в 1949 г. и сослан на поселение в Красноярский край. Умер в 1954 г. в поселке Машуковка Тасеевского района Красноярского края.

БЭГЛИ Десмонд. Родился в 1923 г. в г. Кендал (Великобритания). В возрасте 14 лет оставил школу и начал работать. Британский писатель-романист и публицист, один из основоположников жанра триллер. Автор романов «Золотой Киль», «Оползень», «Западня свободы», «Ночь ошибок», «Джаггернаут» и др. Умер в 1983 г. в городе Саутгемптон (Великобритания).